

**Мардабан
Блиноед и другие
невероятные
истории**

Алексей Наумов

Алексей Наумов
Мардабан Блиноед и другие
невероятные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66747473

SelfPub; 2024

Аннотация

Хотите узнать, где живут Сосисочные пауки, как поймать Лунную Бабочку, кто такой Мардабан Блиноед, зачем Марсиане придумали кофе, а так же многое другое? Тогда скорее открывайте книгу и ничему не удивляйтесь. Скучать не придётся!

Содержание

Мардабан Блиноед	4
Лунные бабочки	19
Марсиане	32
Железная Инга	45
Капитан Жиробас	62
Усы и Борода	80
Бонгу	101
Китёнок Ватруша	116
Огневой	131
Редкие виды	148
Сахарные пигмеи	160
Мистер Флопп	176
Великая сила	189
Никак	205
Русалки	285
Заклятье	309

Алексей Наумов

Мардабан Блиноед и другие невероятные истории

Мардабан Блиноед

– Да, друзья мои, – сказал папа, виртуозно подбросив вверх горячий блин, так что тот перевернулся в воздухе и шлёпнулся обратно на сковородку, – что ни говори, а искусство блинопечения одно из древнейших искусств в мире, которое, в своё время, воспели многие великие поэты, музыканты и художники античности. Изображение блинов можно встретить на наскальных рисунках в Сибири, в глубинах пирамид Египта и Центральной Америки, в храмах Индии и Китая и даже на острове Пасхи. В Древней Греции блинам посвящали целые оды, и до сих пор бытует мнение, что такая спортивная дисциплина как метания диска, изначально представляла собой обычную деревенскую забаву по перебрасыванию горячих блинов друг другу.

Папа ловко швырнул готовый блин в миску и налил новую порцию теста на шипящую сковородку. Серёжа и Варя смотрели на его действия в немом восторге, не понимая, как папе

удаётся так лихо подбрасывать и ловить блины, не роняя их на пол.

– Человек, – продолжал веселиться папа, – который постиг все таинства блинопечения, почитался гражданами Афин наравне с величайшими ораторами и воинами того времени и имел право заказать свой мраморный бюст на алее славы. Легендарный Геракл неоднократно участвовал в соревнованиях по художественному выпеканию блинов и гордился своими победами на этом поприще не меньше, чем другими героическими деяниями. Поговаривают, что даже боги иногда спускались с Олимпа, чтобы насладиться чудесным вкусом жареных блинов со сгущёнкой, а затем, под видом обычных людей, принимали участие в соревнованиях по блинопечению, где почти всегда проигрывали простым смертным. Кстати, знаменитые аргонавты, участники похода за Золотым руном, ориентировались в Чёрном море при помощи старинного блинного компаса, представляющего собой толстый блин, который плавал в раскалённом масле и указывал стороны света, нанесённые на него при помощи клубничного варенья. Не удивительно, что их поход затянулся, так как компас то и дело таинственным образом пропал, и им постоянно приходилось выпекать новый...

Папа сбросил последний блин в миску, выключил газ и триумфально повернулся к ребятам.

– Ну, как? Класс?

– Здорово! – ответили ребята. – А где ты так научился

печь блины? В Греции?

– В центре подготовки астронавтов, – улыбнулся папа, вытирая руки о фартук. – Там всех учат печь блины, на случай контакта с внеземной цивилизацией, чтобы земляне могли без всяких слов показать, на что способна их цивилизация... А если серьёзно, то когда мы с вашей мамой только поженились, мы жили очень бедно и как-то раз, в течение трёх месяцев, питались исключительно одними блинами и чаем. Мы ели их на завтрак, обед и ужин, а иногда ещё и на полдник. Тогда-то я и овладел старинным мастерством переворачивания блинов в воздухе, хотя, признаюсь, поначалу мне неоднократно приходилось мыть пол, стены, а порой и потолок...

Папа подхватил миску с блинами и поставил её на обеденный стол.

– Так, – сказал он, протирая свои очки, – быстро доставайте чашки, ложки и всё остальное. Мама скоро приедет и мне кажется, что сюрприз удастся на славу. Когда всё сделаете, приходите ко мне, я буду у самовара. Только не забудьте выпроводить отсюда Степашку, а то я уже вижу, как он принюхивается к нашим блинам. Не хватает только, чтобы он опять добрался до них прежде нас...

Степашка с невинным видом посмотрел на ребят и папу, и замахал хвостиком, как бы говоря, что ничего подобного у него нет на уме, но в глубине души, он действительно уже прикидывал, как запрыгнет на стул и немного понюхает аппетитное угощение...

«Ничего же не случится, если я просто понюхаю один блинчик, – размышлял он. – И не надо на меня так смотреть, будто я постоянно таскаю еду со стола. Это было все один раз. Или два... Или... Неважно! В конце концов, я же сторожевой пёс и должен первым попробовать блины, на случай если они отравленные...»

Однако ни папа, ни ребята не поверили невинным взглядам скотч-терьера и вывели его с кухни.

«Не очень то и хотелось...» – надулся Степашка, но потом заметил яркую гусеницу, неспешно переползающую тропинку и поспешил к ней, забыв и про блины и про обиды.

– Папочка, – спросила Варя, подкладывая в самовар шишки. – А кто придумал сковородку?

– Один однорукий пират, – не задумываясь ответил папа. – В бою он потерял левую руку и утратил способность печь себе блины, так как раньше, да будет вам известно, блины жарились в кастрюлях с двумя ручками. Люди жили бедно, и делать специальную посуду для разных блюд никому и в голову не приходило. Всё варилось и жарилось в одном котелке, из которого зачастую и ели.

– А Расскажи про этого пирата, – попросил Серёжа. – Как его звали?

– Его звали Мардабан, по прозвищу Блиноед и поверьте, когда моряки видели на горизонте его круглые паруса, им было совсем не до смеха. Никто точно не знал, откуда он родом. Одни утверждали, что он родился в Карфагене, другие

на Крите, а сам он иногда болтал, что его дом находится на севере, там, где моря скованны льдами и от холода даже у рыб вечный насморк. Так или иначе, но он с детства ходил под парусом, сначала юнгой, а затем простым матросом и всегда был предметом насмешек своих товарищей, так как очень любил покушать и при первой же возможности жарил себе толстые, румяные блинчики, за что и получил своё прозвище. Поначалу, он был вполне добродушным малым, но однажды, их судно взяли на abordаж пираты под командованием грозного Бешеного Осьминога, и весь экипаж вынужден был выбирать – прыгнуть в море к тигровым акулам или стать морскими разбойниками.

Мардабан посмотрел на голодных акул, затем на смеющихся пиратов, а после бесстрашно обратился прямо к Бешеному Осьминогу и спросил того:

– Подскажите, пожалуйста, а я смогу жарить себе блины, если решу стану пиратом?..

– Что, – захохотал Бешеный Осьминог, – блины? Ты спрашиваешь меня, сможешь ли ты жарить блины, когда твоя жизнь висит на волоске? Отлично! Нам нужны такие парни! Я беру тебя к себе в команду и да, ты можешь жарить блины когда захочешь *Блиноед*.

Капитан снова захохотал, а Мардабан, не теряя время, стал делать тесто, потому что от таких волнений у него всегда просыпался жуткий аппетит...

Так, наш герой сделался пиратом и участвовал в 123 боль-

ших и малых морских сражениях, не считая поиска сокровищ на Чёрных островах и осады испанской крепости, о которой я расскажу подробнее чуть позже. Блиноед пользовался большим уважением среди своих товарищей, так как перед лицом любого врага, когда даже старые и опытные пираты начинали нервничать, он преспокойно пёк свои блины и ел их с самым независимым видом. Такая беззаботная храбрость вызывала у пиратов искреннее восхищение, а потому, когда в одном из сражений Бешеный Осьминог погиб при взрыве порохового погреба, пираты единогласно избрали своим новым капитаном Мардабана Блиноеда. Поначалу, дела у нового капитана не клеились, потому что одно дело спокойно жарить блины, а совсем другое, придумывать коварные планы по нападению на торговые корабли, ведь Мардабан, несмотря на годы, проведённые с пиратами, так и не стал кровожадным и старался всё решить мирно. После нескольких неудач, команда стала разочаровываться в своём выборе, но тут, произошло событие, которое полностью изменило жизнь нашего героя. В стычке с сицилийскими моряками, Блиноед потерял руку и пришёл в такую ярость, что приказал протаранить своим кораблём вражеское судно и пустил его на дно со всеми сокровищами.

– Это им за мою руку, – закричал он. – Пусть все знают, что тот, кто не подчинится мне, Мардабану Блиноеду, будет кормить рыб, чего бы мне это ни стоило!

Члены его команды разом присмирели, видя, каким

страшным сделался капитан, и решили пока не бунтовать и не прогадали. Уже через неделю удача улыбнулась им, и огромное судно гружёное шёлком и пряностями досталось им без боя, лишь только услышав имя Блиноеда. С этой поры, на пиратском небосклоне засияла новая звезда, и имя Мардабана Блиноеда стало известно во всех морях, где пролегали торговые пути. Круглые паруса в виде блинов наводили ужас на купеческие корабли, и у них существовал только один шанс спастись – сдаться без боя, потому что в противном случае, пираты были беспощадны и топили любое судно во чтобы то ни стало. Если же корабль вывешивал белый флаг, то Блиноед, забрав сокровища и всех желающих стать пиратом, отпускал судно с миром, что в те времена граничило с чудом. Как и прежде, он по нескольку раз в день жарил себе блины, но так как у него была только одна рука, постоянно обжигался или ронял их на палубу, что безумно его раздражало. Пираты не раз предлагали капитану свою помощь, но он раздражался ругательствами и гнал их прочь, говоря, что никто из них ничего не смыслит в великом искусстве блиноделия.

Слава и богатства капитана Блиноеда быстро росли, и однажды, собрав большую эскадру, он решился атаковать испанскую морскую крепость, в которую, по слухам, доставили груду сокровищ из Южной Америки.

На рассвете, пользуясь туманом как прикрытием, пиратские суда незаметно приблизились к крепости и обрушили

на неё град ядер. Застигнутые врасплох испанцы отчаянно оборонялись и потопили пять вражеских кораблей, но силы были неравны, и к полудню пираты во главе с Блиноедом ворвались внутрь, но к их неопишуемой ярости сокровищ нигде не было! Как оказалось, драгоценности, тайно отправили накануне ночью вглубь континента, так как комендант крепости боялся пиратского рейда. Разбойники были в бешенстве, но Блиноед успокоил их.

– Ребята, – сказал он, ставя на огонь свою походную кастрюльку. – Караван с сокровищами не мог уйти далеко. Мы оставим наши корабли и отправимся в погоню. Испанцы уверены, что пираты бывают только на море, так что мы обрушимся на них точно снег на голову, и золото будет нашим!

Пираты одобрили план своего командира и через час, двинулся следом за караваном. Они шли без остановки всю ночь и весь день и к вечеру настигли обоз с драгоценностями. Как и предполагал Блиноед, при виде невесть откуда взявшихся пиратов, охрана в ужасе разбежалась, и сокровища с лёгкостью перешли в руки разбойников. Это была воистину впечатляющая победа, и теперь уже никто не сомневался в том, что Блиноед действительно великий пират, который может достать золото не только на море, но и на суше. Отпраздновав это событие, пираты двинулись в обратный путь и подошли к побережью как раз к тому моменту, чтобы увидеть свой догорающий флот в окружении огромной испанской эскадры. Разбойники еле-еле успели укрыться в крепости, и

теперь сами превратились в осаждённых. Испанская флотилия потребовала немедленной капитуляции, дав пиратам на размышление один час, иначе, как говорилось в ультиматуме, крепость будет стёрта с лица земли.

От таких новостей, радость пиратов улетучилась, и они во всём стали обвинять Блиноеда, который подбил их на эту затею. Некоторые даже предлагали сбросить его с крепостной стены и, взяв часть сокровищ, уйти от испанцев по суше, в надежде затеряться среди лесов и гор. Они не могли знать, что испанцы предусмотрели такой шаг пиратов и устроили засады на пути к отступлению. Меж тем, верный своему ненасытному желудку Мардабан, спокойно слушал упрёки в свой адрес и беспечно жарил оладьи. Приготовив целый таз угощения и обильно полив его мандариновым джемом, он принялся обедать, попутно излагая свой план спасения. Когда он закончил есть и говорить, пираты снова заулыбались, а тот, кто предлагал сбросить капитана со стены, так смутился до такой степени, что сам с неё и упал...

За пять минут до окончания срока ультиматума, когда испанские корабли уже наводили свои орудия на крепость, к флагманскому фрегату причалила лодка с парламентёром. Он поднялся на борт и вручил испанскому адмиралу ответное послание, которое гласило, что пираты готовы отдать всё золото и оставить крепость без боя, если им предоставят два корабля, на которых они смогут уплыть. В случае отказа, пираты обещали повесить уцелевших защитников крепости,

утопить всё золото в прибрежных водах и сражаться до последнего, так что испанцам придётся положить немало собственных жизней.

Поразмыслив немного, Хосе Сантьяго Мигель Перерас-Марерас, весьма надменный и не очень умный испанский адмирал, решил принять условия пиратов.

«В конце концов, – решил он, – так я спасу всех своих людей, крепость и сокровища, что покроет меня небывалой славой. Что же касается пиратов, то когда они сядут на корабли, я попросту утоплю их, потому что ни один уважающий себя испанский адмирал не должен идти на сделку с разбойниками...»

– Мы согласны, – брезгливо ответил адмирал пиратскому парламентёру. – Но сначала, пираты должны выпустить оставшихся в живых защитников крепости. Как только мы увидим, что они живы, мы пришлём два корабля и позволим вам убраться восвояси. И смотрите без шуток, а не то от вас мокрого места не останется! Даём вам ещё один час.

Парламентёр расшаркался в карикатурном поклоне и отплыл обратно, где передал слова адмирала Блиноеду.

– Кажется, они клюнули, – улыбнулся капитан. – За дело ребята, у нас мало времени.

Через час, нервно расхаживающий по палубе огромного фрегата адмирал, поднёс к своим глазам подзорную трубу и увидел, что от крепости отчаливает несколько небольших судёнышек, битком набитых израненными испанскими сол-

датами.

– Ага, – усмехнулся адмирал. – Отлично! Теперь мы им покажем...

Он приказал отправить пиратам два корабля, а сам приготовился встретить отважных защитников крепости, на долю которых пришлось такие ужасные испытания. Он лично стоял у трапа, когда на борт поднялся комендант крепости – огромный толстяк в трещащем по всем швам испанском мундире и стальной кирасе.

– Приветствую вас, храбрый слуга своего отечества, – сказал адмирал. – Я знаю, как храбро вы сражались и в том, что крепость пала нет вашей вины.

– Благодарю вас, – ответил толстяк. – Если бы я мог, я бы продолжил сражаться, но главарь пиратов отрубил мне руку, видите?

Комендант показал забинтованный обрубок руки и адмирал побледнел.

– Какой ужас, – сказал он. – Но не волнуйтесь, пираты не уйдут безнаказанно.

– Мне не терпится увидеть, как эти разбойники пойдут ко дну, – прорычал комендант.

– В таком случае, – оскалился адмирал, – пойдёмте на капитанский мостик. Оттуда у вас будет самый лучший вид...

Адмирал и комендант поднялись наверх, а тем временем, оставшиеся испанские солдаты постепенно поднимались на борт огромного фрегата.

– Что вы намерены делать дальше, адмирал, – спросил комендант, глядя в подзорную трубу на два судна, которые причалили к крепости и на пиратов, поднимающихся на их борт. – Вы же не отпустите их просто так?

– Разумеется нет, – усмехнулся адмирал. – Как только они выйдут в открытое море, мы ударим по ним всеми силами и навсегда покончим с ними.

– Но вы же обещали сохранить им жизни, – заметил комендант. – Вы не сдержите своё слово?

– Слово данное пирату не имеет значения, – рассвирепел адмирал. – Какие могут быть договорённости с преступниками? Мы атакуем их и потопим, а затем получим причитающуюся нам награду из рук самого короля.

Комендант ничего не ответил, а только лишь слегка улыбнулся, словно ценя юмор адмирала, и продолжил свои наблюдения.

Наконец, пираты закончили погрузку и, подняв паруса, двинулись напрямиком к испанской флотилии.

– Пусть отойдут подальше, – командовал адмирал, радостно потирая руки, – а не то в такой толчее, мы будем палить друг в друга. Дайте им выбраться в открытое море, а затем, им конец...

Когда пираты миновали всю испанскую флотилию, и стали набирать ход, держа курс в открытое море, адмирал потребовал поднять на своём фрегате флаги, означающие сигнал к атаке, но едва он открыл рот, как почувствовал, что в

его живот упёрлись два пистолета...

– Не стоит так волноваться, адмирал, – сказал комендант крепости, которым, как вы уже, наверное, догадались, был Мардабан Блиноед. – Не кричите, а то мои пистолеты очень пугливые и могут случайно выстрелить...

Блиноед протяжно свистнул и в тот же миг, израненные испанские солдаты превратились в пиратов, которые приставили свои клинки к горлу ничего не подозревающих матросов и в один миг захватили флагманский корабль.

– А теперь, мой любезный адмирал, – вкрадчиво сказал Блиноед, – отдайте приказ своей флотилии спустить паруса и встать на якорь.

– Но... – всё ещё недоумевал адмирал. – Что... Как...

– Мои пистолеты теряют терпение, – проворковал Блиноед. – Вы же не хотите их огорчать, правда?..

Ругаясь на чём свет стоит, адмирал отдал приказ своей флотилии не преследовать пиратов и встать на якорь.

– И что дальше, – прошипел адмирал. – Всё равно сокровища вам не достанутся. На тех двух кораблях их нет, я видел в подзорную трубу, что пираты ничего не поднимали на борт!

– Разумеется их там нет, – рассмеялся Блиноед. – Все сокровища были с нами, и их уже поднимают на ваш чудесный фрегат. В крепости остались только уцелевшие испанские солдаты, которые любезно согласились одолжить нам свою форму...

– Но... – захлебнулся возмущением адмирал. – Но это нечестно!.. Вы обещали!

– Как и вы, милейший, – усмехнулся Блиноед. – А теперь, будьте так добры, спуститесь пожалуйста в трюм, потому что теперь здесь я адмирал.

Через четверть часа флагманский фрегат поднял все паруса и помчался вслед за двумя пиратскими кораблями и когда испанцы опомнились и поняли в чём дело, было уже слишком поздно и разбойники, вместе с сокровищами, исчезли за горизонтом.

Именно там, на борту испанского корабля гружёного золотом, разбирая груды сокровищ, Блиноед заметил небольшой тазик с огромной ручкой, в котором, по всей видимости, варили варенье для королевских особ. Он сразу смекнул, что эта посуда ему пригодится и, немного усовершенствовав её, стал учиться печь блины на этом подобии сковородки. С одной длинной ручкой ему было управляться гораздо удобнее, чем с двумя, а затем, когда он наловчился подбрасывать блины в воздух и давать им переворачиваться на лету, все его проблемы были решены и отныне он мог всегда напечь себе блинов без посторонней помощи. Он назвал своё изобретение по имени небольшого острова Сквара, на который они высадили испанского адмирала и его моряков. Говорят, что Блиноед владел своей скварой настолько виртуозно, что порой использовал её вместо палицы во время абордажа, чем наводил ещё больший ужас.

– А что с ним случилось дальше? – спросил Серёжа.

– История это умалчивает, – ответил папа. – После той знаменательной осады, след Мардабана Блиноеда постепенно теряются. Последнее упоминание о нём связано с великой пиратской войной западного и восточного средиземноморья, длившейся более 25 лет. По всей видимости, он разделил судьбу большинства пиратов и погиб, в каком ни будь из многочисленных сражений или умер от жёлтой лихорадки. Однако, изобретение Мардабана пережило его самого и с той самой поры, сквары или, по нашему, сковородки прочно обосновались в каждом доме, хотя, готов поспорить, мало кто знает, что своим появлением на свет они обязаны хитроумному однорукому пирату, большому любителю сладких блинчиков.

Лунные бабочки

– Эту историю, мне рассказал один учёный, который много лет проработал в центре подготовки космонавтов, – сказал папа и выжидательно оглядел собравшихся, чтобы убедиться, что все заинтересовались его словами.

– Надо сказать, – продолжил он, – что у него полно интересных историй, но самые захватывающие касаются рассказов астронавтов, которые вернулись из космоса. Порой, они настолько невероятны, что многие учёные считают их чем-то вроде галлюцинаций, вызванных сложными условиями полёта и высокой ответственностью. Всё же, несмотря на все скептические замечания своих коллег, люди, побывавшие на орбите, регулярно делятся своими необычными переживаниями и странными картинками, что разворачивались перед их взором.

– А что они рассказывают, – спросил Серёжа.

– Ну, – ответил папа, – к примеру, им регулярно слышатся голоса, будто-то кто-то окликает их, хотя вокруг никого нет, или они видят странных существ, похожих на больших светлячков, которые порхают снаружи корабля и будто то бы играют. Однако то, что однажды рассказали моему

другу космонавт, только что вернувшийся из полёта вокруг луны, было настолько невероятным, что полностью затмило все предыдущие истории.

– Что же это было? – спросила мама, не отрываясь от своего вязания.

– Да, папочка, что это было, расскажи, пожалуйста, – подержала маму Варя.

– Хорошо, – загадочно улыбнулся папа, – но для начала, нам необходимо перенестись в прошлое, в древний Китай, и познакомиться с учёным, поэтом и философом по имени Лао Ди, жившим в провинции Хэнань более 4000 тысяч лет назад. Его знания в области естествознания и истории были настолько впечатляющими, что он слыл одним из мудрейших людей своего времени и постоянно был окружён огромным количеством учеников. Его трактаты под названием «Путешествие с камнями», «Глаза неба» и «Новые рыбы Меркурия и Сатурна» до сих пор будоражат умы человечества и являются предметом жарких научных споров. Большинство учёных считают их мистификациями и готовы оспаривать в них каждое слово, однако, существуют и те, кто имеет смелость утверждать, что они вовсе не лишены смысла и со временем, люди оценят всю глубину мыслей мудрого философа. Как бы то ни было, но будучи на пике своей славы, Лао Ди прогневал императора и был с позором изгнан из своего дома. Поговаривали, что император попросил известного учёного состряпать ему рецепт бессмертия, на что наш

герой скромно ответил, что в этом нет нужды т.к. любой человек уже обладает этим секретом с самого рождения. Императору показалось, что Лао Ди смеётся над ним и едва не казнил философа, но затем, решив, что это может вызвать восстание его многочисленных последователей, объявил учёного предателем и велел ему убираться. Лао Ди, которому в то время шёл восьмой десяток, не стал противиться воле императора и отправился в путь, в сторону Индии, чтобы исследовать заповедные леса и неприступные горы. Он запретил ученикам следовать за ним, так как хотел побыть в одиночестве и взял с собой только свою ручную куницу и бамбуковую клетку с почтовыми голубями, с которыми он обещал посылать весточки. К слову говоря, после изгнания Лао Ди с его родной земли, на древнее царство стали обрушиваться одно несчастье за другим. В конечном итоге, император был убит своим собственным братом, и его имя сохранилось в веках лишь благодаря тому, что он показал себя глупцом, изгнав философа.

Совсем иначе обстояли дела у Лао Ди. Вдали от толпы людей, он словно приобрёл второе дыхание, и дни его были безмятежны и легки. Он плыл по земле как облако по небу, подгоняемый неспешным ветром жизни и каждый его день был наполнен глубоким смыслом и очарованием. Время от времени, он отправлял послания своим друзьям и те узнавали, где он находится и какие мысли у него на уме. Его пыткий ум не прекращал трудиться и помимо слов приветствий,

его письма содержали описания новых видов животных, географические карты, наброски различных машин, позволяющих облегчить жизнь человека и стихи, которые были полны любви и мудрости. Некоторым даже могло показаться, что на его пути не было никаких препятствий и всё давалось ему легко, но они ошибались. Во время своего вынужденного путешествия, жизнь Лао Ди не раз висела на волоске. Он трижды попадал в плен к разбойникам, которые желали получить за него выкуп, но затем отпускали старика, поражённые его кроткой мудростью и весёлой безмятежностью. В одном из глухих селений, Лао Ди приняли за злого духа, спустившегося с гор. Крестьяне схватили учёного и привязали лианами к столбу, намереваясь уморить его голодом, чтобы изгнать зло. Но в первую же ночь, куница пробралась к хозяину мимо спящей охраны и перегрызла узы и Лао Ди бежал. Дикие звери также не раз встречались ему на лесных тропах, но ему удавалось перехитрить их. Непогода, усталость и голод шли за учёным по пятам, но он научился презирать лишения и не позволять им руководить его судьбой. Однажды, на старом горном перевале, Лао Ди попал под ужасающий камнепад, и несколько дней провёл под завалом, со сломанной ногой, пока куница не смогла найти лазейку, выбраться наружу и привести крестьян из соседней деревне, которые разобрали завал и освободили путешественника. К их удивлению, учёный не только был жив, но и пребывал в отличнейшем расположении духа, и даже был немного расстроен,

что его извлекают из-под завала. По его словам, ему ещё никогда ещё так хорошо не думалось, как в тесном каменном плену, где никто и ничто не могло потревожить или отвлечь его разум. Крестьяне отнесли Ляо Ди в деревню, где он провёл пару месяцев, так как его тело пострадала сильнее чем его дух. По истечению этого срока, он, всё ещё сильно прихрамывая, отправился в путь на специально им сконструированном деревянном стульчике с четырьмя колёсиками, прародителем первых инвалидных кресел. Он передвигался на нём почти год, пока его нога не зажила полностью, и радовался как ребёнок, когда у него была возможность катиться с горки вниз. В своих письмах он сообщал друзьям, что нашёл это способ передвижения настолько удобным, что с трудом заставил себя вновь пользоваться ногами. Ему буквально пришлось сжечь свой «самодвижный» стул, чтобы вновь пойти пешком.

Странствия Лао Ди длились более 10 лет, пока учёный не устроился у самого подножия Гималаев, соорудив себе небольшую хижину, где и решил остаться до самой смерти. Впрочем, никто точно не может сказать, где, когда и как умер Лао. Некоторые горячие головы даже утверждают что он, до сих пор жив, и живёт на другой планете, но я забегаю вперёд.

Исходя из тех сообщений, что приходили от Лао, в последние годы он ужасно заинтересовался бабочками, а именно, Гигантскими Лунными Махаонами – легендарными священными бабочками, которые якобы могут долетать до луны

и возвращаться обратно. Учёный всерьёз начал полагать, что легенда имеет все основания быть правдой. Он писал, что обнаружил на северном склоне Гималаев пещеру, где, когда-то давно, обитали эти таинственные существа. Несколько огромных серебристых крыльев, некогда явно принадлежавших огромным бабочкам, были найдены им на полу той пещеры и привели его в неопишуемый восторг. К сожалению, от времени и сырости, крылья рассыпались в прах от малейшего прикосновения, так что учёному не удалось отправить своим ученикам их образец, ограничившись лишь подробным их описанием и цветным рисунком. Эта находка определила его дальнейшую судьбу. Ему всегда казалось, что столь красивая и подробная легенда, которую он слышал от самых разных людей с самого раннего детства, не могла быть ложью. Что-то определённо скрывалось за ней и эти крылья, подтверждали его смелую догадку. Было очевидно, что такие бабочки когда-то существовали, и быть может, по-прежнему живут неподалёку, и он должен приложить все возможные усилия, чтобы попытаться найти их и разгадать эту тайну.

Целыми днями, Лао Ди, несмотря на свой внушительный возраст, карабкался по скалам и изучал пещеру за пещерой, но никаких новых подтверждений его теории не попадалось ему на глаза. Он расспрашивал местных жителей, горных пастухов и встречных путников, но никто не видел Лунных бабочек, считая их существование лишь старинной легендой. Но Лао Ди не отчаивался и однажды, он повстречал

древнего монаха, который, узнав причину, по которой учёный проводит всё своё время в горах, поведал Лао Ди о том, что видел в своём далёком детстве.

– Мне было 6 лет, – сказал монах, – когда однажды утром, наш учитель поднял нас раньше обычного, и повёл в горы. Мы шли весь день, недоумевая, куда он ведёт нас, и заночевали прямо под открытым небом, на камнях, а на следующий день, измученные и усталые, мы увидели ничем примечательную расщелину в скале, к которой вёл нас учитель. Когда мы приблизились, из темноты донеслось глухое ворчание гималайского медведя – огромного и совершенно бесстрашного хищника, который с лёгкостью отнимает добычу у тигров. Мы попятились и хотели бежать, но учитель остановил нас. Он что-то сказал в темноту и рычание смолкло. Всё ещё дрожа от пережитого страха, мы прошли вглубь и увидели огромного чёрного медведя, стерегущего вход в пещеру. Учитель зажёл большую свечу, которая стояла в углу и мы двинулись дальше. Через несколько десятков метров, вы оказались в небольшом зале, с потолка которого свисали сталактиты.

«Вот, смотрите и запомните навсегда то, что вы видите, – сказал нам учитель, освещая одну из стен. – Этим рисункам многие тысячи лет и священны, потому что всё, что изображено на них – правда. Не спрашивайте меня ни о чём. Просто смотрите и однажды, быть может, вы постигнете их смысл...»

И что же было изображено на той стене, – спросил Ляо Ди.

– О, – улыбнулся монах, – там было много удивительных картин с летающими людьми и странными мирами, но мне, отчего-то, больше всего запали в память бабочки с огромными серебряными крыльями, порхающие меж звёзд и облетающие луну, похожую на огромный жёлтый цветок. Это было так красиво, что я и сейчас могу видеть их, стоит мне закрыть глаза...

– И где же расположена эта пещера? – спросил учёный.

– Я не помню, – печально покачал головой монах, – мы были совсем детьми и сильно устали, так что дорога среди неприметных скал стёрлась из нашей памяти.

– Но, быть может, кто-то другой в твоём монастыре знает её? – сказала Ляо Дин.

– Увы, – улыбнулся монах. – Монастырь был разрушен в одну из войн и из всех его послушников уцелел лишь я один. Но знаешь, тебе нет нужды искать эту пещеру. Просто ищи бабочек, и они укажут тебе путь.

– Но я и так ищу их уже очень давно, – ответил учёный. – И пока, мои поиски не увенчались успехом.

– Это потому, – сказал монах, – что ты искал лунных бабочек, не веря в их существование. Теперь, когда ты знаешь, что они существуют, ты найдёшь их...

Они расстались как добрые друзья и окрылённый разговором с монахом Лао Ди поспешил обратно, в свою хижину, чтобы подготовиться к новому походу в горы. Теперь он

был абсолютно уверен в успехе и, отправив друзьям очередное послание, удалился в горы, чтобы уже никогда не возвращаться обратно.

С этого момент, никто не видел старого учёного, и только тот факт, что время от времени от него приходили сообщения, говорил, что он всё ещё жив и продолжает поиски. Лао Ди решил подняться выше, туда, где почти не ступала нога человека и обследовать старые утёсы, в которых было множество пещер. День за днём он одержимо карабкался вверх, исследуя скалу за скалой, пока однажды, любуясь полной лунной, не увидел как к ней поднимается вереница удивительных бабочек. Их крылья сверкали в лучах луны, и они неторопливо поднимались всё выше и выше, пока не стали похожими на стайку крохотных звёзд, расшалившихся в безоблачном небе. Едва дождавшись рассвета, Лао Ди направился в то место, над которым, по его расчётам, парили бабочки, и, после долгих поисков, обнаружил в скале небольшое отверстие, в которое едва смог протиснуться. Когда, спустя несколько часов, он выбрался обратно, его глаза сияли и он присел на камень, чтобы унять дрожь в ногах. Гигантские Лунные Махаоны существовали – в пещере жили сотни, а быть может и тысячи бабочек и теперь, ему оставалось лишь выяснить, действительно ли они могут улетать на луну и возвращаться обратно. Лао Ди написал своё последнее письмо и отправил его с единственным оставшимся у него голубем, приложив в доказательство своих слов одну из ба-

бочек. К несчастью, голубь не добрался до дома, став добычей сокола, но Лао Ди не мог знать об этом и, преисполненный энтузиазма, принялся за изучение легенды. Сказать по правде, он был даже рад, что избавился от необходимости писать домой, так как это стало утомлять его. Даже новые стихи он предпочитал теперь просто рассказывать камням, не записывая. Его жизненный путь подходил к концу – учёный понимал это, а потому, он ни о чём более не печалился, сосредоточившись на одном, – изучении бабочек. Трудно сказать, как именно он проводил свои опыты. Современные учёные предполагают, что скорее всего, он ловил бабочек, метил их крылья красным иероглифом обозначающим Луну, а на лапки прикреплял крохотные губки, сделанные из сухого мха. В юности он делал нечто подобное, исследуя пчёл. Затем, Лао Ди просто отпускал бабочек в полнолуние, и терпеливо ждал, а по их возвращению, снова ловил и смотрел, не принесли ли они на своих лапках крупинки лунной пыли. Другие специалисты с уверенностью утверждают, что учёный следовал другой методике. Он прикреплял к бабочкам тончайшую, практически невесомую паутину, а после следил за её движением. Если паутина в точности следовала всем передвижениями небесного светила, то это означало, что бабочка достигла своей цели и Лао Ди, в буквальном смысле этого слова, держал Луну на привязи. Но лично мне, друзья мои, больше по душе китайская легенда, которая гласит, что после долгих исследований, так и не поняв наверняка,

достигают ли бабочки Луны или нет, Лао Дин принял решение улететь вместе с ними, что бы лично во всём удостовериться. Он поймал целую стаю бабочек, привязал к тельцу каждой шёлковую нить, затем, сплетя нити воедино, обмотал вокруг пояса получившуюся верёвку и, дождавшись полной луны, взмыл вверх, и понёсся над землёй, всё выше и выше и выше, покуда Гималаи не сделались крохотными, а Луна, огромной...

– И он не боялся, – затаив дыхание спросила Варя.

– Ничуть, – улыбнулся папа. – Ему совершенно не было страшно, потому что он всего достиг в своей долгой и насыщенной жизни, и это последнее удивительное приключение было достойным эпилогом в поразительной книге по имени Лао Ди.

– Какая красивая легенда, – вздохнула мама. – Только немного грустная.

– Отчего же, – удивился папа. – Ему же всё удалось.

– Да, но... – мама покачала головой. – Бабочки наверняка не могут долететь до Луны и уж тем более вернуться обратно...

– Обычные бабочки – нет, – запальчиво ответил папа, – но речь идёт о Гигантских Лунных Махаонах, способных обходиться без пищи несколько лет и не боящихся самого лютого холода. Гусеницы этих бабочек вместо листьев могут поедать камни и способны выжить даже на метеоритах. Кстати, именно так, согласно китайской мифологии, они и попали на

Луны, а уже оттуда, спустились на Землю.

– Пап, – сказал Серёжа, – а при чём здесь космонавты, о которых ты говорил вначале? Я что-то не понимаю...

– А притом, – сказал папа, сверкая глазами, – что астронавт, который был на корабле, облетевшем тёмную сторону луны, клялся моему другу, что когда он мельком глянул на один из иллюминаторов, то увидел сидящую на нём огромную бабочку с удивительными серебряными крыльями.

– Может она просто случайно залетела в космический корабль, – не сдавалась мама. – Там полно всяких закутков, где можно затеряться. Мне помниться твоя история, где на марсианском исследовательском корабле потерялась целая кошка с котятками...

– Совершенно верно, – сказал папа, понижая голос до торжественного шёпота, – но проблема была в том, что та бабочка сидела не *внутри*, а *снаружи* их корабля и упорхнула прежде, чем астронавт потянулся за своим фотоаппаратом.

– Не может быть! – воскликнули ребята.

На что папа лишь развёл руками.

– Я только излагаю вам факты, друзья мои, факты и больше ничего. Вы можете не верить, а можете верить, это ваше право. По мне, это всё слишком странно и необычно, но вот что я вам скажу, – однажды ночью, в Непале, во время полнолуния, я своими собственными глазами видел порхающие звёзды. Конечно, я не могу в точности знать, что это были именно Лунные бабочки, но вот уже много лет, я невольно

снова и снова ищу их на огромном ночном небе, и мне всё кажется, что нужно просто постоять ещё немножко, и тогда, они обязательно помашут тебе своими сияющими серебряными крыльями.

Марсиане

Варя с Серёжей сидели на крылечке и самозабвенно пускали мыльные пузыри. Пузыри медленно проплывали над цветочной клумбой и опускались на траву, где на них набрасывался Степашка, который не любил когда кто-то хозяйничал на его газоне. Пузырей становилось всё больше и больше, но маленький скотч-терьер явно не собирался сдаваться и яростно атаковал нарушителей, помогая себе лапами.

– Какой же он смешной, – хихикала Варя.

– Да, – соглашался брат. – Точно котёнок.

Они дружно выдули сразу десяток пузырей, и Степашка заметался по газону, спеша успеть всюду одновременно.

– Чем это вы там занимаетесь, – крикнула с кухни мама.

– Пузыретьворчеством! – звонко отозвалась Варя.

– Чем-чем? – удивилась мама.

– Пузыретьворчеством, – ответил Серёжа, которому тоже нравилось новое папино словечко.

– А по-моему, – ответила мама, – это обычное *ничегонеделание*.

– Ничего подобного, – раздался папин голос, и его растрёпанная голова высунулась из сарая. – Пузыретьворчество, это целое искусство, неподвластное времени и обстоятельствам. Ещё древние говорили, что...

– Ну, начинается, – сказала мама, закатывая глаза. – Боюсь даже спросить, кто придумал пускать мыльные пузыри...

– И напрасно, – с вызовом ответил папа. – Напрасно. Я бы мог дать исчерпывающий ответ на этот грандиозный вопрос, над которым долгое время бились лучшие умы человечества!

– Папочка, а кто же их придумал, – заинтересовалась Варя. – Древние египтяне?

– Ха, – усмехнулся папа, стряхивая со своих волос опилки. – Бери выше!

Ребята переглянулись.

– Майя, – предположила мама.

– Нет, – ответил папа, водружая на нас очки. – Я же говорю вам – берите выше.

– Неужели инопланетяне... – выдохнул Серёжа.

– В точку, – радостно засмеялся папа. – И не просто какие-то инопланетяне, которых, да будем вам известно, на данный момент насчитывается более пятисот видов, а наши добрые соседи – марсиане. Кстати, сами они называют свою планету Яйуллила, что означает огромную радость. Дело в том, что на Марс они прибыли не так давно, а до этого жили на большой планете в созвездии Лебедя.

– А почему они улетели оттуда? – спросила Варя.

– Потому что на ней стало невозможно жить, – ответил папа. – Будущие марсиане или, точнее, яйуллинцы, довели её до такого состояния, что им пришлось спешно её покинуть и

искать новое прибежище. Правда, они оставили там специальных роботов, которые очищают планету от накопившегося мусора, но на это у них уйдёт ещё много тысячелетий, так что на Марсе они обосновались надолго.

– А они прилетали на Землю? – спросил Серёжа с горящими глазами.

– Само собой, разумеется, – сказал папа. – И не один раз. Во многих культурах древности есть упоминания о летающих объектах и описание их внешнего вида. И знаете, что я вам скажу? Если это не космические корабли, то я готов съесть свою шляпу. Кстати, никто не видел мою шляпу?..

– А где они высаживались? – полюбопытствовала Варя.

– В самых разных местах планеты, – ответил папа. – В древних Египте, Индии, Китае и Центральной Америке, к примеру, на тот момент уже существовали развитые цивилизации, способные принять гостей из космоса, найти с ними общий язык и рассказать об этой встрече своим потомкам. Отсюда и бытует ошибочное мнение, что они посещали только эти части света. На самом деле, пришельцы побывали всюду. Им очень понравилось на Байкале и на Камчатке. Они с удовольствием гуляли по нынешней Австралии и Новой Зеландии. Их следы можно найти в центральной и южной Африке, в обеих Америках, Европе, и, вне всякого сомнения, на Шатурских болотах, где они даже думали устроить тут стартовую площадку, но местные комары совершенно не давали им жизни...

– А зачем они прилетали на Землю? – спросил Серёжа.

– Они искали для себя подходящее место, – объяснил папа. – Юпитер и Сатурн показались им слишком большими, Венера слишком жаркой, и им оставалось выбрать между Землёй и Марсом. Разведчики посетили обе планеты, но Земля уже была заселена людьми и они устроились на Марсе. Всё просто.

– Так это значит, что они всё придумали, а не мы, люди, – спросил Серёжа.

– Отнюдь, – улыбнулся папа. – Идеи помочь Человечеству поскорее подрасти, действительно возникали в марсианском обществе, но, умудрённые собственным горьким опытом, они решили, что вмешиваться в естественный ход истории им всё же не стоит и покинули Землю. Так что люди всё сами придумали и изобрели, хотя, кое-что, всё же было ими подсмотрено.

– А что, что? – воскликнула Варя. – Мыльные пузыри?

– В первую очередь мыльные пузыри, – кивнул головой папа. – Правда-то, что для людей стало забавой, для марсиан выполняло совершенно конкретную задачу. При помощи огромных, похожих на муравейник установок, они опраивляли в гигантских полупрозрачных пузырях пробы земного грунта и атмосферы. Шары, диаметром в несколько метров, выходили из исследовательской станции и улетали в космос. Там их ловил в огромную сеть большой космический корабль, где сидели учёные, и размещалась сверхточная аппа-

ратура. Неудивительно, что люди, наблюдавшие за подобным невероятным зрелищем, сохранили его в своей памяти, но, не в силах пока повторить нечто подобное, ограничились схожей забавой.

– Подумать только, – покачала головой мама. – Какие подробности...

– Вы, конечно, можете мне не верить, мадам, – ответил папа, показывая маме язык, – но всё было именно так и никак иначе. Но ещё более странная история произошла с кофейными зёрнами.

– С чем? – удивилась мама. – Не хочешь ли ты сказать...

Папа закрыл глаза и торжественно кивнул.

– Да, друзья мои, кофе – это продукт внеземной цивилизации! Конечно, за долгие годы пребывания на Земле он изрядно видоизменился, но факт остаётся фактом, – кофе прибыл к нам из глубокого космоса и каждый раз, когда вы его пьёте, вы прикасаетесь к звёздам. Только не нужно им злоупотреблять, а не то, чего доброго, ваши желудки превратятся в Чёрные дыры... Надо сказать, что некоторые исследователи уже выдвигали подобные предположения. Один немецкий учёный даже имел в своём распоряжении метеорит с явными следами кофе, но учёный мир высмеял его, сказав, что «вы, доктор Штерн, просто-напросто пролил на метеорит свой кофе, во время написания вашей нелепой статьи, которая, конечно же, не может одурачить мировое сообщество...» Понятное дело, что от таких ужасных обвине-

ний учёный совершенно утратил веру в себя, забросил свой метеорит куда подальше и занялся разведением кактусов.

– Так что же делали сами марсиане с кофе, – поинтересовалась мама. – Пили?

– Боже упаси! – фыркнул папа. – Для них это было бы равносильно самоубийству! Они использовали жидкий концентрированный кофе в качестве ракетного топлива. Ах, какой же восхитительный запах должен был бы стоять на их космодромах...

Папа мечтательно причмокнул, и Степашка тотчас подбежал к нему, решив, что с ним будут играть и вцепился в ботинок.

– Не сейчас, Стёпа, отпусти, – сказал папа, пытаясь отцепить Стёпу. – Стёпа, хватит! Это просто какой-то разбойник, а не собака!

Когда разыгравшегося Степашку совместными усилиями уgomонили, папа продолжил свой рассказ.

– Так вот... На чём я остановился? Да. Их корабли летали на кофе, а так как за время их полёта от созвездия Лебедя до Солнечной системы его запас значительно уменьшился, они разбили в Африке несколько плантаций, чтобы пополнить свои склады. Потом, когда они перешли на другой вид топлива, плантации стали больше не нужны и часть их унаследовали люди. Поначалу, в своих ритуалах, кофейными зёрнами пользовались только могущественные шаманы и верховные жрецы крупных эфиопских племён, считая его источником

бесконечной силы. Простым людям даже запрещалось смотреть на Священные Кофейные Деревья, но, постепенно, ароматный напиток стал доступен всем. Кофе многим пришёлся по вкусу и его плантации быстро разрослись по всему миру, так что марсиане очень бы удивились, узнав, что их старое ракетное топливо сегодня имеет такую богатейшую палитру вкусов и ароматов.

– Ещё, ещё, – требовала Варя, хлопая в ладоши. – Что ещё нам досталось от марсиан?

– Всего и не упомнишь, – задумался папа. – Кефир, шнурки, дельфины, которые жили у них вместо золотых рыбок и случайно попали в Тихий океан, выпрыгнув из аквариума, который тайком провёз на землю один из марсианских астронавтов. Что интересно, марсиане любили поболтать со своими питомцами при помощи телепатии. Оказавшись в водах земного океана и потерпев крах в попытке установить телепатический контакт с людьми, дельфины, в долгом процессе эволюции, практически полностью утратили эту способность, но даже в таком виде, они поражают современных учёных своими необычайными интеллектуальными способностями.

– А кошки – инопланетяне? – спросил Серёжа.

– Нет, – ответил папа, – это просто миф, но вот урчать их научили именно марсиане, когда исследовали этих замечательных существ на своей орбитальной космической станции. К слову сказать, марсиане очень бережно обращались

со всем, что приносили с Земли исследовательские пузыри, и всегда всё возвращали обратно, стараясь, чтобы никакой агрессивный чужеродный организм не попал на нашу планету. Что же до кошек, то с ними у марсиан случился казус. Один из испытуемых объектов, дикая кошка Маруся, сбежала во время распаковки контейнера, и спрятался в закоулках корабля, где благополучно вывела потомство из 5 очаровательных котят. Сердобольный марсианский профессор, вопреки всем инструкциям, приютил их в своей каюте и обучил различным фокусам. Помимо всего прочего, при помощи каких-то недоступных нам технологий, он научил котят урчать, когда им поглаживали брюшко. Это звук напоминал ему шуршание листвы на его родной планете, и когда котят обнаружили, и учёному было приказано немедленно вернуть их на землю, он был ужасно расстроен. Котят спустили на землю в районе Луксора и «пришельцев» немедленно отнесли к фараону, который пришёл в восторг от «инопланетных» котят, которые умели урчать. Само собой разумеется, что каждый уважающий себя фараон пожелал иметь таких необычных животных в своём распоряжении и по прошествии тысячелетий, урчащие кошки заполонили весь мир и полностью вытеснили обычных.

Ещё один интересный момент, который земляне также ненароком подсмотрели у марсиан, касается футбола. Нет, марсиане ничего не знали о футболе и не имели подобных игр. Дело было в том, что весь свой мусор, прежде выбро-

сить его с находящегося на Земле корабля, они специальным образом обрабатывали, что делало его не токсичным и позволяло ему полностью растворяться в течение недели и становиться прекрасным удобрением. Так вот, этот самый мусор, после обработки, прессовался и имел форму шара, размер которого чуть превышал футбольный мяч. Дежурный по кораблю марсианин, брал такой шар, выходил из шаттла и, вместо того, чтобы аккуратно отнести его подальше, ставил его на землю, разбежался и давал ему пинка, так что мяч, к восторгу наблюдателей, летел далеко в кусты. Такое замечательное развлечение не могло пропасть даром и люди с удовольствием стали пинать всё, что попадалось им под ноги. Мячи делали из сухих листьев бананов, звериных шкур, мокрой шерсти и даже из золота, хотя играть им было под силу далеко не каждому. Потом, в силу различных обстоятельств, игра забылась, а затем, была вновь «изобретена» и продолжает здравствовать, покоря сердца миллионов.

– Вау, – выдохнул Серёжа. – Круто!

– Да, – согласился папа. – Как видите, самые обычные вещи порой имеют увлекательную историю. Нужно только хорошенько её разглядеть. Между прочим, очки тоже дело рук инопланетян. Проблем со зрением у них никогда не было, но, в условиях земной атмосферы, они использовали их для защиты глаз от пыли. Людям приглянулось это изобретение, но, за неимением стекла, оно не нашло широкого применения, так как даже очки из цельных бриллиантов, которые

могли себе позволить цари, были крайне неудобны и лишены всякого смысла. Забава быстро приелась и, как и футбольный мяч, очки заново «изобретены» лишь спустя тысячи лет.

– Папочка, – сказала Варя. – А школу тоже придумали марсиане?

– Нет, – засмеялся папа. – Они совсем не такие жестокие, как их часто изображают. На Марсе вообще нет школ. Марсиане очень симпатичные и отзывчивые существа, которые относятся к нам, землянам с большой симпатией и однажды, когда к Земле на огромной скорости приближался огромный метеорит, грозя расколоть нашу планету надвое, они, рискуя жизнями, послали ему навстречу свои корабли и сбили его с курса. Страшно даже представить, что могло бы случиться, если бы не они, потому что в последний раз, когда метеорит гораздо меньшего размера врезался в Землю, на ней вымерли все динозавры и начался ледниковый период. Ужас, ужас...

Папа потрепал Степашку по косматой голове и усмехнулся.

– Очень комичный случай, произошёл у марсиан с дынями. Изучая всё подряд, они, разумеется, брали на борт своего корабля самые различные птичьи яйца, начиная с крошечных соловьиных и заканчивая страусиными. Каким-то невероятным образом (по всей видимости, по ошибке робота-сортировщика на орбитальной станции), в контейнер с яйцами попала большая незрелая дыня. Робот, приняв её

за яйцо и убедившись, что это не камень, а нечто живое и свежее, поместил её в общий инкубатор, где разом вылуплялись тысячи птенцов, наполняя воздух пронзительным, многоголосым писком. Марсианские ученые, не заметив подвоха, принялись терпеливо ждать, когда из новой партии яиц появятся птички. Каждый день они проводили замеры температуры, влажности и другие манипуляции и постепенно, один за другим, изо всех яиц на свет стали появляться птенцы. Учёные осматривали их, давали немного подрасти, и отправляли обратно на Землю. Наконец, в один из дней, когда уже даже из страусового яйца выбрался маленький страусёнок, посреди инкубатора осталось одно единственное огромное яйцо, которое постепенно желтело и вкусно пахло... Справедливо рассудив, что, чем больше яйцо, тем больше ему нужно времени, марсиане продолжали ждать, ожидая увидеть огромную диковинную птицу, каких не встречали прежде. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем, но жёлтое яйцо упорно не хотело явить на свет птенца. Учёные постукивали по его поверхности, удивляясь мягкости его скорлупы, обнюхивали его, дивясь чудесному запаху, и даже легонечко трясли, решив, что птенец заснул – но ничего не помогало. Наконец, после многочасовой дискуссии, учёные приняли решение вскрыть яйцо и посмотреть, что же с ним не так. Они осторожно отнесли его в лабораторию, навели на него камеры, чтобы запротоколировать это грандиозную операцию и, при помощи лазера, разрезали дыню на

части...

Папа снова усмехнулся.

– Да, друзья мои, такого стыда марсианская наука не испытывала со времён провального эксперимента по созданию атмосферы на Луне. Потратить столько времени и сил на изучение яйца, которое оказалось ягодой, это было слишком и кое-кто даже собирался подать в отставку. Единственным утешением для горе-исследователей, что собрались в тот день вокруг «таинственного жёлтого яйца» стал тот факт, что дыня полностью вызрела и была изумительно сочной и сладкой. С тех пор у марсиан появилось шутовское выражение «Жёлтый как яйцо» означающее большое сомнение в каком-либо утверждении или факте.

Кстати, вкус дыни настолько понравился астронавтам на станции, что те прихватили несколько штук на Марс и с тех пор, марсиане разводят дыни в своих подземных городах и наслаждаются их «неземным» вкусом.

– А теперь марсиане прилетают на Землю? – спросила Варя.

– Очень редко, – ответил папа. – Как я уже говорил, они не хотят нам мешать развиваться самостоятельно. Марсиане вообще убеждены, что настоящее знание не *находится*, а *добывается* и сам процесс его приобретения так же важен, как и результат. Поэтому так важно ходить в школу, а не просто приносить домой хорошие оценки.

– Пап, – хитро ухмыльнулся Серёжа, – ты же сам говорил,

что у марсиан нет школ?..

– И готов ещё раз повторить свои слова, – улыбнулся папа. – И знаете почему?

– Почему? – в один голос спросили ребята.

– Потому что марсиане поняли, как важно учиться *всю* свою жизнь, а не только какую-то её часть. Ведь если ты не будешь этого делать, тебе никогда не поспеть за миром, который стремительно меняется и бросает всё новые и новые вызовы не только марсианам, но и нам, жителям Земли.

– Ой, как мне хочется посмотреть хоть на одно марсианина, – мечтательно вздохнула Варя. – Хотя бы на маленького!

– В таком случае, – засмеялся папа, – нам нужно будет навестить дедушку. Я, конечно, могу ошибаться, но, на мой взгляд, ни один землянин не способен съесть столько колбасы за один раз!..

Железная Инга

Ещё один чудесный майский день клонился к вечеру. Дачи постепенно стихали и в соловьи в кустах за канавой начинали проверять свои голоса, готовясь к долгому ночному пению. Степашка, наигравшись до полного изнеможения, дремал на полу веранды, и ему определённо что-то снилось, потому что его лапки не переставали дёргаться. Мама читала в кресле, папа чистил самовар, а ребята подбирали с газона сухие сосновые шишки, чтобы его затопить.

– Пап, – спросил Серёжа, – а сегодня будет история? Ты обещал!

– Раз обещал, значит – будет, – ответил папа, отфыркиваясь от летевшей из самовара золы. – Только у меня есть одно предложение.

– Какое? – поинтересовалась Варя.

– Почему бы сегодня, историю не расскажет нам мама... А, как вам такая идея?

Мама подняла голову и тревожно огляделась.

– Я? – испуганно спросила она. – Нет, я не могу. Я не умею! Я... я... я занята!

– Мам, у тебя получится, – приободрил её Серёжа.

– Да, мамочка, ты сможешь, – сказала Варя. – Ты же архитектор!

– И что, – насупилась мама. – Можно подумать, что все архитекторы сказочники...

– Не все, а только самые выдающиеся, – вставил свой слово папа. – Это действительно не так сложно, как кажется. Нужно только правильно начать.

Мама с сомнением отложила книгу.

– Ну, если вы действительно этого хотите...

– Хотим, хотим, – послышалось со всех сторон.

– Ладно, – решила мама. – Но вы должны будете помогать мне, если не всё пойдёт гладко.

– Я лично прослежу за этим, – сказал папа, закладывая шишки в самовар. – Итак, о чём будет эта история?

Мама в растерянности покрутила головой, но, видя, что отступать ей некуда, начала своё повествование так:

– Никто не знает наверняка, правда это или вымысел, но я верю, что нечто подобное действительно случилось однажды и сейчас, я расскажу вам про эту историю подробнее, что бы вы сами решили, верить вам в неё или нет.

Папа удовлетворённо кивнул и водрузил трубу на оживший самовар. Густой точно сметана дым повалил из неё вверх, путаясь в ветвях сосны и повисая туманом под крышей веранды.

– Как-то раз, в семье одного кузнеца родилась прелестная белокурая девочка, которую родители называли Ингой, что означало «единственная». В их семье она и вправду была единственной девочкой и все пятеро её братьев ухаживали за

ней и помогали, как только могли, словно она была маленькой принцессой, а не дочерью обычного кузнеца, что подковывал лошадей и правил замки. Отец Инги, могучий исполин с огромными руками, не мог нарадоваться на свою красавицу. Он при каждой возможности носил её на руках и называл своим сокровищем. Мать улыбалась, глядя как неуклюжий великан играет с крохотной малюткой, подбрасывая её к потолку и ловя своими мозолистыми руками.

Мама поёрзала в кресле.

– Ну, как, вам нравится?.. Только честно!

– Всё отлично, – заверил её папа. – Просто замечательно.

Продолжай. Мне не терпится узнать, что было дальше...

– Время шло, и Инга понемногу росла. Мама обучала её шитью и готовке, но, как только у малышки была свободная минутка, она убегала к отцу, в кузню и как замороженная глядела, как под ударами его молота, раскалённое железо превращается в самые разные вещи. Мать беспокоилась за дочь. Ей самой никогда не нравилось присутствовать при работе мужа – в кузне было слишком жарко и шумно, но Инга и слушать ничего не хотела и готова была часами наблюдать за тем волшебством, что происходило у неё на глазах. Ей казалось, что она видит душу железа в раскалённом горне и ей нравилось это. Она таскала домой железные заготовки и играла с ними вместо кукол, а иногда, мастерила из них башни. Отец смеялся над опасениями матери и всё подробно рассказывал своей дочери о своей работе, так что к 8 годам,

она знала всё, что должен знать подмастерье кузнеца и даже больше. Она словно бы могла видеть сквозь металл, и точно знала, что из него можно сделать, а что нет. Отец не раз в шутку говаривал, что если бы он имел талант Инги, то стал бы самым известным и богатым кузнецом в городе, а может быть и во всей стране.

– Она словно всё видит насквозь, – удивлялся он. – Вчера, она взяла в руки новые амбарные петли, что я выковал накануне, и сказала, что одна из них скоро сломается, потому что внутри неё что-то не так. Понятное дело, что я не поверил и отдал петли заказчику. Так что вы думаете? Эта петля сломалась как только они её повесили! Мне в жизни не было так стыдно, а Инга только сказала, что такое случается...

После того случая, отец по новому посмотрел на свою дочь и решил ещё раз проверить её способности. Он сделал три совершенно одинаковых металлических клина, но закалил только два из них и предложил дочери выбрать тот, что был не готов к работе.

– Вот этот, – сказала Инга, подержав в руках все клинья. – Вот это ещё не готов. Он мягкий, точно необожжённая глина и будет гнуться. Его нужно закалить.

Отец только диву давался, и во всём теперь слушался свою дочь, и не было случая, чтобы она сказала неправду.

«Я просто смотрю в сердце металла, – говорила она, когда отец спрашивал её о том, как ей удаётся так верно определять брак. – Если всё хорошо, то металл поёт песню силы

и спокойствия, а когда в нём что-то не так, он жалобно стонет точно голодный телёнок...»

Дела кузнеца с той поры пошли в гору, так что он теперь весь день общался с заказчиками, передав всю остальную работу сыновьям. И всюду его сопровождала Инга, которые некоторые шутники уже прозвали Железной Ингой и утверждали, что она ведьма, потому что видит душу стали.

Женщинам вообще не доверяли никакую серьёзную работу в те времена, и кузнецу было трудно, но он был настойчив и, постепенно, все привыкли, что с ним приходит его дочь. Однако даже он не знал, что втайне Инга мечтала стать архитектором и строить огромные сооружения из стали, чтобы помогать людям.

Когда девушке исполнилось 17 лет, в их городе состоялось торжественное открытие нового моста. В отличие от старого, деревянного, этот мост был целиком железным, и весь город сбежался посмотреть на это зрелище. Конечно же, Инга была в первых рядах зрителей. Ей даже удалось подобраться к самой конструкции и ощупать её везде, где она смогла дотянуться. Огромный стальной монстр поразил её воображение, однако, несмотря на это, ей показалось, что в одном из сочленений, сталь поёт не так весело, как в прочих. Она побежала искать инженера и вскоре нашла его.

– Послушайте, – сказала она взволнованно, – с вашим мостом не всё в порядке. Он может накрениться и даже упасть. В нём что-то не так. Пойдёмте, я покажу, где именно...

Но молодому и энергичному инженеру было не до слов простой девушки. Он готовился ставить мост и отдавал последние распоряжения.

– А теперь вы послушайте меня, юная леди – сказал он как можно вежливее. – Я не знаю, кто вы, но я знаю, кто я. Я закончил инженерную академию и десять лет занимаюсь строительством мостов и ручаюсь вам, что всё будет в порядке. Я всё проверил лично и гарантирую вам, что каждая из тысяч заклёпок этого сооружения находится на своём месте и очень скоро, вы сможете прогуляться по этому мосту вместе со своей матушкой. А теперь, умоляю вас, отойдите за ограждения. Тут может быть опасно...

– Ах так, – гневно топнула ногой Инга. – Что ж, кем бы вы ни были, но я – Инга, дочь кузнеца с Нижней улицы, говорю вам, что у вас ничего не выйдет и ваш мост рухнет. Так и знайте!..

Инга развернулась и убежала, оставив инженера в некотором смущении. Впрочем, в те времена железные мосты были редкостью, и он часто слышал, что у него ничего не получится. Всё же, на всякий случай, он ещё раз обошёл все секции моста, но не увидел ничего опасного.

«Ещё одна чудачка», – решил он, в конце концов, и подал команду на начало работ.

– Ой, – воскликнула Варя, – неужели мост упал?!

– Не совсем, – ответила мама.

– Значит, Инга ошиблась? – спросил Серёжа.

– Нет, – улыбнулась мама, – и Инга не ошиблась. В одной из секции моста действительно был дефект, который было практически невозможно обнаружить в то время.

– Тогда что же случилось? – полюбопытствовал папа.

– А случилось следующее... Как только работы начались, подул ужасающий силы ветер и, спустя полчаса стало ясно, что сегодня сделать ничего не удастся. Инженер дал отбой, рабочие отложили свои канаты и лебёдки, а люди стали расходиться по домам.

Чтобы скоротать время в незнакомом городе, инженер немного погулял по его улочкам, полюбовался старинной архитектурой и, продрогнув на ветру, спустился в ближайший погребок, чтобы выпить стаканчик горячего глинтвейну. Никем не признанный, он сел в уголке и вскоре, с удивлением обнаружил, что все вокруг обсуждают не его мост, а слова Железной Инги, которая сказала, что он не выстоит. Многие даже держали пари, на то, сколько простоит его мост – день или три, поскольку все были абсолютно уверены, что девушка как всегда права.

«Что за вздор они несут, – расстроился инженер, который, втайне, мечтал услышать совсем другие слова от простых людей, для которых он строил этот мост. – Кто такая, эта Железная Инга и не слишком ли много она о себе думает?»

Но инженер был человеком ответственным и осторожным и поэтому, он начал осторожно выведывать у своих сосе-

дей, кто такая эта Инга и чем она знаменита. Ему рассказали десятки историй об удивительной девушке, которая могла видеть сквозь железо и слышать песню стали. Большинство рассказов показались инженеру слишком фантастическими, но нечто в них тронуло его душу. Он вышел из погребка с твёрдым намерением разыскать девушку и поговорить с ней по душам.

«Даже если всё это полная чепуха, – размышлял он, шагая по опустевшим улицам, – я ничего не теряю. К тому же...»

К тому же, голубые глаза Инги запали ему в душу ещё больше, чем её слова и ему хотелось ещё раз заглянуть в их бездонную глубину.

Когда он постучался в дом кузнеца на Нижней улице, была полночь и ему не сразу открыли. Он сбивчиво объяснил отцу Инги, зачем пожаловал в столь поздний час и попросил разрешения поговорить с его дочерью, но Инга сама уже всё слышала и выбежала в прихожую.

– Папочка, пожалуйста,пусти его, – сказала она. – Это тот самый инженер, про которого я тебе говорила, чей мост обязательно упадёт, потому что в нём что-то не так.

От таких слов, инженер покраснел до кончиков ушей, но придержал свой язык т.к. великан-отец смотрел на него с большим недоверием, чувствуя, что не только мост скрывается за этим ночным визитом. Инженер прошёл внутрь и забросал Ингу вопросами, на которые она, немного смущаясь, ответила. Из их разговора, инженер понял две вещи: первое,

эта девушка действительно знала толк в металле и второе, она не знала элементарных технических терминов, так что он каждый раз должен был догадываться, о чём она говорит. В заключение разговора, он протянул ей две огромные и совершенно одинаковые гайки, которыми некоторые крепилась детали моста.

– Что скажете, – спросил он, глядя девушке прямо в глаза. – Можно их использовать при строительстве?

Инга подержала немного каждую гайку в руке, точно прислушиваясь к чему-то и ответила.

– Только одну из них, мистер, вот эту. Вторая бракованная.

У инженера глаза полезли на лоб.

– Это просто поразительно, – воскликнул он. – Как вы это делаете?

– Я уже говорила вам, – потупилась Инга, которая под пристальным взглядом инженера потеряла весь свой пыл и то и дело краснела. – Я слышу, как поёт сталь...

– У меня есть к вам предложение, – подумав, сказал инженер, обращаясь к кузнецу. – Не могли бы вы прийти завтра рано утром к мосту, чтобы мы могли ещё раз осмотреть его вместе? Я готов заплатить вам столько, сколько понадобится. Так как, вы согласны?

Кузнец хмуро покосился на дочь, потом на инженера и кивнул головой, но тут вмешалась мать Инги.

– Нет, – сказала она. – Ничего не получится.

Инженер даже подпрыгнул от неожиданности и, сильно заикаясь, переспросил.

– Не п-п-п-получится? Но п-п-п-почему?

– Потому что это слишком просто, – ответила мать девушки. – Мы поступим по-другому...

И она изложила свой план, который, на первый взгляд, мог показаться слишком сложным для такой простой женщины как жена кузнеца, но он шёл из самой глубины материнского сердца, которое не ведает преград, когда дело касается судьбы её ребёнка.

– Завтра утром, – сказала она, – мы все вместе пойдём к мосту, и вы осмотрите его при свидетелях. Если Инга найдёт что-то, что вы пропустили, и это не позволит установить мост, то в качестве оплаты, вы устройте так, чтобы её взяли на обучение в академию.

– Но это не-не-немыслимо, – снова разволновался инженер. – Женщины не могут обучаться там! Они... они... они не в состоянии постичь такую науку!

– В таком случае, – ответила мать, – вы можете идти и ставить свой мост сами. Только мой вам совет, не гуляйте по нему, если не хотите оказаться в реке...

– Это чёрт знает что, – сказал инженер. – Вы просите меня о невозможном! Все будут смеяться! Я готов хорошо оплатить вашу работу, но это...

Но мать была неумолима и, в конечном итоге, инженер согласился.

«Если она гений и сможет указать мне то место, где есть дефект, то я, пожалуй, смогу устроить её, – решил он. – В любом случае, я должен испробовать все варианты, потому что мост, это слишком серьёзно. По нему должны будут каждый день ходить люди и ездить тяжёлые повозки. Я не могу рисковать...»

Он пожал руку кузнецу, поцеловал руку матери и так посмотрел на девушку, что она снова зарделась.

– Итак, – сказал он в дверях. – Встретимся в 7 утра у моста. И я позову нотариуса, чтобы он был нашим свидетелем.

Остаток ночи ни он, ни семья Инги не могли сомкнуть глаз и ровно в 7 утра они встретились у моста, на холодном ветру, рядом с зевающим нотариусом, которому инженер заплатил вдвое, чтобы вытащить его из постели в такую рань.

– Прошу вас, леди, – сказал инженер, подводя девушку к конструкциям. – Где, по вашему мнению, есть дефект?

Инга подошла к мосту и показала на ничем не примечательную балку.

– Вот здесь, – сказала девушка

– Здесь, – искренне рассмеялся инженер. – Право, это нелепо. Это самое надёжное место конструкции. Её делает самая известная в мире компания. Их конструкции безупречны.

Девушка не сдавалась и к тому моменту, когда стали подходить рабочие и любопытные горожане, они всё ещё спорили. Начальство торопило инженера, но тот просил ещё и ещё

немного времени, желая понять, в чём же дело.

– Как же вы не слышите, – горячилась Инга, постукивая по металлу тростью инженера, которую она выхватила из его рук. – Вот же, вот! Металл стонет!

– Я не слышу ничего подобного, – отвечал раздосадованный инженер, злясь что согласился на всё это представление и, одновременно любуясь Ингой, которая была необычайно хороша в гневе. – Мы всегда работаем с этой компанией. Она лучшая в мире, понимаете? Луч-ша-я! Лучшая! Никто кроме них не может сделать такую конструкцию. Никто.

Но Инга стояла на своём, убеждая инженера не торопиться.

Неизвестно чем бы кончился этот спор, если бы в него не вмешался посыльный, который принёс срочную телеграмму для инженера с пометкой «молния». Инженер развернул листок бумаги и... остолбенел. Не веря своим глазам. Он ещё раз перечитал телеграмму, потом ещё раз, потом, зачем-то, посмотрел на неё с другой стороны и, наконец выдохнул:

– Невероятно...

– Что? – испуганно просила Инга, видя, как отчаянно побледнел инженер. – Что-то случилось?

– Невероятно... – повторил он, а затем, в порыве чувств, – схватил девушку за талию и расцеловал её.

– Невероятно, – кричал он. – Просто невероятно! Вы чудо! Вы спасли не только мост и мою репутацию, но и многие жизни. Смотрите, что тут говориться.

Он протянул Инге телеграмму, в которой значилось следующее:

Телеграмма

*Мистеру Нэтти
гражданскому инженеру.*

Срочно остановить все виды работ вскл. Одна деталь имеет заводской брак тчк. Фирма приносит свои извинения тчк Ждите указанийтчк

– Они ошиблись, представляете, – кричал инженер. – Они ошиблись, и если бы не вы, работа бы уже шла, и всё могло бы рухнуть!

И он снова схватил девушку и снова расцеловал её

Кузнец, недовольный таким поведением инженера хотел уже вмешаться, но мать остановила его. Она видела, как Инга смотрела на инженера, и как он смотрел на неё и чувствовала. Что всё будет хорошо

– И что же было дальше, – спросила Варя.

– Дальше, – продолжила мама, – инженер остановил все работы и стал думать о том, как бы ему устроить Ингу в академию. Поначалу, как он и предполагал, все только смеялись над ним, и слышать ничего не хотели о приёме на учёбу девушки, которая, к тому же, даже не закончила школы

и едва умела читать и писать. Всё же, после долгих препирательств, инженеру удалось устроить девушку на подготовительные курсы одного университета, предоставив рекомендательные письма от компании на которую он работал, и которые сам же и подписал. К счастью, этот маленький вынужденный обман прошёл незамеченным, и Инга, благополучно закончив курс, сдала экзамены в академию и приступила к учёбе, которую, к слову сказать, взялся оплачивать инженер. Конечно, временами ей было очень непросто и, несколько раз, она даже хотела бросить учёбу из-за вечных придирок преподавателей, не желавших видеть в ней ровню, но, инженер всегда находил правильные слова и не позволял её сдать-ся.

– Ты сможешь, – говорил он, обнимая её за плечи. – У тебя обязательно всё получится. Они просто невежды, каким раньше был и я, но поверь мне, очень скоро они поймут, как сильно ошибались и пожалеют обо всех глупостях, что когда-то сказали.

Он помогал ей с трудными задачами, объяснял всё непонятное и делился своим опытом. К примеру, он советовал её никогда не пользоваться шпаргалками, а надеяться только на свои знания

На третьем году обучения, девушка действительно поразила всех на практической работе, сумев отыскать брак там, где даже самый опытный глаз порой не замечал подвоха, и никто больше не смеялся на Железной Ингой. Впрочем,

этим именем её тоже уже не называли, потому что девушка стала необычайно стройной и красивой, и множество самых завидных кавалеров столицы предлагали её руку и сердце, но она всегда только смеялась в ответ. Её сердце принадлежало инженеру, она знала это, но он каждый раз вёл себя весьма сдержанно, точно старый, добрый друг, ничем не выдавая свою глубокую привязанность.

Как бы то ни было, день окончания академии наступил, и Инга получила свой диплом – первый диплом архитектора, выданный женщине едва ли не во всём мире. По этому случаю состоялось большое торжество в семье девушки, где инженер, от которого девушка больше не зависела, сделал её долгожданное предложение.

– И что она ответила, – затаив дыхание спросила Варя.

– Никто не знает, как именно обстояло дело, – улыбнулась мама, – но, зная железный характер Инги, думаю, она сказала нечто вроде:

– А вас не смущает, мистер, что я могу видеть сквозь металл и с лёгкостью прочту всё, что написано в вашем сердце?

– Отнюдь, – ответил инженер. – Потому что это избавит меня от необходимости, говорить вам, юная леди, как сильно и как давно я люблю вас...

Они сыграли чудесную свадьбу в её родном городе и, в знак верности, повесили на том самом мосту замок, который смастерил её отец, а ключ бросили в реку. Эта традиция, кстати, очень понравилась горожанам и те стали повторять её

при каждой удобной возможности, так что спустя несколько лет, мост был весь увешан замками всех размеров и форм, так что мэр даже пришлось издать указ, запрещающий это делать, иначе, мост мог просто-напросто рухнуть.

После свадьбы, молодожёны уехали в Южную Америку и прожили там много лет, строя мосты и дома, а когда вернулись обратно, Инга осуществила свою давнюю мечту и выстроила удивительную металлическую башню, немного похожую на те, что она когда-то сооружала на полу своего дома, из обломков железа подобранного в отцовской кузне.

Мама замолчала и с волнением посмотрела на своих слушателей.

– Ну, как вам моя история?.. Не слишком ужасно?.. Я старалась, как могла.

– Чудесная история, – сказал папа, обнимая маму. – Ты сама её придумала?

– Отчасти, – ответила мама. – Вам, правда, понравилось?

– Конечно, – сказал Серёжа. – Здорово, мам. Честно.

– А ты что молчишь, Варвара, – удивился папа. – Тебе не понравилось?

– Понравилось, – отозвалась Варя. – Просто я занята...

– Чем же это ты таким занята, – поинтересовалась мама, вставая с кресла и обходя сосну. – Ба, да тут идёт строительство! Что это?

– Башня, – ответила девочка, аккуратно устанавливая ещё одну сосновую шишку, в некое подобие пирамиды. – Я строю

башню, и, мам, дай мне, пожалуйста, какую-нибудь твою самую лучшую книжку, потому что когда я вырасту, я хочу стать архитектором. Только пусть она будет с картинками, ладно...

Капитан Жиробас

– Итак, – провозгласил папа, – давайте посмотреть, кто что поймал. Варвара, что у тебя?

– Четыре окуня, плотва и три карасика, – гордо заявила Варя, выкладывая свой улов на траву.

– Недурно, недурно, – сказал папа. – Серёжа?

– У меня шесть окуней, три плотвы и четыре карася, – ответил Серёжа. – И ещё одного окуня утащил Степашка и он удрал обратно в реку.

– Неплохо, – кивнул папа. – Кто следующий?

– Я, – выступила вперёд мама. – У меня, правда, одни караси, но зато целых семь штук. А что у тебя?

– А у меня... – пробурчал папа, потирая нос. – мне попалось плохое место. Всего один карась и два окуня. Но у меня сорвалась какая-то огромная рыбина! У меня даже леска лопнула!

– Видел я эту рыбину, – хмыкнул Серёжа. – Это коряга, пап, там их полно, я же тебе говорил...

– Я точно видел огромную рыбину, – продолжал настаивать папа. – Наверняка это был гигантский сом... Короче, мне не повезло.

– Как обычно, дорогой, – усмехнулась мама, вынимая из рюкзака плед и сумку с едой. – Но в любом случае, нам по-

ра подкрепиться и трогаться в обратный путь. Скоро будет слишком жарко.

Они удобно устроились на цветастом пледе и приступили к завтраку.

– И всё же я продолжаю утверждать, что это был огромный сом, – сказал папа спустя пять минут, с аппетитом вгрызаясь в многослойный бутерброд. – Он ещё подмигнул мне и показал хвостом кукиш. Просто ужас, какие невоспитанные стали эти сомы... Хоть на рыбалку не ходи.

Папа сделал внушительный глоток ягодного морса и вновь откусил кусок от своего исполинского бутерброда.

– Завтрак достойный самого Жиробаса! – пробурчал он с набитым ртом.

– Кого-кого? – не поняла мама.

– Жиробаса! – ответил папа и от души рассмеялся. – Так звали одного моряка, который очень любил покушать, но при этом, желал быть стройным и подтянутым, а потому, плывал вокруг света на своём фрегате «Обжора», в поисках чудодейственных средств для похудения.

– А зачем? – спросила Варя.

– Чтобы есть и не толстеть, конечно же, – ответил папа.

– Но разве так можно? – удивилась девочка.

– Нет, конечно, – улыбнулся папа, – но капитан Жиробас был иного мнения на этот счёт и продолжал есть за троих, а потом выслушивал советы всяких прохиндеев, слетавшихся к нему как мухи на сахар, и в один голос утверждавших,

что только они способны вернуть ему былую стройность и удобу.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовалась мама, – расскажи нам поподробнее об этом Жиробасе.

– Легко, – ответил папа. – Всю свою жизнь капитан Жиробас провёл на торговом судне, а когда ему исполнилось 50 лет, он получил наследство от своего дядюшки и отошёл от дел. От скуки, капитан начал много есть и всего за пару лет превратился в настоящего обжору, которому приходилось перешивать все свои вещи каждый месяц, так как в старые он больше не влезал.

– Сорок три рябчика мне в яичницу, – ругался он, разглядывая себя в зеркало. – Эти штаны опять мне малы! Что за напасть, три бегемота мне в подушку! Эй, Самсон, отнеси мои штаны к портному и скажи что б на этот раз, он сделал их не на два, а на четыре размера больше. И принеси мне наконец-то что-нибудь поесть, лодырь ты эдакий, семь ядер тебе в сахарницу!

Самсон, высокий и тощий точно жердь малый, брезгливо поджав губы вкатывал тележку с едой, забирал штаны и удалялся, бормоча себе под нос:

– Кто бы говорил, проклятый обжора... Только и делаешь, что ешь да спишь...

Тем временем, капитан Жиробас, скидывал треснувшие штаны и снова нырял в свою тёплую постели, чтобы приступить к «лёгкому» перекусу, предшествующему первому зав-

траку. Он неспешно съедал дюжину сырников со сметаной, выпивал кувшин молока, проглатывал головку сыра, крендель с маком, рулет с повидлом, десяток крутых яиц и огромную чашку какао, после чего, дремал ещё немного, чтобы набраться сил.

Около 10 утра он вновь открывал глаза, сладко тянулся и дёргал за шнур, который приводил в действие колокол, подвешенный на кухне.

– Эй, вы, бездельники, – вопил он. – Сорок три холодных осьминога вам подмышку, пошевеливайтесь, если не хотите чтобы я умер с голода! Где мой завтрак?!

Дом приходил в движение и спустя несколько минут, на столе капитана появлялась груда яств.

– Отсохни моя бизань, если я вечно буду терпеть таких ленивых слуг, – гремел капитан и принимался за еду.

В этот раз он ел более основательно. Омлет из 20 яиц, творожная запеканка, пирог с крольчатинной, пудинг, поднос шоколадного печенья, ещё один кувшин молока, сливочное мороженое с фисташками и три больших кофейника кофе.

– Разрази меня синяя каракатица, если я сегодня ещё хоть раз притронусь к еде, – ревел Жиробас. – Эй, Самсон, я запрещаю тебе приносить мне сегодня ещё еду, чтобы я не говорил, черепаху мне в компот. Ты понял меня?

– Понял, понял, – отвечал слуга и шёл на кухню, чтобы проверить, всё ли готово ко второму завтраку.

Жиробас же, сытно охая и поглаживая своё толстое пузо,

выходил на веранду, садился на кресло качалку, брал в руки газету и закуривал трубку. Он сидел там около полутора часов, после чего, начинал подавать первые признаки беспокойства.

– Самсон, – кричал он. – Самсон, тайфун тебе в ноздри, принеси мне лимонад и крекеры. У меня что-то першит в горле...

– Но капитан, – вяло протестовал слуга, – вы запретили мне приносить вам еду...

– Что?! – взрывался Жиробас. – Бунт на корабле?! Семь тысяч омлетов тебе в брюхо, а ну пошевеливайся или я велю выбросить тебя за борт!

– Бросайте... – отвечал Самсон, разглядывая сад.

– Ах ты, мерзавец, пралине тебе в ботинки, – неистовал капитан. – Вон с глаз моих! Вон!

Самсон удался и говорил повару, чтобы всё было готово к 12-00.

Ровно в полдень, умирающий с голода капитан Жиробас бросался в гостиную, срывал со стены свою старую морскую саблю и, размахивая ей над головой орал:

– Сию минуту подать мне мой второй завтрак, камбалу вам в варежки или я за себя не ручаюсь!!!

В тот же миг, двери столовой распахивались и капитан, бросался к столу, урча, точно сотня голодных котов. Он спешно уминал полсотни вареников с картофелем, съедал пару салатов, холодное мясо с зеленью, дюжину сосисок,

несколько сэндвичей с тунцом, сыром, крабами, сёмгой, анчоусами, ветчиной и горчицей, выпивал два литра чая и заморив червячка, уже спокойно лакомился пирожными.

– 30 вафель вам вместо паруса, бездельники... – беззлобно ругался капитан, отправляясь на предобеденную прогулку по своему саду. – Вечно приходится их погонять, чтобы не умереть с голоду, банку шпрот им на галстук...

Прогулка занимала около пятнадцати минут, после чего, запыхавшийся капитан тяжело опускался на скамейку в дальнем углу парка и перекусывал орешками в шоколаде, которые предусмотрительно брал с собой. Он любовался цветами, небом, травой, вспоминал свои морские приключения, и ему становилось грустно.

– Морскую капусту мне в бороду... – бормотал он, принимаясь за третий пакетик орешков. – Я завяз на это отмели, точно баржа с кривым лоцманом и мой киль всё глубже уходит в песок... Надо что-то делать, 14 кашалотов мне в трубку, или я совсем раскисну...

Грусть становилась такой сильной, что капитан Жиробас вскакивал с места и бежал к дому, где его уже поджидал горячий обед.

– Наконец-то вы расстарались, черти сухопутные, стаю медуз мне на камбуз, – радостно басил капитан и окунал ложку в черепаховый суп, за которым следовала уха, потом рассольник, далее жаркое с печёным картофелем, затем тушёное мясо, фаршированная рыба, спагетти с мидиями, пи-

рог с грибами, икра, шашлык, торт Наполеон, булочки с мёдом, конфеты и бочонок кваса.

От такого обеда даже капитан Жиробас начинал чувствовать лёгкое удушье, поэтому сразу же ложился на кушетку и переживал приступы икоты и изжоги, перечитывая приключения Робинзона Крузо.

– 60 сардин мне в печень, – бормотал он, охая и ворочаясь с боку на бок, – может отложить ужин? Да, пожалуй, так я и сделаю... Самсон, дармоед ты эдакий, я же приказал тебе не кормить меня, ржавый якорь тебе в какао! Заруби себе на носу – никакого ужина сегодня, слышишь меня, три с половиной кита тебе в селезёнку?!

– Слышу, – отвечал Самсон, только что вернувшийся с кухни, чтобы проверить хорошо ли промариновался молочный поросёнок и готов ли крем для эклеров.

– А раз слышишь, 500 вёсел мне в борщ, принеси мне мои пистолеты, чтобы я смог застрелить тебя, если ты принесёшь мне хотя бы одну только хлебную корку!

– Хорошо, – кивал Самсон, и шёл за пистолетами, в которых вместо пороха давно был насыпан перец, а вместо пуль, лесные орехи.

– Смотри у меня, негодник, макароны мне в тельняшку, – потрясал пистолетами капитан. – Только покажись мне со своим ужином и я сделаю из тебя решето, камбалу мне в эскимо!

Но к семи часам вечера голод становился невыносимым и

Жиробас воздевал руки к небу:

– Самсон, 824 мокрых тюленя тебе за пазуху, где мой ужин?!

– Вы запретили мне кормить вас, капитан, – отзывался слуга.

– Немедленно неси мой ужин или сделаю из тебя сито, куриный бульон тебе в уши, – кричал капитан. – Живо!

Двери столовой вновь гостеприимно распахивались, и капитан устремлялся внутрь, чтобы отведать поросёнка с гречневой кашей, филе угря, пельмени с бараниной, огромную пиццу, три дюжины различных эклеров, фруктовое желе, пахлаву, пряники и сладкий сидр.

– 10 пудингов мне на мачту, это был роскошный ужин, лодыри, – веселился капитан. – Помогите мне встать и дойти до капитанского мостика, и смотрите, не отдавайте мне ключ от погреба до утра, а не то я разорву вас в клочья, шпангоут мне в кофе!

Капитан ложился в постель и вскоре засыпал, но около полуночи, в его комнате зажигалась свеча и он, тяжело топая босыми ногами, начинал спускаться по скрипучей лестнице, ведущей в подвал.

– Канальи, разрази вас всех цунами, – слышалось откуда спустя минуту. – Кто спрятал ключ от моего погреба, сто крабов вам на зубную щётку?! Самсон?!

– Да, капитан... – слышался сонный голос слуги.

– Кто украл мой ключ от погреба, 50 русалок мне в трюмы,

отвечай немедленно?

– Вы сами мне его отдали, перед тем как лечь спать, – отвечал Самсон.

– Ложь, горчицу мне в арбузы! – ревел Жиробас. – немедленно отдай мне ключ, который ты подло украл или я насажу тебя на вертел как куропатку, море мне в боты!

Ключ переключёвывал в руки капитана и тот, трясущимися от голода руками, вскрыл замок и ринулся в погреб, где с потолка свисали колбасы, свиные окорока, грозди сарделек, а в дальнем углу, меж банок с паштетом и соленьями, белели головки сыра.

– Абордаж вам вместо сала, – бормотал капитан, спешно сооружая себе огромный сэндвич со всем, что попало под руку. – Это ж надо такое удумать, пытаться умерить голодом своего собственного капитана, искусай меня приборой... Глаз да глаз за этими прохвостами, винегрет мне на румпель...

Капитан съедал несколько сэндвичей, каждый размером с большую дыню, затем отгрызал десяток сарделек, глодал окорок, резал колбасу, сыр, лакомился паштетом и только после этого (прихватив с собой пару фунтов изюма), покидал погреб и ложился спать, чтобы на следующее утро начать всё с начала.

И вот однажды, на третьем году такой жизни, капитан Жиробас проснулся раньше обычного, по причине того, что его кровать проломил пол и рухнула на первый этаж. Это было

последней каплей.

– Холодец вам за шиворот, я этого больше не потерплю! – воскликнул капитан, силясь встать с обломков кровати без посторонней помощи. – Самсон, мошенник, где тебя носит, сотню чаек тебе в брюки, помоги мне встать немедленно!

Самсон с трудом поднял хозяина и тот с удивлением огляделся.

– Вот так кораблекрушение, семь груш мне под килем. Похоже, мой дом совсем прогнил, раз не выдерживает кровать, зелёный горошек мне рот!

– Просто вы стали толстым как боров, – ответил на это Самсон. – Скоро ни один дом вас не выдержит и вам придётся спастись на земле...

– Что?! – взвился капитан Жиробас. – Да как ты смеешь, пять тысяч морских коньков тебе за пояс! Ты уволен!

– Отлично, – сказал слуга. – А то мне стало скучновато одному...

– Что ты несешь, соль мне вместо сахара? – заверещал капитан – Почему это одному?

– А так, – ответил слуга. – Все от вас разбежались ещё два дня назад. Повар ушёл последним, сегодня утром, так что не ждите завтрака.

– 6 кальмаров мне на брови, как же так? – изумился капитан.

– Говорю же вам, вы стали жирным точно боров и всем до смерти надоели своими криками, – ответил Самсон. – Про-

щайте...

– Но что же я буду кушать, зефир мне вместо глаз?! – за-
хныкал капитан. – Не покидай меня, гром и молния!

– Я останусь, но только при условии, что вы похудеете, –
сказал Самсон.

– Я согласен, Гольфстрим мне в олады. Я на всё согласен,
только немедленно принеси мне еды!

– Нельзя похудеть, если постоянно что-то есть, – возразил
слуга. – Так не бывает!

– Ах не бывает?! – завопил капитан Жиробас, краснея от
бешенства. – Тогда провались ты пропадом, сын компота и
трески! Я и сам управлюсь, унеси меня зюйд-вест!

Самсон пожал плечами и удалился, а капитан, дополз до
кухни, наскоро перекусил четырьмя батонами, арахисовой
пастой, тремя колбасами, сухофруктами, банкой варенья и
холодными голубцами, встал на четвереньки и направился в
конюшню. С грехом пополам, он забрался на телегу и отпра-
вился к нотариусу, где продал свой дом и землю, а на полу-
ченные деньги, купил крепкую шхуну, назвал её «Обжора»
и отправился в кругосветное плаванье, в поисках чудодей-
ственного средства для похудения. Само собой разумеется,
что в пути капитан не испытывал мук голода. Его трюмы бы-
ли полны припасов, а сам он постоянно носил за поясом две
сырокопчёные колбасы, и вязанку телячьих сосисок на шее.

– Э-ге-гей, пошевеливайтесь, оливье мне вместо палубы, –
кричал он матросам, откусывая кусок колбасы. – Нас ждут

приключения, разорви меня на тряпки!

Для начала, «Обжора» обошёл всё Средиземное море, не пропуская ни одного мало-мальски крупного порта, где капитан Жиробас, после сытного обеда разумеется, неизменно интересовался у местных жителей, как ему похудеть, не прекращая есть.

Большинство людей только удивлённо пожимали плечами, утверждая что это невозможно, но капитан был настойчив и всюду находил проходимцев, обещавших ему чудо.

Первый такой торговец, продал Жиробасу в Марселе литровую банку отвратительного пойла, похожего на смесь чернил, уксуса, керосина и помоев, и строго настрого наказал пить её по пять чайных ложек после каждого приема пищи. Жиробас был в восторге, пока не пришло время попробовать чудодейственное средство, но он мужественно зажал нос и выпил пять чайных ложек адской микстуры. Его так перекосило, что матросы с трудом узнали своего капитана, но Жиробас рявкнул на них и они успокоились.

Когда бутылка опустела, а вес, вместо того, чтобы убавиться, увеличился, так как капитан был вынужден заедать каждую ложку лекарства большим куском шоколадного торта, Жиробас встретил в Неаполе какого-то бродягу, который прописал старому морскому волку ставить себе на лоб горчичники, и делать клизмы с морской водой. Жиробас тщательно следовал этим указаниям две недели, но кроме горящего лба и бурлящего живота, ничего не изменилось.

– 88 фрегатов мне в хлебницу, – ругался капитан, беря курс на Стамбул. – Когда же я похудею, 5 бифштексов мне на койку!?

В Стамбуле Жиробасу прописали есть калёный речной песок и пить чесночный сок, от чего «Обжора» начал вонять так, что даже чайки облетали его стороной.

На Кипре Жиробасу порекомендовали принимать барсучий жир с канифолью, на Мальте, пить скипидар, в Бейруте, прикладывать к животу горячие камни и есть живых пчёл, в Александрии капитан вновь ставил себе клизмы, но уже не с водой, а мыльной пеной, в Триполи он обмазывался тухлыми помидорами, а в Тунисе, один предприимчивый араб продал Жиробасу специальный корсет, в котором нужно было ложиться спать, предварительно проглотив полстакана дёгтя с красным перцем и солью. В Алжире капитан приобрёл целебный пояс из верблюжьей шерсти, с зашитыми в него острыми колючками, а в Марокко, чудо-ботинки, надев которые, можно было терять до 10 килограмм в день. Правда, ботинки были малы Жиробасу на 3 размера, но он решил, что когда подействует пояс из верблюжьей шерсти, они как раз будут ему в пору.

К слову сказать, что капитан действительно немного похудел, по крайней мере выглядел он измождённым и чувствовал себя прескверно. У него кружилась голова, тряслись ноги, выпадали волосы, а язык был иссини-чёрным, и не чувствовал никакого вкуса. Вдобавок ко всему, у него постоян-

но жутко болел живот и чтобы хоть как-то ослабить эти боли, капитан каждую ночь выпивал по 5 литров сливок.

– Кажется, мне пора ненадолго лечь в дрейф, штурвал мне вместо пиццы, – решил Жиробас однажды утром и, исключительным образом для поправки здоровья, причалил к гостеприимным берегам Испании, где провёл три недели, и с такой пользой, что когда он поднимался обратно на борт, под ним треснул трап.

– Курс на Америку, касатку мне в шлюпку! – приказал он и корабль взял курс на запад.

Чтобы не терять время в пути, Жиробас вновь начал худеть, благо, что он успел приобрести у одного испанца изумительную мазь, слегка пахнущую конским навозом, которой он обмазывался с ног до головы, а затем разгуливал голышом по палубе, так как свежий ветер, по заверениям испанца, усиливал действие лекарства.

На шестой день у Жиробаса окончательно выпали все оставшиеся волосы, и появилась сыпь, так что ему пришлось отказаться от мази, и вновь надеть на себя пояс из шерсти, и допить остатки барсучьего жира и скипидара.

– Ничего, проглоти меня моллюск, – гремел капитан. – Я всем докажу, что можно легко похудеть, ни в чём себе не отказывая, пятьсот сосисок мне на шею!

Жиробас обплыл обе Америки и испробовал множество новых способов для похудения, в том числе он глотал янтарь, пил желчь ягуара, жевал кактусы, обтирался нефтью, нырял

в болото, засовывал в штаны крапиву, прикладывался пупком к секвойям, закапывался в песок, вновь ставил клизмы, носил гольфы из перьев и даже сделал себе на спине священную татуировку, но ничего не помогало.

– Мухомор мне вместо груздя, если я что-нибудь понимаю, – не выдержал, наконец, Жиробас. – Когда же я уже похудею, сто макрелей мне в каюту?!

Капитан ощупал свой безразмерный живот и вздохнул:

– Неужели мне и вправду придётся, не есть, три тысячи морских звёзд мне на плечи? Ужас...

Но тут Жиробаса осенило:

– Ананасы мне в кингстоны, мне же нужно в Китай! Вот уж где точно знают толк в снадобьях, разруби меня корсар!

«Обжора» пересёк Тихий океан, ненадолго задержавшись на Гавайях, где Жиробас попробовал какие-то горькие листья, от которых у него глаза полезли на лоб, и в Японии, где капитан испытал на себе бамбуковый массаж, от которого не мог отойти трое суток и стонал точно морж. Наконец, «Обжора» вошёл в Шанхайскую гавань и Жиробас, преисполненный надежд, ступил на берег. Он на редкость быстро нашёл то, что искал и для начала. Старый мудрый китаец пообещал ему полное похудение, но для этого, капитану необходимо было неподвижно пролежать три дня с головы до ног утыканным тонкими иглами. Во время этой пытки, Жиробаса кормили через специальное приспособление, наподобие большой воронки, размалывая все блюда в мелкий

фарш, так что капитан даже не понимал, что ему дают. Увы, за два часа до истечения положенного срока, Жиробас чихнул и китаец тут же объявил, что теперь всё напрасно и нужно начинать процедуру сначала.

– Кофемолку тебе в зубы, ни за что! – заорал капитан и сбежал к другому целителю, который использовал горячие ванны.

Когда Жиробас впервые попробовал воду пяткой, то решил, что китаец смеётся над ним, так как огромный медный котёл почти кипел, но тот и не думал шутить:

– *Плыгай в воду, Сыробас, –* сказал он. – *Зиво!*

Жиробас прыгнул и тут же с диким воплем выскочил обратно, красный, точно варёный рак. В этот момент китаец облил его из ведра ледяной водой, и капитан упал без чувств. Капитан смутно помнил, что его ещё раз макали в кипяток и окатывали ледяной водой и при первом же удобном случае, он дополз до двери и смылся.

Третий лекарь прописал Жиробасу лечебный бег, а чтобы тот не ленился, бежал следом и как только капитан начинал сбавлять скорость, пребольно стегал его плёткой по ягодичам, так что капитан визжал как поросёнок. На пятом круге Жиробас свернул в сторону, пронзительно взвизгнул в последний раз и сломя голову помчался к следующему «диетологу», который накормил его странными порошками и велел ходить на руках. От порошков Жиробасу сделалось так худо, что он вновь сбежал и от горя так наелся китайской лапши,

что едва не треснул.

– Утопи меня в кефире, если я ещё раз отдамся им в руки, – прорычал капитан. – Эти недотёпы ничего не смыслят в похудении, полубак мне вместо носа. Нужно плыть в Индию!

Попробовав по пути сушёных пиявок в Сингапуре и выпив на Шри-Ланке пару галлонов слоновьего пота, измученный Жиробас прибыл в Калькутту, где немедленно попал в лапы йога-гипнотизёра, заставлявшего капитана глотать под гипнозом живых змей, пауков и прочую живность, от которой путешественнику стало настолько дурно, что он три дня ел одно только острейшее карри, в результате чего, ему начало казаться, что он дышит огнём...

Но Жиробас не сдался.

– Бочку дёгтя мне в тарелку, если я не похудею, – воскликнул он, и отплыл в Бомбей, где провёл неделю под чутким надзором одного факира, который скармливал Жиробасу гвозди, проволоку и мелкие монеты, утверждая, что это поможет ему похудеть.

Это и это не помогло и Жиробас, держась за живот, вновь поднялся на свой корабль, и направился в Персидский залив. Там он вкусил солёное варенье, горький сахаром и отвар из ослиной слюны, но пользы было мало. В припадке отчаянья, Жиробас до отвала наелся халвы и, в полубредовом состоянии, отплыл в открытое море, решив немного прийти в себя.

– Восемнадцать пингвинов мне в ножны, если я не отыщу это чудесное снадобье, что поможет мне мигом сбросить

вес, – рычал он, разделяваясь с жареным быком фаршированным сосисками, дичью, ветчиной, орехами и инжиром. – 154000 мартышек мне в юнги, я найду это средство!

После двух недель отдыха, уничтожив добрую половину съестных припасов на корабле, Жиробас снова повеселел и велел поворачивать «Обжору» к берегам Африки.

– 734 сырника мне в подзорную трубу, я чувствую, что мне повезёт, – кричал он. – Африка всегда славилась своими колдунами и шаманами, оближи меня гадюка! А если я и там потерплю неудачу, стаю крыс мне под одеяло, то я направлюсь в Скандинавию. Говорят, там творятся настоящие чудеса, лопни моя селезёнка!

С той поры прошло много лет и, хотя самого капитана Жиробаса уже давно нет в живых, немало обжор во всём мире до сих пор продолжают его дело, пытаются отыскать волшебное снадобье, которое поможет им похудеть, не прекращая при этом объедаться. Что ж, пожелаем им удачи и, как любил говаривать капитан Жиробас, попутного ветра, 100 дельфинов мне в повидлю!

Усы и Борода

– Стёпа, сиди смирно, – сказала Варя, придерживая Степашку за хвост и тщательно расчёсывая ему усы и бороду.

Маленький скотч-терьер всячески изворачивался, закатывал глаза, печально вздыхал, но девочка была неумолима и расчёска продолжала подниматься и опускаться, пока усы у Степашки не стали топорщиться как у бравого гренадёра.

– Всё, – сказала Варя. – Беги.

Стёпа пулей промчался по комнате, запрыгнул на диван, где сидел папа, и принялся вытирать морду о покрывало, стремясь вернуть себе первозданный вид. Он елозил по дивану так, будто у него в бороде сидел целый рой пчёл разгневанных, и Степашка спешил поскорее от него избавиться.

– Папочка, – спросила Варя, убирая расчёску и присаживаясь рядом. – А зачем у Степашки борода и усы?

– Борода и усы, – переспросил папа. – Хм-хм... Дайка мне подумать немного... Кажется, я читал что-то касательно этого вопроса, в одном очень научном журнале...

Папа снял очки, безуспешно попытался отобрать свой носовой платок у Счастливчика, потом протёр их о свою рубашку и, водрузив их обратно на нос, хлопнул себя по лбу.

– Ну конечно, – воскликнул он. – Борода и усы! Как я мог забыть! Это же напрямую связано с очень известной двух-

сотлетней войной, что разразилась много лет назад меж двух очень больших и очень богатых королевств, так же известной как Война Бород и Усов.

– А почему началась эта война, – полюбопытствовала Ваяря.

– Из-за сущего пустяка, – ответил папа, – как обычно. Дело в том, что в каждом из этих королевств была своя собственная мода. В одном, все мужчины щеголяли роскошными усами, иногда такими длинными, что в них вставляли специальные каркасы, позволяющие усам топорщиться на полметра в каждую сторону. Усы красились, заплетались, холились и лелеялись с необычайной заботой и любовью. Все улицы были полны вывесок, рассказывающих о том, что только в это заведение и нигде больше, ваши усы получат настоящий уход и невероятный лоск. Все мальчишки с детства мечтали о больших усах и уже в школе начинали пририсовывать их себе углём и чернилами. На любом самом маленьком деревенском базаре обязательно был целый ряд, где продавались средства для ухода за усами. Сотни шампуней, душистые мыла, ароматические масла, пряные травы, бальзамы, лосьоны, притирки, припарки, примочки и ополаскиватели всех цветов и мастей стояли там и пользовались огромным спросом у местного населения. Самыми богатыми людьми были фабриканты, производящие подобную продукцию, а самыми уважаемыми, цирюльниками, специализирующиеся на стрижке и завивке усов. Каждый год, помимо тысяч мест-

ных конкурсов и фестивалей, в столице королевства проходил шумный и торжественный Парад Усов, в конце которого выбирался победитель, чьи усы были наиболее великолепны и необычны. Вся знать собиралась на этот праздник и каждый маркиз или барон, мечтавший победить в этом соревновании, был окружён дюжиной слуг и парикмахеров, которые без устали суетились вокруг него, трудясь над усами точно над произведением искусства. Иногда, усы были настолько длинными и сложно завитыми, что их владелец не мог двигаться без посторонней помощи и несколько помощников везли его на маленькой тележке, в то время как он приветливо махал публике, мало что видя вокруг. Конкурс был очень строгим и сам король, чьи усы были недостижимо хороши и длинны, был в нём судьёй. Если кто-то пытался мошенничать и нарастить себе усы, такого человека безжалостно снимали с соревнований. В качестве наказания, его подвергали публичному сбриванию усов, после чего, несчастный, под смех и улюлюканье толпы, покидал город, а иногда и страну, потому что жить в ней без усов было практически невыносимо, а отрастить новые в короткий срок невозможно. Конечно, в королевстве было полно шарлатанов, обещающих за огромные деньги всяческие чудодейственные средства и настойки для быстрого роста великолепных усов. Сам король, втайне, рассылал секретных агентов по всему королевству и те скупали для него все новинки. Правда, в последний раз, когда он намазал свои драгоценные усы мазью

из помёта парагвайских летучих мышей, которая обещала «невероятный рост, густоту и энергию волос», его усы поблёкли и едва не отвалились вовсе. Королю даже пришлось носить два месяца усы-парик, а свои усы каждую ночь отмачивать в молоке и пиве, чтобы вернуть им утраченную силу. С той поры, он всегда держал подле себя несколько «дегустаторов», которые пробовали все волшебные снадобья на своих собственных усах, прежде чем это делал король. Ажитаж вокруг усов был настолько сильным, что порой, даже женщины не могли сдержаться и не примерить их на себя. Был даже известен случай, когда одна юная леди, переодевшись мужчиной и сделав себе усы-парик из своих собственных роскошных волос, участвовала в подобном конкурсе и выиграла главный приз. Авантюристка уже вошла на трибуну, чтобы получить награду – золотые усы, из рук мэра города, когда внезапный порыв ветра сорвал парик и обман раскрылся. Скандал был ужасающий, и дело дошло до саго короля, но тот был милостив (виновница переполоха была весьма недурна собой) и простил её, но издал специальный указ, который обещал что впредь, дамы уличённые в подобных махинациях будут, будут изгнаны из королевства «дабы не вносить смуту и раздор в сердца доброжелательных подданных». К слову сказать, похождения молодой леди не закончились после этого эпизода. Напротив, она открыла в себе талант к перевоплощению и много лет блистала лучших театрах мира, часто путешествовала и написала потрясаю-

щую книгу «От усов до Пиренеев», которую, по началу, даже запретили в ряде стран, настолько её идеи опережали своё время.

Но вернёмся к нашим королевствам. Итак, пока в одном из них все сходили с ума по усам, в другом, расположенном прямо по соседству, люди были поглощены бородой, которая красовалась не только на их флаге и гербе, но и на почтовых марках, деньгах и гербовых печатях. Здесь, в отличие от соседей, носить усы считалось верхом нелепости и неприличия. Весьма распространённой и злой шуткой у школьников той поры, было поймать какого-нибудь бедолагу из младшего класса и пририсовать ему тушью щегольские усики. Так же как и соседи, тут проводили праздники и фестивали, а раз в год, большой парад, где король, точно также, выбирал победителя, наделённого самой красивой и длинной бородой. Мужчина без бороды, если это не был иностранец, здесь был не в почёте и его даже могли не пустить в ресторан или оперу, сославшись на неприличный вид. Самыми презренными и нищими людьми в королевстве были брадобрее. В средние века их даже порой обвиняли в колдовстве и чёрной магии, и выгоняли из страны, предварительно отобрав и уничтожив бритвы, которыми они сбрасывали бороды, наводя порчу на мирных граждан... В этой стране процветали люди, которые изготавливали всевозможные щёточки, ножницы, расчёски и щипчики для ухода за бородой. В арсенале каждого уважающего себя мужчины, имелось как минимум десяток подоб-

ных предметов, которые считались лучшим подарком. Дворяне, желавшие хорошо выглядеть, имели около сотни таких аксессуаров в своём распоряжении и пользовались ими с утра до вечер, расчёсывая и приглаживая свои бороды. Для их удобства, во всех больших городах, существовали специальные люди, зеркальщики, которые носили большие зеркала и, за пару медных монет, любой мог воспользоваться их услугами и проверить, не растрепалась ли его борода на ветру и не развязались ли крошечные бантики на её конце. В бороды вплетали золото и жемчуг, украшали изумрудами и рубинами, превращали её в подобие бус, насаживая шарики из янтаря и бирюзы на волоски и, что считалось невероятным пискom мобы, устраивали в ней настоящие птичьи гнёзда. Ручные канарейки, неразлучники и прочая яркая пернатая живность сидела в бороде точно в гнезде и весело чирикала и иногда даже выводила там потомство. Однако больше всего щёточек и щипчиков, конечно же, было у короля. Он каждый год обновлял свой арсенал и, по последним подсчётам, у него было более 7683 предметов для ухода за бородой и три дюжины парикмахеров, во главе с Главным Королевским Хранителем Бороды, который всеми ими заправлял. Каждое утро, король проводил от двух до трёх часов в их окружении. Его бороды бережно раскатывали, мыли в специальной 5 метровой ванне, затем сушили горячими опахалами, умащивали редкими благовониями, завивали, пудрили, помадили, украшали драгоценностями, живыми цве-

тами и певчими птицами, душили тончайшими духами и, только после этого, Его Величество выходило в свет и одаривало придворных своим благословением. В течении дня, бороду несчётное множество раз поправляли и подкручивали, а на ночь, вся процедура повторялась в обратном порядке, после чего, чистую и сухую бороду, аккуратно накручивали на специальную катушку из слоновой кости, благодаря которой, как тогда считалось, она росла быстрее и становилась более прочной. Одним словом, ухищрений в каждом из королевств было предостаточно. Многие хитрые торговцы сделали огромные состояния, продавая одни и те же снадобья по обе стороны границы, под разными названиями. Так, чудодейственный и весьма популярный эликсир для крепких и длинных усов «Эксцельсиор», «на основе экстракта баобаба и ромашки», в другом королевстве, продавался как непревзойдённый бальзам для пышной и густой бороды «Индиано», «с добавлением калькуттской полыни и паприки». Иногда, конечно же, случались казусы. В спешке, торговцы путали свой товар и отправляли «бородачам» чудесные шёлковые ночные чехлы для усов, а «усачи» получали взамен черепаховые гребни для бороды. Разгневанные с обеих сторон горожане, дружно забрасывали горе-продавцов помидорами, вываливали их товар в придорожную грязь и прогоняли из города и, через пару дней всё забывалось. Обе страны продолжали мирно жить по соседству, растить усы, приглаживать бороды и беззлобно посмеиваться над чудачеством

«усачей» или над странностями любителей бород.

Трагедия разыгралась внезапно и совершенно из ничего. Однажды, в одном городе, разделённом границей на две части, так что в его центре проходила толстая белая линия, показывающая, на чьей территории вы находитесь, в одном кафе, где часть столиков стояла в одном государстве, а другая часть в другом, возник безобидный спор. Двое весьма уважаемых профессоров из одной и той же академии наук, в шутку поспорили, что появилось раньше, усы или борода. Как вы понимаете, один из участников спора носил великолепные усы на старомодном бамбуковом каркасе, а другой, замечательную бороду, по старине украшенную фазаньими перьями. Каждый был весьма образован и приводил весьма веские доводы в защиту своей теории, ссылаясь на древние манускрипты, папирусы и труды античных авторов. Оба знали латынь и греческий, и без труда цитировали по памяти целые страницы в поддержку своей версии. Естественно, что научная дискуссия такого уровня привлекла внимание людей сидевших поблизости. Очень скоро, «профессорский» столик был окружён толпой зевак, разделившихся на два лагеря и горячо поддерживавших свою сторону. Страсти понемногу накалялись, но не выходили за рамки обычных. Закончив свой обед, профессора расплатились, обменялись рукопожатиями, пожелали друг другу хорошего дня и удалились, договорившись продолжить беседу в следующий раз, т.к. тема была далеко не исчерпана. На этом, собственно, всё и должно

было закончиться, если бы двое посетителей, чьи имена история умалчивает, не сцепились предметами научного спора, а именно усами и бородой. Впоследствии, обе стороны, конечно же, обвиняли в том, что произошло своего оппонента, но факт, что говорить, был налицо. Борода одного из наблюдателей, пышно украшенная золочёными лентами и бисером, сплелась с метровыми усами другого. На беду, оба мужчины оказались отставными офицерами и, вместо того, чтобы с улыбкой распутать свои волосы и пойти своей дорогой, они стали кричать друг на друга и требовать, немедленно убрать «свою бороду с моих усов» и наоборот. Даже тут, всё ещё могло бы хорошо кончиться, не вмешайся в их перепалку жёны, каждая из которых потянула своего мужа к себе, в результате чего, оба вояки потеряли части волос и подняли ужасный крик, на который сбежалось полгорода. Не прошло и часа, как «усачи» и «бородачи» выстроились вдоль белой линии напротив друг друга и принялись плевать, в чём им помогали их жёны, дети и даже одна дрессированная мартышка. Шум и крик стоял дикий, а к концу дня, в обеих частях города, стали повсеместно сооружать баррикады, так как обе стороны были абсолютно уверены, что их противник немедленно предпримет вылазку.

Всю ночь на улицах города горели костры, а вооружённые чем попало горожане, гневно топорща усы и воинственно расправляя бороды, громко распевали патриотические песни. Некоторые горячие головы даже предлагали «на всякий

случай» поджечь городскую ратушу, где прятался мэр, но до этого не дошло.

К утру, пыл большинства участников противостояния сошёл на нет. Замёрзнув и проголодавшиеся на свежем воздухе, горожане разбрелись по кафе, спеша съесть горячий омлет и выпить чашку кофе, и всё снова могло бы кончиться мирно, не прояви мэр города досадную оплошность. Нужно отметить, что он был единственный мужчина в городе, который одновременно носил и усы и бороду, за что, вопреки его ожиданиям, обе стороны считали его предателем. Проведя бессонную и весьма тревожную ночь в ратуше, он, с первыми лучами солнца, послал гонца за подмогой в соседние гарнизоны, по обе стороны границы. Он рассудил так: чтобы успокоить «усачей», мне нужны солдаты усачи, а чтобы урезонить «бородачей», бородачи. Получив сбивчивое послание от мэра, оба гарнизона затрубили подъём, развернули знамёна и, с барабанным боем двинулись с разных сторон к городу, собираясь просто-напросто встать вдоль белой линии, чтобы не допустить взаимных оскорблений.

К тому времени, в городе всё почти стихло, а на центральных улицах, где было множество магазинов, баррикады уже разобрали. И «усачи» и «бородачи» всё ещё поглядывали друг на друга косо но, в целом, каждый гордился победой т.к. все были уверены, что этой ночью, они отстояли свою часть города. Напряжение постепенно спадало, когда один из «усачей», увидел с крыши своего дома, что к городу подхо-

дят «вражеские силы», в полном боевом облачении, развевающимися флагами и барабанами. В тот же самый момент, один «бородач», увидел нечто подобное, но с другой стороны и тоже решил, что это подмога их врагу. Слух о войсках мгновенно облетел город, и разобранные было баррикады, вновь выросли на всех улицах и площадях, и на этот раз всё было серьёзно. Ещё до подхода солдат, горожане устроили пальбу в воздух, для поддержки своего боевого духа, а когда войска вступили в город, остановить уже никого не было никакой возможности, и над городом за клубился дым от подожжённой-таки ратуши. Видя, что дело пахнет жареным, мэр спешно сбрил со своего лица всю растительность, переоделся иностранцем и пустился в бег, прихватив часть городской казны. Так, за одни сутки, два огромных королевства оказались на грани войны, которая вскоре и разразилась и продолжалась без малого двести лет.

– Какой ужас, – воскликнула Варя.

– Совершенно верно, – кивнул папа, – хотя, по правде говоря, эта была очень странная война, в которой не произошло ни одного сражения, не было захвачено ни единого города и не погибло ни единого человека! Обе стороны, настроенные весьма решительно, никак не могли собраться с силами. Проблема была в том, что уход за усами и бородами требовал очень много времени и сил, и заниматься этим в условиях походной жизни было весьма не просто. Только обычному дворянину требовалось с десятков слуг и целая

карета набитая всяческими шампунями, щётками, духами и ванночками. Что же касается высшей знати, то их сопровождал целый обоз и армия слуг. Несколько раз, и та и другая стороны, решали провести генеральное сражение. Они долго выбирали место, стараясь, чтобы поблизости была река, для мытья и полоскания волос, чтобы там не было слишком сильного ветра, путающего усы и бороду, чтобы не было кустов, за которые они могли цепляться, чтобы было достаточно тени, чтобы волосы не потускнели на солнце, и, наконец, чтобы там была хорошая дорога, для подвоза всего имущества. Подобрать такое место было трудно. Порой, на это уходили целые годы, а пока, война выражалась в том, что по обе стороны усы и бороды завивали всё более и более воинственно, а тех, кто этого не делал, называли предателем. Высшим проявлением патриотизма у «бородачей» считалось вплетать в свои бороды пёстрые ленты определённых цветов, а у «усачей», вешать на кончики усов маленькие таблички с воинственными высказываниями. Само собой разумеется, и те и другие обязательно носили при себе внушительных размеров сабли, огромные сапоги со шпорами и, вместо простого рукопожатия, отдавали друг другу честь, прикладывая руку к бороде или усам соответственно.

Война не миновала и королевский двор. Число шампуней и парикмахеров у каждого короля утроилось т.к. враг мог напасть в любой момент и король должен был быть готов повести за собой народ. Теперь, на уход за бородой или усами,

у королей уходило не несколько часов, а весь день. Оба Величества вынуждены были вставать не свет ни заря, чтобы придать своему внешнему виду должную воинственность, а ложились глубокой ночью, ругая войну и вероломного противника, действующего столь коварно и осторожно. Торговля между двумя государствами была запрещена и когда то богатые королевства стали хиреть и угасать, точно цветы без полива. Короли уходили и приходили, форма и цвет усов и бород менялся, но странной войне не было видно конца и края, т.к. никто не желал уступить и признаться, что вся история не стоит выеденного яйца.

Так продолжалось без малого два столетия, к концу которых, обе страны настолько усохли, что трудно было поверить, что когда-то давно, они были богатыми и процветающими, а люди в них, весёлыми и счастливыми. Казалось, ещё немного, и оба королевства прекратят своё существование, но, по счастливой случайности, этого не произошло и всё благодаря бродячему цирку, который давал представления в обеих странах, неспешно колеся из города в город, давая незамысловатые представления. Самое смешное, что директором этого цирка, был потомок того самого сбежавшего из города на границе мэра. В цирке было два клоуна, пара уставших пони, старый силач и огромный кот, которого выдавали за рысь. Но гвоздем программы была дрессированная свинка Жужа, которая умела читать, считать и разгадывать карточные фокусы. Выступления Жужи всегда пользовались боль-

шим успехом, поэтому, когда однажды выяснилось, что её украли, директор был безутешен. По сути, весь цирк остался без заработка, т.к. Жужа была живой легендой и люди шли только ради неё, приводя на выступление детей и знакомых. Директор заперся в своём фургоне и грустил весь день, заедая своё горе огромным шоколадным тортом, а к вечеру, решил, что пора закрывать цирк, распускать труппу и возвращаться домой, так и не став известным и богатым. Он, без сомнения так бы и сделал, если бы не его чудесный пёс, по кличке Шалун, весьма, кстати похожий на нашего Степашку. Шалун никогда сам не участвовал в выступлениях, а просто жил в фургончике директора и забавлял его во время долгих путешествий из одного города в другой. Однако, это был очень умный и толковый пёс. Он много раз наблюдал за репетициями Жужи и отлично знал все её трюки. Более того, он считал, что может разнообразить их и сделать гораздо более смешными и увлекательными. В тот день, когда директор цирка позвал всех, чтобы объявить о своём решении, Шалун, выскочивший следом, к немалому изумлению собравшихся проделал несколько трюков из репертуара ученой свинки и сорвал аплодисменты. Его прыжки были такими забавными что директор просиял.

«Вот наше спасение, – закричал он. – Мы назовём его... Геркулесом! С его прытью и талантом, я уверен, он скоро затмит славу Жужи и мы снова будем собирать зрителей!..»

Единственной проблемой была борода и усы, а точнее,

их одновременное наличие у нашего нового героя. Директор цирка, помня историю своего незадачливого предка, не хотел рисковать, и решено было подвязывать бороду Геркулеса в одной стране, а в другой прятать его усы. Первое же выступление принесло Геркулесу признание, а директору, хорошую прибыль и слава нового циркача росла по обе стороны границы, поскольку и там и там люди истосковались по веселью, и всем до ужаса надоели сапоги и сабли.

На одном из выступлений, по чьей-то оплошности, подвязанная борода Геркулеса распустилась в самый ответственный момент и явилась взору публике. перепуганный директор, стоя за кулисами, покрылся холодным потом, но, вместо свиста и улюлюканья, послышались бурные овации и смех. Зал решил, что всё это было подстроено заранее, и по достоинству оценил юмор и смелость идеи. Восторг был таким, что представление пришлось закончить, так как люди вскочили со своих мест и неистовствовали, и едва не затискали Геркулеса до смерти. Этот триумф сподвигнул директора повторить тот же трюк по другую сторону границы и снова овациям не было пределов. В конечном итоге, после череды шумных выступлений, директор получил приглашение от самого короля и не от одного, а от двух сразу! Осталось решить, к какому именно королю поехать т.к. и тот и другой желали увидеть Геркулеса в один день. Было очевидно, что если директор откажет одному, в угоду другому, это вызовет ужасный скандал и путь в одно из королевств будет

для него навсегда закрыт. Бедняга не спал всю ночь, ломая голову и чуть не сломал, но под утро, решение было найдено. Он немедленно сел за стол и написал два письма каждому из королей, приглашая посетить его выступление на границе их владений, в том самом городе, где когда-то давно началась эта ужасная и совершенно бессмысленная война. Он объяснял эту просьбу тем, что Геркулес очень устал от выступлений и ещё одно путешествие окончательно подрвёт его силы. В то же время, если Его Величество сами пожелают на выступление, он успеет отдохнуть и сделать всё что в его силах, чтобы угодить королю. Несмотря на некоторую дерзость, оба письма были приняты во дворе вполне благосклонно. Оба вельможи изнывали от скуки и ненавидели проводить весь день, приводя свои усы и бороду в состояние повышенной боевой готовности. Они оба были достаточно молоды и неглупы, и прекрасно видели, что война была нелепой ошибкой, но не знали, как её остановить, потому что все люди так к ней привыкли, что боялись мира.

Итак, одним солнечным утром, в прифронтовой городок, в котором, впрочем, работали все кафе, рестораны и цветочные магазины, съехалась вся знать из обоих королевств. Чтобы угодить каждому из властителей, сцена стояла точно посередке, так что белая линия делила её пополам. И с той и с другой стороны был опущен роскошный пурпурный занавес, с той лишь разницей, что одну его часть украшали огромные золотые усы, а другую, гигантская серебряная борода.

Зрители расселись по своим местам, зеваки облепили крыши и, ровно в полдень, занавесы одновременно поползли вверх, открывая сцену с директором цирка, выступавшим в роли конферансье. Некоторое напряжение вызывал тот факт, что оба короля, сидели, что говориться, нос к носу. Такого не было вот уже два столетия и все немного волновались, боясь осложнений, но всё прошло гладко. Короли сдержанно улыбнулись, не то друг другу, не то своим мыслям и небрежно взмахнули руками. Представление началось.

С первых же минут Гераклес покорила сердца именитых зрителей, так что к середине выступления у них слёзы стояли в глазах от смеха, а к концу, они хохотали так, что их бороды и усы тряслись и ходили ходуном. Вся знать не отставала от своих королев и искренне плакала от смеха, а какой-то толстый маркиз даже катался по земле.

Когда всё закончилось, короли подошли к сцене, чтобы угостить Гераклеса кусочком королевской колбасы и оказались настолько близко друг от друга, что чуть не столкнулись лбами. Все придворные замерли, а некоторые военные даже потянулись за своими саблями, но, растроганные выступлением, вельможи вежливо поздоровались и по очереди стали кормить артиста, который одинаково быстро уплетал колбасу из рук обоих. Директор молча стоял подле них и боялся вспугнуть такую удачу. Он внезапно осознал, что это выступление может не просто принести ему невероятную славу и богатство, но также может послужить поводом для прими-

рения двух государств, в чьём раздоре, косвенно, был виновен его далёкий предок.

– Сколько вы хотите за эту собаку? – одновременно спросили его короли. – Я бы хотел купить Геркулеса, чтобы он жил при моём дворе.

– Геркулес не продаётся, – ответил директор, – но я как раз хотел подарить Вашему и Вашему Величеству его сыновей Торо и Боро. Это очень умные и толковые щенки, и они уже умеют делать некоторые трюки. Уверяю Вас, когда они подрастут, я научу их делать всё, что вы пожелаете.

С этими словами он вытащил из своего цилиндра двух очаровательнейших щенков и отдал их в руке королей.

– Вам нравится? – спросил он.

– Да, – ответили короли. – Что вы хотите получить за них? Назовите любую сумму, и она тотчас будет выплачена вам!

– О, что вы, – склонил голову директор. – Мне не нужно никакой награды, я лишь прошу об одном. Торо и Боро очень скучают друг без друга, обещайте, что они будут часто видеться и играть вместе...

Это был воистину волнующий момент в истории и всё кругом замерло. Короли переглянулись, задумчиво погладили своих питомцев, посмотрели по сторонам и... кивнули!

– Знаете, – сказал один король другому, – вы можете в любой момент приезжать ко мне, чтобы Торо мог поиграть с Боро.

– Я как раз хотел предложить вам то же самое, – отозвался

второй король. – Мой дворец всегда к вашим услугам, сир. И... ваша борода чудесно выглядит сегодня.

– О, благодарю вас, но это ваши усы великолепны. Чем вы их натираете? Верблюжьим маслом?

– Совсем немного... Но знаете, совсем недавно, я попробовал одно средство...

Их разговор затянулся до вечера, а утром, прямо за столиком кафе, возможно даже за тем же самым, за которым когда-то разгорелся спор, они подписали мирный договор и обнялись. Конечно, не обошлось без казуса. Их бороды и усы сплелись и никак не хотели расплетаться, но теперь все только посмеялись.

– Подумать только, – сказал один король. – Ведь именно из-за такого пустяка, мы двести лет воевали!

– Какая глупость, – отозвался второй, аккуратно высвобождая свою бороду. – Я уверен, что такого больше никогда не повторится! И, кстати, где мои парикмахеры? Раз война закончилась, я немедленно желаю укоротить свою бороду как минимум на два метра.

– Но Ваше Величество, – побледнел Главный Хранитель Королевской Бороды, – это же... это же... это же немодно!

– Чепуха, – отмахнулся король, который представил себе, сколько у него будет свободного времени для развлечений, вместо утомительного полоскания и сушки бороды. – Я создам новую моду.

– Но как же вы хотите её постричь, – спросил хранитель.

– Вот так, – засмеялся король, показывая на короткую, но элегантную бороду Геркулеса, которого держал на руках директор. – Я назову этот стиль *а-ля Геркулес!*

– Но... – начал Главный Хранитель.

– Никаких но! – отрезал король. – И вы мне тоже больше не нужны. С такой бородой я и сам отлично управлюсь. Держать такую армию парикмахеров в мирное время просто нелепо!

– В таком случае, – заговорил второй король, – я тоже распушу свою свиту и буду носить *усы а-ля Геркулес*. Боже мой, дружище, сколько же времени мы потратили впустую!

Короли немедленно укоротили вои усы и бороды и стали выглядеть на 20 лет моложе.

– Великолепно, – радовались они. – Точно гора с плеч! Как прекрасно жить!

В течение месяца, новая мода облетела оба королевства, и уже через год, на улицах практически нельзя было увидеть чудовищных усов и огромных бород. Люди снова стали улыбаться и только раз в год, по традиции, устраивали шуточные шествия, приклеивая невероятных размеров соломенные усы или десятиметровые бороды из пакли. Также, горожане повсеместно стали заводить себе собак с бородой и усами, и никому больше не казалось это странным. Директора цирка назначили мэром того самого города, а на крыше новой ратуши установили флюгер в виде собаки с забавной мордой, символизирующего единение усов и бороды. Коро-

левства вновь начали процветать и богатеть, а Торо и Боро, часто видеться и от души резвиться вместе. Их потомки, постепенно, попали в другие страны, и теперь вы можете повстречать этих очаровательных собак где угодно и узнать их настоящую историю.

– И эти королевства больше не воевали? – спросила Варя.

– Ни-ког-да, – ответил папа. – А главное, что с тех самых пор, там каждый мог носить усы или бороду, любой удобной длины и формы, а если кто-то хотел иметь и то и другое сразу, или не иметь их вовсе, то никто не смотрел на него косо и не делал замечаний. Ну, разве что только отставные офицеры, но их уже больше никто никогда не слушал...

Бонгу

– Как дела, дорогой? – спросила мама, заглянув в папин кабинет на втором этаже. – Обед готов.

– Я как раз заканчиваю, – весело отозвался папа, чей нос, лоб и даже уши были в чернилах от его перьевой ручки. – Одну минуту. О, если бы ты только знала, каким уморительным получился мой герой! Представляешь, он разлил чернила и весь ими перемазался!

Мама скептически оглядела папу и покачала головой.

– Если бы ты потрудился заглянуть в зеркало, милый, то увидел бы, что не он один... – заметила она.

– Разве, – пробормотал папа, с удивлением разглядывая свои перепачканные руки и подтекающую ручку. – А я и не заметил...

– Боже, – всплеснула руками мама, – ты портишь свои костюмы быстрее, чем первоклассники школьную форму. Почему бы тебе не попробовать писать в майке и джинсах?

– От этого страдает качество моих книг, – важно заметил папа, разглядывая себя в зеркало. – Костюм меня дисциплинирует...

– Дисциплинирует?! – не поверила своим ушам мама.

– Ну да, – отозвался папа, пытаясь пальцами оттереть чернила со своего лба. – Я будто бы становлюсь строже и со-

браннее...

Мама посмотрела на забрызганный чернилами рабочий стол и снова покачала головой.

– В таком случае, хотя бы почини свою ручку. Ты выглядишь точно поросёнок!

– В таком случае, – ответил папа и хитро улыбнулся, – сейчас тут появиться и второй...

Растопырив чёрные пальцы рук, он сделал вид, что хочет обнять маму и та, пронзительно взвизгнув, проворно юркнула в люк.

– Это просто форменное безобразие! – донеслось с первого этажа. – Какой пример ты подаёшь детям? Немедленно спускайся вниз, умывайся и иди обедать. Всё давно готово.

– Сию минуту, Ваше Величество, – весело откликнулся папа. – Только сменю костюм.

Через десять минут вся семья была за столом. Глядя на не до конца отмытое папино лицо, Варя с Серёжей перемигивались и хихикали, но папа сидел с самым невозмутимым видом, словно перемазаться чернилами было в порядке вещей. Степашка, как всегда, сидел под столом рядом с Варей и, время от времени, нетерпеливо скрёб её лапкой, требуя подачи. Варя незаметно переправляла ему кусочки сыра или котлеты, и Степашка неспешно съедал их, непростоительно громко чавкая. Что до мамы, то она просто обедала и старалась делать вид, что не видит, как Варя украдкой кормит собаку, Серёжа смеётся и давиться супом, а папа уже ис-

пачкал воротник новой рубашки мясным соусом.

– Чудесный обед, – провозгласил папа, вставая из-за стола и направляясь к раковине, чтобы помочь маме вымыть посуду. – Просто восхитительный. Лучшего обеда я не едал со времён моего путешествия по Австралии и Новой Зеландии.

– Дорогой, но ты не был в Австралии и Новой Зеландии, – заметила мама.

– Это неважно, – отмахнулся папа. – Главное, что я был готов туда отправиться и прочитал столько книг и путеводителей, что иногда, мне даже сняться сны про эти чудесные страны. О, дорогие мои, какие мне сняться сны! Это просто сказка.

– Папочка, – сказала Варя, – а что тебе снится? Кенгуру?

– Мне снятся десятки, сотни, тысячи кенгуру! И не просто кенгуру, а их редчайший вид, – Розовые Хохлатые Кенгуру. Их ещё называют Королевскими кенгуру, потому что их хохолок похож на корону. Когда тысячи этих удивительно красивых и благородных животных скачут в лучах заходящего солнца, то кажется, что...

– Пап, – прервал его Серёжа, – но Розовых кенгуру не существует. Я смотрел передачу по телевизору и там сказали...

– Не стоит верить всему, что говорят по телевизору, – сказал папа, едва не разбивая тарелку и получая лёгкий подзатыльник от мамы. – Розовые Хохлатые кенгуру существуют, друзья мои. Признаю, я не видел их собственными глазами, но когда я путешествовал в своём сне, они были там и я даже

погладил парочку из них. Чудесные существа. У них такая мягкая шёрстка и нежная шёрстка, точно у нашего Счастливи́чика и вдобавок, она немного пахнет жасмином. Нет, Королевские кенгуру существуют, чтобы не говорил по этому поводу телевизор.

Папа вытер руки и уселся на кресло в углу кухни.

– А кого ещё ты видел во сне? – спросила Варя.

– Там были все, – усмехнулся папа. – Вомбаты, ехидны, коалы и даже парочка древесных карликовых сумасбродов. Я угощал их орехами, которые завалились в моём кармане и мы почти подружились, но, эти сумасброды такие сумасброды, что ты никогда не можешь знать наверняка, что им придёт в голову через секунду. Я отвернулся буквально на мгновение, а их и след простыл и вместе с ними пропал мой магический фотоаппарат, которым я очень дорожил.

– Магический фотоаппарат, – заинтересовалась Варя. – А что он может?

– Фотографировать сны, конечно же, – ответил папа. – Что же ещё? Это жутко удобно, скажу я вам. Предположим, вы увидели во сне что-то интересно, но боитесь, что когда проснётесь, то не сможете вспомнить. В этом случае, всё, что вам нужно сделать, это только лишь сфотографировать то, что вы увидели.

– А что потом, – спросил Серёжа.

– Потом, – пояснил папа, – когда вы проснётесь, вам нужно лишь взять свой магический фотоаппарат, который всё

это время лежит на вашей тумбочке в изголовье кровати и вытащить из него готовую фотографию! Чудесно, не правда ли?! Правда, у меня была довольно старая модель, которая могла делать не более одной фотографии за один сон, но всё равно, друзья мои это было великолепно. У меня даже был целый фотоальбом снов, но я, кажется, потерял его в Греции. Очень жаль, там были такие замечательные фотографии Марса, много лучше тех, что сейчас публикуют в научных журналах... В любом случае, эти сумасброды утащили мой фотоаппарат и, когда я проснулся, его не было и на моей тумбочке тоже. Я был очень расстроен, очень. Я даже написал письмо в Лигу Снов, с просьбой прислать мне ещё один аппарат, в память о моих выдающихся заслугах в области Художественного Сновидения, но, эти бюрократы отделались стандартной отпиской, что Магических фотоаппаратов слишком мало и предложили записать меня в очередь, где я был бы под номером 569879. Вы представляете?! Порой просто невыносимо думать, что какие-то неучи, возмнившие себя невесть кем, распоряжаются такими сокровищами... Впрочем, тут есть и хорошая сторона. Я стал более внимательным к своим снам и теперь, если я вижу что-то важное и интересное, я стараюсь изучить это как можно тщательнее, а после, как только проснусь, сразу же записываю всё в специальный блокнот. Рекомендую и вам поступать также. Эта нехитрая техника позволила мне не только узнать массу необычного и волнующего, но и сохранить вос-

поминания, так что я в любой момент могу обратиться к ним и освежить в памяти. Пользуясь этим приёмом, я трижды возвращался в тот же самый сон, пытаюсь разыскать свой фотоаппарат и, хотя мне и не удалось это сделать, я подружился с одним мудрым лесным пингвином, который поведал мне множество увлекательнейших историй.

– Лесным пингвином, – недоверчиво спросил Серёжа.

– Именно так, – кивнул папа. – Ново-Гвинейские лесные пингины, единственные из семейства пингинов, которые абсолютно не умеют плавать и вообще стараются держаться от воды как можно дальше. Они даже пить стараются только дождевую воду, которая скапливается в больших листьях, а питаются плодами дынного дерева и побегами сахарного тростника. К сожалению, Нувалу, так его зовут, едва ли не единственный лесной пингвин, который уцелел на этом огромном острове.

– Но почему, – удивилась Варя.

– Люди, – грустно ответил папа. – Всему виной люди, которые обнаружили, что в недрах острова скрывается множество полезных ископаемых. Они рубили тропические леса, рыли шахты и котлованы, взрывали скалы и строили дороги и пингины, весьма робкие существа, вынуждены были мигрировать с места на место, пока, в конце концов, не остался один только Нувалу, последний из рода Накани. Когда он убедился, что я не причиню ему вреда и готов выслушать его, он говорил без умолку целых три дня подряд, так что при-

знаюсь, я уснул прямо во сне. Но всё же, кое-что я запомнил и могу рассказать вам, если хотите.

– Расскажи, расскажи, – обрадовалась Варя.

– Что ж, – сказал папа, – дело было так... В те далёкие времена, когда на остров ещё не приплыли первые люди с Запада и лесные пингвины процветали, селясь вдоль большой, полноводной реки Раму, на берегах которой рос самый сочный и сладкий сахарный тростник, в семье Нувалу из рода Накани, родился его пра-пра-пра-пра-пра-прадедущка, которого звали Бонгу. Этот малыш с детства поражал других пингвинов своим бесстрашием и храбростью. Когда он был ещё совсем молодым, его младшая сестрёнка, Роро, оступилась на скользкой глине и скатилась в ручей. В стае поднялся страшный переполох, но никто так и не рискнул броситься следом, хотя ручей, как впоследствии оказалось, был совсем мелким. Как бы то ни было, несносный малыш Бонгу, не раздумывая прыгнул за своей сестрой и спас её, потому что вода едва доходила ему до плеч. Когда Бонго выбрался с ней на берег, все пингвины расступились перед ним, потому что согласно древней легенде, только великий Марин-Даним, бесстрашный пингвин из страны Замерзшей воды, умел плавать. Не удивительно, что спустя несколько лет, когда Бонгу вырос, а слава о нём уже давно облетела весь огромный остров, он стал самым молодым вожаком пингвиной стаи за всю их историю. Конечно, нашлись и недовольные этим решением. Некий Манумбо из рода Кетэ, самый

крупный и задиристый пингвин в стае, был уверен, что именно он, а не дерзкий выскочка Бонгу должен быть вожаком. Вместе со своим дядей, Туру Одноглазым, он решил свергнуть соперника и для этого, пошёл на предательство, заключив договор с давними врагами пингвинов – сумчатыми волками. Манумбо и Туру пообещали сумчатому волкам отдать им всю семью Бонгу, взамен на власть над стаей. Волки, конечно же, согласились и пообещали наивным пингвинам всё, что те захотели, но на самом деле, они хотели обмануть заговорщиков и, пользуясь удобным случаем, истребить всех лесных пингвинов. Это был коварный и хитрый план, но злоумышленники не учли одного обстоятельства – несмотря на свой юный возраст, Бонгу был мудр и осторожен. Он видел, что в его стае есть недовольны, и держал ухо востро. Той ночью, когда Манумбо и его дядя незаметно ушли из стаи, Бонгу тайком последовал за ними. При виде волков, поджидающих пингвинов на берегу реки, Бонгу понял, что его подозрения были не напрасны. Пользуясь темнотой и тем, что он не боялся воды, смельчак подобрался совсем близко и слышал весь разговор от начала до конца. От услышанного, у него перья поднялись дыбом и он понял, в какой опасности находятся все его сородичи, потому что сразу же догадался, что волки непременно захотят уничтожить всех пингвинов. Вернувшись обратно раньше преступников, он сделал вид, что спит, но сам всю ночь думал, как сделать так, чтобы уберечь стаю и навсегда огородить её от грозных хищников.

У него оставалось только два дня, чтобы принять решение, потому что потом наступало ночь новолуния, когда луна не встаёт над лесом и он погружается в жуткий мрак. Именно эту ночь и выбрали Манумбо и Туру Одноглазый чтобы забрать себе всю власть. Они пообещали, что проведут волков секретной тропинкой, прямо в спящую стаю и, прежде чем пингвины опомнятся, разбойники смогут одержать победу, которую никогда бы не получили в честной схватке, по причине своей трусости. К утру план был готов и Бонгу даже засмеялся от того, каким он был простым и как здорово решал все проблемы с волками, а главное, делал это раз и навсегда. Он посвятил в свой план четырёх своих самых надёжных друзей и, в течение двух последующих ночей, они крадучись выходили из лагеря и отправлялись на берег реки, где что-то строили.

К вечеру третьего дня всё было готово. Бонгу отдал последние распоряжения своим товарищам в наступавших сумерках, а сам, приготовился исполнить самую важную и опасную часть своего плана. Он видел, как двое изменников шепчутся и переглядываются, ожидая удобного случая, чтобы выбраться из лагеря, но, им не суждено было сделать это...

Едва стемнело, друзья Бонгу внезапно накинулись на Манумбо и его дядю и крепко связали, заткнув клювы зелёными бананами.

– Ждите моего сигнала, – напомнил Бонгу своим товари-

щам. – И не спускайте глаз с этих негодяев. Мы решим, что с ними делать после.

С этими словами, Бонгу устремился в лес. Он быстро пробежал по извилистой тропинке и вскоре вышел к тому месту, где предателей ожидали сумчатые волки.

– Почему так долго? – зарычали волки, увидев в темноте силуэт пингвина. – И почему ты один? Где твой дядя?

– Он ждёт нас у лагеря, – сипло сказал Бонгу, стараясь подражать голосу Манумбо. – Планы изменились. Мы пойдём другим путём и застанем пингвинов врасплох.

– Но что у тебя с голосом, – спросили волки, сиюсь разглядеть говорящего.

– Я простыл, – ответил Бонгу, стараясь не приближаться к волкам. – Ну, идёмте скорей, пока все пингвины спят...

Волки поспешили за Бонгу, и он с ужасом осознал, что они могут в любой момент наброситься на него и разорвать в клочья. Однако, он был очень храбрым лесным пингвином и знал, что другого выхода у него нет.

Они прошли тёмным лесом, и вышли на берег реки.

– Лагерь пингвинов вон там, – сказал Бонгу. – Мы подберёмся к нему через сахарный тростник. Я знаю тропинку...

Он повёл волков через тростник, по узкой тропинке и, спустя несколько минут, они оказались на крошечном пятнышке, где весь сахарный тростник был сорван и плотно утрамбован.

– Все сюда, – сказал он волкам. – Вы все должны собрать-

ся на этом пяточке, чтобы разом атаковать лагерь. Мы специально вытоптали его для вас с моим дядей. Торопитесь, а то скоро начнёт светать.

Не чуя подвоха, волки сгрудились на крохотном пяточке. В этот самый момент, Бонгу вдруг закричал что есть сил:

– Толкайте, толкайте!

– Что? Кто? Куда? – удивились волки, не понимая что происходит.

– Толкайте, толкайте! – продолжал кричать Бонгу и тут, словно по волшебству, крохотный островок суши, на котором оказались волки, стал отделяться от берега...

– Караул, – завывли сумчатые волки. – Помогите! Ловушка! Засада!

Но было слишком поздно, и островок всё дальше и дальше отплывал от берега, подхватываемый течением большой реки.

Всё дело было в том, что две ночи подряд, Бонгу и четверо его друзей, строили на берегу реки большой плот из бамбука и тростника. Как только Бонгу заманил волков на него, четверо друзей, которые прятались в зарослях, стали толкать его специальными шестами и волки оказались в западне.

– Ты обманул нас, – закричали волки, поняв, что деваться им некуда. – Кто ты такой?

– Я – Бонгу, вожак лесных пингвинов и вы больше никогда не сможете напасть на нас, потому что река вынесет этот плот прямо в море.

Нужно заметить, что сумчатые волки, хоть и назывались очень похоже, не имели к обычным волкам никакого отношения и, так же как и Ново-Гвинейские лесные пингвины не могли плавать!

– Ты ответишь за это, – зарычали волки. – Пусть нас и унесёт в море, но и ты уплывёшь с нами и послужишь нам хорошим обедом.

– Как бы не так, – засмеялся Бонгу. – Прощайте, глупцы. Вам не жилось мирно на нашем острове, что ж, вы сами виноваты. Теперь, ваша судьба в руках Океана, который, быть может, прибьёт вас к новым берегам, где вы, я надеюсь, будете жить не так, как жили прежде.

Бонгу подпрыгну, нырнул в воду и легко поплыл к берегу. Когда он вернулся, вся стая уже была на ногах и встретила его как настоящего героя, умного и отважного. Бонгу был скромен. Он не любил почести и рассказал историю своего подвига так, будто бы всю самую важную работу сделали его друзья.

– Но что мы будем сделать с предателями, которые хотели отдать нас на растерзание хищникам? – спросили пингвины, когда все немного успокоились.

– Отправить их вслед за их товарищами! – прокричал кто-то. – Сделаем им малюсенький плот, и пусть плывут куда захотят! В нашей стае нет места таким птицам!

Все шумно одобрили такой план и стали валить бамбук, чтобы отправить бедолаг по реке, но Бонгу остановил их.

– Послушайте, – сказал он. – Конечно, Манумбо и Туру поступили очень плохо, но и они были обмануты. Им и в голову не приходило, что волки нарушат свой уговор и нападут на всех нас. Они лишь хотели сами править стаей, и, я уверен, они осознали свою ужасную ошибку. Было бы слишком жестоко, отправлять их вслед за волками в море. В конце концов, мы же птицы, а не какие-нибудь змеи или пауки. У меня есть отличная идея, как перевоспитать их и дать им шанс загладить свою вину.

– Какая, какая? – заинтересовались пингвины.

– Всю свою жизнь, мы прожили на правом берегу Большой реки, но взгляните на противоположный берег. Разве вы не видите, что там вдвое больше сахарного тростника и целый лес дынных деревьев. Если бы мы могли переселиться туда, мы зажили бы куда как лучше.

– Но как нам туда добраться? – спросили пингвины. – Если ты хочешь, чтобы мы переплыли реку, то об этом не может быть и речи. Не все такие смелые и сильные как ты, Бонгу.

– Я знаю, что вы не любите воду, – улыбнулся Бонгу. – И я не прошу вас плыть. Я хочу, чтобы вы *перешли* на другой берег...

– Как? – изумились пингвины. – Это невозможно!

– А я думаю, что возможно, – ответил Бонгу. – Мы построим бамбуковый мост! Эта идея пришла мне в голову, когда мы строили плот. Если всё правильно рассчитать, то у

нас получится.

Пингвины с сомнением покачали головами.

– Это слишком опасно, – сказал кто то, наконец. – А вдруг мы свалимся в воду, что тогда? Ты один умеешь плавать.

– Поэтому-то мне и понадобятся помощники, – сказал Бонгу. – Вот эти двое, например.

Он подошёл к Манумбо и Туру и вытащил бананы из их клювов.

– Вы согласны помочь мне построить мост? – спросил он. – Если да, то когда мы закончим, вы будете прощены. Так как?

Не сговариваясь, оба пингвина дружно закивали головами.

– Мы согласны! Мы всё поняли! Мы исправимся, вот увидите!

– В таком случае, давайте немедленно ложиться спать, потому что утром, нужно приниматься за работу.

И действительно, на следующее утро на берегу большой реки Раму закипела работа. Пингвины валили бамбук, связывали его лианами и передавали трём пингвинам, которые трудились над самой водой, постепенно наращивая мост. Первые две попытки получились неудачными, и строение сносило течением, но потом, дело пошло на лад и меньше чем через полгода, бамбуковый мост был готов. Бонгу первым прошёл по нему, испытывая на прочность, а за ним, прошагали Манумбо и Туру, которые совершенно изменились и

поняли, как важно быть одной, большой дружной семьёй.

С той поры, пингвинам всегда хватало плодов дынного дерева и сладкого тростника, и они жили припеваючи и во всём слушались Бонгу.

Кстати, – сказал папа, протирая свои очки и глядя сквозь них на свет. – Нувалу, пра-пра-пра-пра-правнука великого Бонгу, сказал мне, что его всегда очень интересовала судьба тех сумчатых волков, что уплыли в открытое море. Я взял на себя смелость предположить, что они спаслись и, хотя путь их был очень долог, всё же, их прибило к берегу и их предками стали хорошо всем известные Тасманские волки.

– Папочка, а что ещё тебе рассказал этот пингвин, – спросила Варя.

– О, – замахал руками папа, – много чего. Всего и не упомнишь. Мне нужно заглянуть в свой блокнот для сновидений и тогда, быть может, я расскажу вам ещё одну историю, но в другой раз.

– Но почему, – возмутились ребята.

– Потому что даже самые хорошие сны когда-нибудь да заканчиваются, – улыбнулся папа. – Пойдём те как лучше прокатимся на велосипедах. Нельзя упускать такую замечательную погоду.

Китёнок Ватруша

– Как же жарко, – сказала Варя, сонно обмахиваясь маминым веером. – Просто безобразие...

– Ужасно, – поддержал сестру Серёжа. – Может, сходим ещё раз искупаемся?

– Нет, – отозвалась девочка. – Лучше посидеть в тенёчке...

– Да, пожалуй...

Ребята уже два часа сидели под навесом бани, в густой тени сосны и вяло переговаривались, не в силах чем-либо заниматься. Изнывающий от жары Степашка тоже был с ними. Он тяжело дышал и поминутно подходили к большой миске с водой, а потом вновь обессиленно падал на дощатый пол, стараясь поймать хоть малейшее дуновение ветерка. Только стрекозы, кажется, радовались зною и безнаказанно носились над газоном, словно понимая, что Степашка не в силах на них охотиться на таком солнцепёке.

– Скучаете? – раздался папин голос. – Чудесная погодка, а?

Папа по пояс высунулся из окна второго этажа и радостно жмурился, оглядывая свои владения. – Ты, что, папа, – вяло возмутился Серёжа. – Такое пекло... Даже купаться идти лень...

– А как насчёт порции мороженого?.. – лукаво поинтересовался папа.

– Это было бы здорово, – оживилась Варя.

– Отлично, – кивнул папа, – тогда я отправляюсь в магазин, а вы пока помогите маме, она звала вас. Встретимся внизу через 20 минут, идёт?

– Идёт, – ответили ребята.

Вскоре они сидели в беседке и с упоением облизывали сливочный пломбир. Степашке тоже досталось немного мороженого, и он от души наслаждался прохладным лакомством. Только мама не участвовала в этом пиршестве, так как у неё было полно работы, и её порция, под чутким руководством Вари, была убрана в холодильник.

– Папочка, – спросила девочка, стараясь оближивать тающее мороженое как можно медленнее, чтобы растянуть удовольствие. – А все животные любят мороженое?

– Абсолютно, – кивнул папа, стараясь как можно аккуратнее снять кусочек пломбира со своих брюк.

– Даже белые медведи? – изумилась Варя.

– Конечно, – ответил папа. – Медведи вообще ужасные сладкоежки. Говорят, что где то, не то в Канаде, не то на Аляске, есть редчайший вид мохнатых зимних пчёл, которые делают чудесный зелёный пломбир из снега и хвои, добавляя в него сладкое пчелиное молочко. Так что вы думаете, местные косолапые специально ставят себе будильник, чтобы проснуться пораньше, в феврале, и успеть полакомиться

этим чудесным деликатесом! Что бы обмануть бдительных пчёл, они катаются в снегу до тех пор, пока не начинают походить на снеговиков и в таком виде лезут на дерево. Беда в том, что пока медведь лезет, часть обычно снега слетает, и рассерженные пчёлы больно кусают косолапого хитреца за нос и пятки.

Кстати, местные индейцы считают, что Куани Апун Сани (Сладкий Зелёный Снег) помогает от тысячи хворей и тот, кто регулярно ест на протяжении всей своей жизни, проживёт до ста лет и всегда будет весёлым и энергичным.

Папа весело расхохотался.

– Только представлю себе, как пчёлы жалят ворчащего снеговика, который сидит на дереве и таскает зелёный пломбир, как меня смех одолевает. Ничего не могу с собой поделаться! – объяснил он.

– А киты любят мороженое? – поинтересовалась Варя.

– Любят, – убеждённо ответил папа. – Но ещё больше, они любят ватрушки с творогом.

– Ватрушки с творогом? – недоверчиво переспросил Серёжа.

– Именно так, – заявил папа, с грустью оглядывая опустевшую деревянную палочку от своего мороженого. – Это чудесная история, друзья мои, хотя, сказать по правде, начинается она не очень хорошо.

Папа вытер рот салфеткой, откинулся на стуле и прикрыл глаза.

– Всё началось в 19 веке, когда одно из китобойных судов, которые, к великому сожалению, кое-где до сих пор ещё существуют, наткнулось в густом тумане на двух китов – маму и её маленького детёныша, который только-только прекратил пить молоко. Команда китобоя «не растерялась» и, как это не ужасно, вонзила гарпун в спину большому киту и вскоре, тот был мёртв и его тушу втащили при помощи лебёдки на палубу. По счастью, туман, который не позволил китам заметить приближение охотника, укрыл малыша и когда китобойцы опомнились, его уже не было видно. Покружив немного в густом тумане, шхуна двинулась дальше, оставив китёнка одного. Надо сказать, что он был так мал и так наивен, что даже не понял толком, что случилось. Всё произошло так быстро, что в конечном итоге, он решил, что просто потерялся и решил никуда не уплывать, а ждать маму там, где они расстались. Он закрыл глаза и уснул, ни минуты не сомневаясь, что всё будет хорошо...

Папа остановился и зачем-то стал протирать свои очки, но увидев, что в глазах Вари стоят слёзы, поспешил продолжить свой рассказ.

– Утром, туман растаял, и над океаном засветило солнышко. Китёнок открыл глаза и сладко зевнул.

– Привет, солнышко, – весело сказал он. – Какой чудесный день! Но где же моя мама?..

Он нырнул под воду и крикнул, как это умеют делать киты, но никто ему не отозвался и он растерянно всплыл на

поверхность.

– Как же так, – расстроился он. – Почему мне никто не отвечает? Что же мне делать?

Он снова нырнул и крикнул ещё раз, так громко, как только мог, но ответа не последовало, и он вновь грустно закачался на волнах. Ему уже давно хотелось кушать, но он не знал, как ему поступить. Мама только начала учить его как ловить мелких рачков и питательный планктон, но у него ещё очень плохо получалось, и он никак не мог наесться. Он промутился весь день, гоняясь за креветками и мелкой рыбёшкой, но так ничего и не поймал.

Так прошло два дня. Китёнок всё ещё надеялся, что мама вернётся к нему и не уплывал далеко от того места, где случилась трагедия, но, в конце концов, голод взял верх и он решил плыть дальше, в те края, где много еды. Мама уже рассказывала ему о Южных морях, но китёнок не знал, где они находятся, и решил спросить у кого-нибудь. Для начала, он обратился к рыбам, однако те ничего не слышали о далёких морях и не смогли помочь китёнку. Тогда он спросил чаек, но и те не никогда там не были. Вконец расстроенный, китёнок заплакал, и тут к нему подплыла большая черепаха. Весь её панцирь был в отметилах от зубов акул, но она была весела и разговорчива.

– Не грусти, малыш, – сказала она. – Я знаю путь в Южные моря. Я родилась там и жила много лет, пока была маленькой. В них полно рачков и планктона, к тому же, там ты

сможешь встретить своих родственников – больших китов.

– А вдруг я уплыву, а мама вернётся? – спросил китёнок. – Она будет волноваться.

– Не переживай, малыш, – сказала черепаха, хорошо понимая, что случилось с мамой китёнка, но не желая огорчать его. – Все киты, если случайно теряют друг дружку, сразу же плывут туда, плыви и ты.

– Но как мне найти дорогу? – заволновался китёнок.

– Очень просто, – ответила черепаха. – Когда наступит ночь, найди три большие звезды над горизонтом. Выбери из них самую яркую и следуй за ней. Чем ближе будут южные моря, тем выше будет эта яркая звезда и однажды, ты попадёшь туда, куда тебе нужно. Только будь осторожен – в море полно акул и касаток. Они не подплывали к тебе, пока твоя мама была рядом, но теперь, когда ты один, они могут тебя обидеть. Держись от них подальше, и ещё дальше держись от людей на больших кораблях. Они хуже акул – никогда не знаешь, что у них на уме...

Китёнок внимательно выслушал черепаху, поблагодарил её и, дождавшись ночи и найдя яркую звезду на небе, отправился в путь. Он плыл ночами, а днём дремал, стараясь держаться на почтительном расстоянии от акул и кораблей. Удача сопутствовала ему, но он никак не мог наесться досыта и через неделю путешествия настолько ослаб, что еле шевелил хвостиком. В одну из ночей, он и вовсе задремал от усталости и очнулся от того, что врезался головой во что-то твёр-

дое.

Он открыл глаза и испуганно вскрикнул – прямо перед ним, на волнах качался большой парусный корабль, медленно дрейфующий в туже сторону, что и сам малыш. Он быстро вспомнил все наставления черепахи и хотел уже поскорее нырнуть под воду и уплыть прочь, как вдруг заметил, что на корме судна стоит маленькая девочка и испуганно смотрит на него. Девочка выглядела совершенно безобидно, и китёнку стало любопытно. Он покружился немного в воде и приветственно выпустил фонтанчик воды из своего носа. Девочка тихонько засмеялась и помахала ему в ответ, а затем, вытащила что-то из бумажного кулёка, что держала в своих руках и бросила в воду.

– Вот, угощайся, китёнок, – сказала она. – Это творожная ватрушка. Она очень вкусная, попробуй.

Китёнок не понял, что сказала девочка, но догадался, что это какой-то подарок и подплыл ближе к качающейся на волнах ватрушке. Ватрушка аппетитно пахла, и китёнок проглотил её одним махом.

«А это вкусно! – решил он. – Немного похоже на мамино молоко... Нужно поблагодарить девочку.»

Он завертелся на месте, показывая, как ему понравилось угощение, и девочка снова засмеялась и бросила ему ещё одну ватрушку. Через несколько минут, все ватрушки, что были у неё в пакете, перекочевали в живот китёнка и тот наконец-то почувствовал, что немного наелся.

– У меня больше ничего нет, – печально сказала девочка. – Но если ты хочешь ещё, то приплывай сюда завтра, в это же время и я снова угощу тебя. Только не показывайся тут днём, а то вдруг взрослым не понравится. С ними вечно столько хлопот...

Китёнок опять не понял, что именно говорила ему девочка, но догадался, что она приглашает его навестить её ещё раз.

– Спасибо, – ответил китёнок, выпуская фонтанчики воды. – Я обязательно приплыву ещё! Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, китёнок, – замахала ему девочка. – Я буду ждать тебя.

Остаток ночи, китёнок проспал, а на следующий день, двинулся вслед за шхуной, держась на таком расстоянии, чтобы его не было видно. Как только стемнело, он осторожно приблизился к кораблю и с облегчением увидел, что его подруга вновь стояла на корме, сжимая в руке большой пакет со свежими и ароматными ватрушками. Как и накануне, все ватрушки быстро были съедены, но на это раз, китёнок не сразу уплыл спать, а долго плескался вокруг спящего корабля, развлекая девочку своими прыжками и сам веселясь от всей души. Ватрушки укрепили его силы, так что он сам смог наловить себе немного рачков и теперь креп день ото дня. Он приметил, что корабль идёт точно туда, куда ему нужно и просто следовал за ним, прячась в волнах днём и подплывая ближе ночью. Китёнок полюбил своего нового друга и был

очень рад, что теперь он не один в бескрайнем океане. Что же до девочки, то она была просто без ума от очаровательного китёнка и ласково называла его Ватруша.

Само собой разумеется, что довольно скоро, то гигантское количество ватрушек, что девочка каждый вечер брала с собой на палубу, вызвало массу расспросов со стороны её родителей. Им с трудом верилось, что маленькая девочка одна могла съесть по целому большущему пакету ватрушек каждый вечер и при этом не только не поправиться, а даже немного исхудать. Но девочка упрямо держала всё в строжайшем секрете и говорила, что всё ест сама и только крошки отдаёт рыбкам.

Проблема была в том, что китёнок рос, и ему требовалось всё больше и больше ватрушек. Он уже мог худо-бедно прокормить себя, но ему приходилось постоянно помногу плыть и сладкое угощение приходилось ему как нельзя кстати. Видя это, девочка решила самой печь недостающие ватрушки для Ватруши и втайне от родителей, отправилась на камбуз и попросила кока научить её готовить, чтобы она могла угостить своих маму и папу. Кок с радостью согласился обучить вежливую и послушную девочку всем премудростям изготовления ватрушек и в первый же вечер, она ушла с целым противнем горячих и ароматных изделий. Ватруша был очень признателен девочке за двойную порцию лакомства и от радости выпустил такой большой фонтан воды, что случайно, намочил ей с ног до головы. Они отлично провели

время вместе, а потом он уплыл, что бы немного поспать.

С той поры, девочка стала постоянным гостем на камбузе и вскоре, кок стал недоумевать, как можно каждый вечер съедать такое невероятное количество ватрушек. Случайно повстречав на палубе родителей девочки, он вежливо поинтересовался, как им нравится выпечка их дочери, на что они удивлённо открыли рты и не смогли ответить ничего вразумительного.

– Дорогой, – встревоженно сказала мама – ты должен выяснить, что происходит с нашей девочкой и куда деваются эти огромные порции ватрушек. Не может же она просто бросать их в море!

– Хорошо, дорогая, – ответил папа, на ум которому уже пришли некоторые догадки, относительно таинственного исчезновения ватрушек. – Я всё выясню сегодня ночью, даже если мне и придётся прокрасться за ней следом, хотя это, конечно же, не очень красиво.

Сказано-сделано. Притворившись спящим и дождавшись, когда девочка с пакетом ватрушек выйдет из каюты, папа быстро оделся и направился следом. Он спрятался за спасательной лодкой и видел всё от начала до конца и едва успел вернуться в кровать до прихода дочери.

– Ну, что там? – прошептала его жена. – Ты узнал, в чём дело?

– Узнал, – ответил папа, – но я даже не знаю с чего начать...

Они шептались всю ночь, а на утро, пошли к капитану и говорили с ним больше часа. На выходе из его каюты, папа облегчённо вздохнул:

– Ну, вот всё и разрешилось. Теперь ни у нас, ни у нашей дочери больше не будет никаких проблем.

– Слава богу, дорогой, – согласилась мама. – А теперь, пойдём скорее, а то опоздаем на завтрак...

Они отлично позавтракали вместе с дочерью, ни словом не обмолвившись о том, что её тайна раскрыта.

День прошёл как обычно, но под вечер, когда девочка спустилась к коку, чтобы испечь ватрушек, её не пустили на кухню.

– Видите ли, – объяснили ей матросы, – сегодня вечером, у капитана состоится званый ужин, и мы все сбиваемся с ног, чтобы успеть всё приготовить. Простите, но сегодня, у нас просто нет для вас ни места, ни времени.

Опечаленная девочка пробовала умолять моряков и даже заплакала, но они отводили глаза и повторяли что и прежде.

– Простите, у нас просто нет времени...

Со слезами на глазах, девочка поднялась на верхнюю палубу и стала ждать своего друга. В руках у неё было немного сухого печенья – всё, что она успела добыть для своего любимого Ватруши.

Очень скоро, она заметила фонтанчик воды, который всё приближался и приближался, пока китёнок, который успел изрядно подрасти, не поравнялся с судном и не закружился

в приветливом танце.

– Привет, Ватруша, – ласково и в тоже время грустно сказала девочка. – Прости, но сегодня у меня для тебя нет ватрушек. Вот всё, что я смогла найти...

Она бросила китёнку горсть печенья, и Ватруша с благодарностью принял её подарок. Надо сказать, что за время путешествия, и благодаря неуныпным стараниям девочки, он окреп, и отлично научился добывать себе пищу. К тому же, они всё ближе и ближе подбирались к Южным морям, и еды становилось всё больше и больше, а вода теплей и теплей. Яркая звезда теперь сияла почти над самой головой китёнка и однажды ночью, когда он спал, ему даже показалось, что он слышал далёкий радостный крик большого кита. Но девочка не могла знать, что твориться на душе у Ватруши. Для неё, он всё ещё был тот маленький, испуганный и слабый китёнок, которого она увидела в море ночью.

– Бедный мой, – говорила она. – Хороший мой... Потерпи немного... Завтра, я напеку тебе в два раза больше ватрушек, и ты подкрепишься... Если бы не этот противный капитан, со своим дурацким ужином, ты бы и сегодня...

–Кхе-кхе, – раздалось за её спиной.

Девочка обернулась и остолбенела, потому что прямо за её спиной стоял капитан и родители, а за ними несколько матросов во главе с коком.

– Чудесная погода, не правда ли, мадемуазель, – вежливо осведомился капитан, прикладывая руку к козырьку. – Вы не

будете против, если начнём наш «дурацкий званый ужин»?..

Девочка не знала, что и ответить, изумлённо переводя взгляд с одного лица на другое.

– Кажется, она не против, – улыбнулась мама.

– В таком случае, – сказал капитан, – ватрушку на левый борт!

Родители и капитан отодвинулись в сторону, и девочка не поверила своим глазам. Улыбающиеся матросы и сияющий кок держали в своих руках огромную, свежую ватрушку, не менее двух метров в диаметре.

Они подтащили своё угощение к борту и замерли, ожидая команды капитана.

– Ватрушку, отдать! – скомандовал тот, и гигантская ватрушка звучно плюхнулась в море, на радость всем окружающим.

– Ватруше придётся немного подождать, пока она не размокнет и не станет мягкой, – сказал папа, обнимая всё ещё не верящую что это не сон дочь. – Хоть он уже и большой китёнок, но такую порцию даже ему не осилить за один раз!

Меж тем Ватруша, который сначала немного испугался такого непривычного скопления людей, снова подплыл к кораблю и стал понемногу отщипывать небольшие кусочки от своего угощения.

– Ура, ура! – обрадовалась девочка и бросилась обнимать родителей и матросов. – Спасибо вам большое! И вам тоже, – сказала она капитану, потупив глаза. – Я совсем не хотела

вас обидеть...

Всё в порядке, мадемуазель, – улыбнулся старый морской волк. – Знакомство с вами и Ватрушей большая честь для меня. Я изборозил десятки морей, и многое повидал на своём веку, но такое встречаю впервые. Чтобы одна маленькая девочка помогла спастись китёнку – это же просто чудо!

Они долго простояли на палубе тем вечером, глядя как осмелевший Ватруша плескается вокруг корабля и выпускает в небо большие фонтаны воды. Было решено, что теперь они будут каждый вечер выпекать для их китёнка по такой ватрушке и кормить его, пока они не достигнут экватора.

– А что потом, – спросила девочка.

– Потом, – ответил растроганный капитан, – нам придётся расстаться. Ватруша наверняка держит свой путь в Южные моря, где собираются все потерявшиеся киты и я уверен, что он очень скоро обретёт здесь новую семью.

– И мы больше никогда не увидимся, – расстроилась девочка.

– Ну почему же никогда, – улыбнулся капитан. – Когда он вырастет, то отправиться путешествовать по миру, и я не сомневаюсь, что ваши пути обязательно снова пересекутся. Только не забудь держать ватрушку наготове, ладно?

– И что же было дальше, – спросила Варя, которая от волнения за маленького Ватрушу даже забыла обмахиваться веером.

– Всё было так, как и предсказывал умудрённый опытом

капитан, – ответил папа. – В ночь прощания, когда яркая звезда засияла прямо над мачтами корабля, они расстались. Ватруша прокатил девочку на спине (хотя, конечно же, мама была категорически против) и в последний раз съел специально испеченную для него праздничную ватрушку. Когда он уплыл, расплакался даже капитан, но все знали, что так будет лучше для всех. Корабль двинулся дальше, а Ватруша, всего через три дня встретил стаю больших китов, одним из которых оказался его родной дядя. Говорят, что с той поры, некоторым мореплавателям пересекающим экватор, изредка встречался удивительный кит, который подплывал к кораблям, точно прося угощения. Люди пробовали кормить его рыбой, бананами и даже колбасой, но он явно хотел что-то другое, но никто не мог понять, что именно... А ещё, я слышал историю про то, как один и тот же кит, каждый год, в один и тот же день, подплывает к одной скале в далёком северном фьорде, на которой его поджидает пожилая женщина. Со стороны может показаться, что они давно знакомы. Кит приветственно машет хвостом, когда замечает её и выпускает большой фонтан воды, а женщина что-то бросает ему в воду, но издали, трудно разглядеть что именно...

Вот такая история, друзья мои, вот такая история!

Огневой

– Это самый ужасный июль, который я только видела в своей жизни, – возмущалась мама, сидя в теплом свитере у камина. – Того и гляди пойдёт снег!

– Пустяки, – сказал папа. – В этом даже есть своя прелесть. Когда ещё посидишь у камина летом?

– Ужасно, ужасно, – продолжала бормотать мама, пряча нос в воротник. – Я постоянно мёрзну.

Вся семья была в сборе, уютно устроившись напротив камина и мечтательно глядя в огонь. Степашка и вовсе подобрался так близко, что того и гляди мог обжечь свой любопытный нос. Варя поглаживала ему шерстку, и забавный скотч-терьер блаженствовал, наслаждаясь теплом и покоем.

– Пап, – спросил Серёжа, – а почему ты всегда стучишь по камину, перед тем как зажечь огонь? Зачем это нужно?

Папины глаза хитро сверкнули за стёклами очков, и всем стало понятно, что их ждёт очередная история.

– Видишь ли, – начал он, откидываясь на спинку старого кресла и закидывая ногу на ногу. – Всё дело в том, что этим постукиванием предупреждаю огневого, что бы он проснулся и помог мне разжечь дрова.

– Огневого, – удивилась Варя. – А разве такой есть?

– Вне всякого сомнения, – кивнул папа. – Все слышали

про домовых, но мало кто знает про огневого. Всё дело в том, что люди больше не топят печей и не нуждаются в услугах огневых, хотя ещё каких-нибудь сто лет назад их почитали наравне с домовыми и даже больше. Если рассердить домового, то в доме не будет жителя, но если кто-то рассердит огневого, то однажды, он может лишиться самого дома... Впрочем, на огневых наговаривают. Они милейшие существа и чтобы рассердить их по-настоящему нужно очень сильно постараться. Чаще всего, они просто обижаются и прекращают людям помогать разводить огонь. Тогда их печи дымят, и дрова никак не хотят разгораться и в их домах становится холодно и неуютно.

– А что же нужно делать, чтобы с ними подружиться, – спросила Варя, с удвоенным интересом глядя на огонь. – Что они любят?

– О, – махнул рукой папа, – огневые совершенно не привередливы. Всё что им нужно, это уважение. Они терпеть не могут когда печи нечищенные и в них полно золы. От неё у них насморк. Ещё они не любят, когда люди разжигают огонь, не предупредив их. Огневые очень любят поспать пока огонь не горит. Они сладко дремлют на уступах дымохода и даже, иногда, если хорошенько прислушаться к трубе, тихонько храпят. Они очень недовольны, когда люди, не проветрив печку и не постучав по дымоходу, сразу же начинают разжигать огонь. Именно поэтому, огонь обычно долго не разгорается и дым валит наружу. Бедные люди, что не знают

про существование огневых, они вечно мучаются!

– Как дядя Боря, – воскликнула Варя. – У него камин всегда дымит!

– Совершенно верно, – согласился папа. – Дядя Боря всегда очень спешит и сразу зажигает много дров, тогда как всё что ему нужно сделать, это открыть заглушку, дать печи подышать, а затем, легонько постучать по трубе, чтобы разбудить соню-огневого. Поверьте моему опыту, он будет несказанно рад такому вниманию и сделает всё возможное, чтобы ваша печь разгорелась как можно быстрее.

– А что ещё они не любят, – спросила Варя.

– Огневые терпеть не могут, когда печи или камин разжигают керосином или чем-то подобным. Для них это просто пытка. Они не переносят такой запах.

– А чем же лучше всего разжигать камин, – спросил Серёжа. – Газетами?

– Лучше всего, – важно ответил папа, – разжигать огонь лучиной. Наколоть щепок не займёт много времени, зато огонь разгорится быстро и ярко, и всё потому, что огневой обожает лучину и будет стараться изо всех сил.

– Но почему? – удивилась Варя.

– Трудно сказать, – пробормотал папа. – Учёные всё ещё спорят на этот счёт, но я склоняюсь к мнению, что лучина напоминает им те первобытные времена, когда предки огневых, *костровые*, жили рядом с первобытным человеком, под открытым небом. Со временем, некоторые костровые пере-

селились вместе с человеком под крышу и стали жить в домах и стали огневыми. С тех пор костровые и кгневые недолюбливают друг друга.

– А в самоваре есть огневой? – спросила Варя.

– Конечно, – ответил папа. – Только маленький.

– А его можно увидеть?

– Можно, – сказал папа, – только это не значит, что нужно заглядывать в самоварную трубу, а то ничем кроме опалённых волос дело не кончиться.

– А как же тогда быть? – волновалась Варя. – Где проще всего увидеть огневого?

– Лучшее место для этого, – сообщил папа, – это камин. Только нужно соблюдать определённые правила.

– Какие, какие? – оживилась Варя, у которой уже рябило в глазах от пристального рассматривания языков пламени.

– Во-первых, как я уже говорил, нужно подготовить камин и разбудить огневого. Во-вторых, нужно разжечь огонь лучиной или, в крайнем случае, газетой, но не нужно засовывать целую пачку. Два-три листа вполне достаточно. Затем, когда огонь немного разгорится, нужно положить в него сухие берёзовые дрова. Если вы будете использовать сосну или ель вы вряд ли увидите огневого.

– Это почему же, – сонно спросила мама. – Сосновые поленья так чудесно трещат в огне...

– Трещат они действительно чудесно, – начал разъяснять папа, – но в них слишком много смолы и от неё огонь не

будет ровным, он будет то вспыхивать, то угасать и тогда, огневой может не захотеть искупаться в нём.

– Искупаться, – удивилась Варя. – Разве в огне можно искупаться?

– Разумеется можно, – сказал папа. – Только не каждому. Водяной любит купаться в тихих озёрах, что лежат за болотами, домовый обожает нырять в свежестиранные вещи, приготовленные для глажки, а огневой обожает резвиться в языках пламени, точно в морском прибое.

– И ему не больно? – забеспокоилась Варя, вспомнив, как недавно обожгла пальцы о горячую кастрюлю.

– Ничуть, – успокоил её папа. – Напротив, чем жарче огонь, тем больше ему нравится скакать в нём.

– И тогда его можно увидеть?

– Именно. Если всё сделать по правилам и не давать огню угасать, то в скором времени, рано или поздно, вы обязательно увидите, как в языках пламени пляшет маленький весёлый человечек. Сам огневой почти невидим, но когда он разогревается в пламени, то становится красноватым и его можно заметить. Только я сразу хочу предупредить, смотреть нужно немного издалеки, лучше всего с кресла, накрывшись пледом и немного подрёмывая. Огневые очень стеснительные и когда смотришь на них во все глаза, они могут засмущаться и подняться выше по трубе, так что их не станет видно. Самый лучший способ, это сидеть молча, делая вид, что спишь и терпеливо смотреть на огонь из-под опущенных

ресниц. Уверяю вас, что в один из дней вы обязательно увидите огневого лихо отплясывающего на дровах и скачущего с полена на полено.

Варя прикрыла глаза и легла на бок. Потрявоженный Счастливи́чик хмуро пискнул и перебрался на колени к Серёже и снова уснул. Огневые мало беспокоили его. Он просто любил, когда все были в сборе и сладко дремал под неспешный говор людей.

– Но есть ещё один способ увидеть огневого, – продолжил папа, обмениваясь улыбками с мамой.

– Какой, – прошептала Варя, изо всех сил притворяясь спящей.

– После того как все дрова в печи прогорели и она полна жарких углей, огневой, иногда, спускается вниз чтобы вздремнуть прямо на них. Он особенно любит, когда угли уже немного остыли и потускнели – в этот момент они самые мягкие. Так вот, когда он уляжется и уснёт, можно попытаться тихонечко подкрасться к печке и, слегка приоткрыв дверцу, осторожно заглянуть в щелку. (Но смотрите, не обожгите нос!) Если в красном полумраке печи, в дальнем её углу, у самой стенки, вы вдруг увидите, что угли словно переливаются и на них вспыхивают крохотные красные искорки, знайте – там спит огневой. Не тревожьте его! Аккуратно закройте дверцу, а когда угли станут совсем тусклыми, закройте заслонку, чтобы в печи не было сквозняка и огнево-му не было холодно. И ещё, изредка, пару раз в год, печку

обязательно нужно протопить осиновыми поленьями.

– Зачем, – спросил Серёжа.

– Они помогают очистить дымоход от накопившейся в нём сажи, и делает его чистым и уютным, так что огневой всегда очень доволен. Это нечто вроде генеральной уборки, которую мы проводим у себя дома. После этого огонь всегда горит особенно хорошо и жарко, и огневой ныряет в него со всего маху и даже, порой, норовит выскочить из печи. За этим шалуном нужен глаз да глаз! Мне как раз вспомнилась одна история про огневого, которая однажды, давным-давно, произошла далеко на севере, не то в Дании, не то в Норвегии.

Папа поёрзал на кресле, устраиваясь удобнее, и мечтательно закрыл глаза.

– В одном маленьком, но очень чистом и опрятном домике, жила большая и дружная семья, мама, папа и четверо хорошеньких детишек, самому младшему из которых было только два годика, а самой старшей за неделю до Рождества исполнилось 9 лет. Отец трудился ночным наборщиком в типографии, где набирал тексты для утренних газет, а мать работала на фабрике, так что старшая дочь оставалась в доме за хозяйку. Она кормила малышей, следила, чтобы они не слишком шалили, и постоянно топила большую печь, потому что зимы в тех краях длинные и суровые.

Однажды, после обеда, когда все малыши спали, девочка села у печки, чтобы заштопать платье своей сестрёнке и незаметно для себя, задремала, и ей приснился удивитель-

ный сон, про маленького человечка, который живёт в печи и любит подремать на горячих углях. Когда она проснулась, то печь почти погасла и она, испугавшись, что её придётся разжигать заново, быстро открыла дверцу и сунула большое полено внутрь топки. К её несказанному удивлению, едва полено коснулось углей, она услышала, как кто-то тоненько ойкнул и сноп пламени, похожий на маленького красного человечка, вскочил на ноги и проворно юркнул в дымоход. Решив, что она ещё просто не до конца проснулась, девочка закрыла дверцу и продолжила заниматься своими делами и, скорее всего, очень скоро бы позабыла про эту странную встречу, но судьба распорядилась по-иному.

Тем же вечером, когда она выгребала золу из печи, она услышала, как кто-то тихонько чихнул прямо в дымоходе. Она зажгла лучину и посветила внутрь, потому что решила, что это просто какая-то маленькая птичка свалилась в трубу и хочет выбраться наружу. Однако никакой птицы там не было, хотя, на какое-то мгновение, ей показалось, что из темноты на неё взглянули два маленьких испуганных глаза, похожие на искры от костра. Она немедленно побежала и рассказала родителям о том, что с ней произошло, но, увы, они едва выслушали её. Всё дело было в том, что в этот самый день, им обоим сообщили, что их увольняют, и они были очень встревожены, потому что морозы должны были продлиться ещё долго, и им нужно было на что-то покупать дрова.

«Ничего, – говорил отец, обнимая и успокаивая мать, и

стараясь улыбаться своим детям. – Мы обязательно что-нибудь придумаем. Завтра же я отправлюсь на поиски работы и, если мне не повезёт, то послезавтра, я снова проведу весь день в розысках и буду делать это каждый день, с утра до вечера, пока не добьюсь успеха!..»

Девочка мало что поняла из разговора взрослых, но видя свою опечаленную маму, тоже загрустила. Она вернулась к печи, очистила её от золы, постучала по дымоходу и стала разжигать огонь, чтобы мама приготовила всем ужин.

– Спасибо! – услышала он вдруг и чуть не уронила поленья, которые держала в руках.

– Кто здесь, – испуганно прошептала она.

– Это я, Огневой, – ответил кто-то из темноты. – Спасибо, что ты почистила печь и разбудила меня. А теперь, зажигай же скорее огонь, а то мне зябко...

Девочка оглянулась, чтобы убедиться, что никто из её братьев или сестёр не разыгрывают её и поднесла спичку к лучине. Огонь лизнул сухое дерево, и девочке показалось, что кто-то словно раздувает его изнутри. Никогда ещё большая печь не разгоралась так быстро и споро, и вскоре в доме снова стало тепло и уютно. Когда девочка открывала дверцу, чтобы подбросить ещё поленьев, ей казалось, что она видит, как красный человечек танцует на углях и приветливо машет ей рукой. Она тоже махала ему укрдкой и снова закрывала дверцу, потому что Огневой был так рад их знакомству, что норовил выпрыгнуть наружу.

Начиная с этого вечера, девочка и огневой виделись всё чаще и, порой, она подолгу сидела у печи, глядя в щелку на пылающий огонь, забавляясь проделками красного человека, беспечно плещущего меж языков пламени.

Тем временем, дела у её родителей становились всё хуже. Папа так и не мог найти новую работу, а её мама простудилась и заболела, и девочке теперь приходилось ухаживать и за ней тоже. Но она не жаловалась. Она готовила и кормила, убирала и гладила, и к приходу отца в доме всегда было тепло и чисто.

«Ты моя умница, – говорил он, глядя дочь по голове. – Ты очень мне помогаешь. Сегодня я не нашёл работы, но завтра, я снова встану чуть свет и пойду по городу и, я уверен, что-нибудь найду. Всё наладится. Вот увидишь... Всё обязательно наладится...»

Девочка верила папе и старалась как могла, а когда у неё была свободная минутка, она подходила к печке, садилась на маленькую скамеечку и смотрела на огонь. Иногда они даже вполголоса болтали с Огневым и он рассказывал её странные истории, о тех далёких временах, когда его предки ещё жили в лесу.

Однако, как ни старался её отец, никакой работы он найти не мог и в один из дней, их скромные сбережения подошли к концу. Вернувшись поздно вечером, когда все уже спали, он положил у печи, купленные на последние деньги осиновые поленья, и грустно покачал головой.

«Вот и всё, – сказал он. – Завтра утром мы в последний раз затопим нашу печь, потому что если к вечеру я не найду денег, я не смогу купить дров и скоро всё в нашем доме покроется сосульками...»

Папа ещё долго сидел у печи, вполголоса шепча что-то, а затем лёг и уснул, намереваясь встать завтра ещё раньше обычного и во чтобы то ни стало найти заработок.

После того как в доме всё стихло, девочка, которая вовсе не спала, а только притворялась спящей, тихонько соскользнула с кровати и на цыпочках подошла к печке. Приоткрыв дверцу. Она увидела у углу спящего огневого и вздохнула.

– Что такое, – спросил её Огневой. – Почему ты вздыхаешь? Что то случилось?

– У нас совсем кончились деньги, – сказала девочка, – и завтра вечером, нам нечем будет топить печь. Прости, Огневой, мы, наверное, видимся в последний раз...

И девочка горько заплакала.

– Неужели ничего нельзя сделать, – удивился Огневой.

– Можно, – сказала девочка сквозь слёзы, – но для этого папе нужно найти работу до завтрашнего вечера. Он уже много раз обошёл весь город, но нигде нет мест. Никто не может нам помочь, никто!

Тут девочка разрыдалась ещё пуще, но Огневой поспешил успокоить её.

– Послушай, – сказал он, – ты всегда так хорошо относи- лась ко мне, вовремя чистила печь и колола тончащие лу-

чинки, что я помогу тебе.

– Но как, – удивилась девочка. – Как ты можешь мне помочь?

– Просто подкинь в печь пару осиновых поленьев и не о чём не волнуйся. Но только не забудь рано утром, перед тем как твой отец уйдёт, подойти к печке и выслушать то, что я тебе скажу.

Девочка не знала, как Огневой может помочь ей, но всё же решила, что ей стоит довериться её другу. Она выбрала два самых толстых осиновых полена и положила их в топку.

– А теперь, – сказал Огневой, приплясывая на поленьях, – иди и отдохни, да только не проспй!

Девочка легла в кровать и уснула, а Огневой, стал разжигать дрова в печи все сильнее и сильнее, пока они не запылали так ярко и жарко, что печь загудела. Тогда он оттолкнулся изо всех от поленьев и вылетел через дымоход прямо на улицу и понёсся над городом точно комета. Он залетал в каждую трубу, из которой шёл дым и, извинившись за столь позднее вторжение, расспрашивал местного огневого о том, не слышал разговоров своих хозяев о том, что им нужен надёжный и честный работник. Всю ночь Огневой кружил над домами и, наконец, совершенно запыхавшийся, вернулся домой. Отец встал и собирался уходить, но девочка, очень уставшая за предыдущий день, всё ещё спала, и Огневой не знал как её разбудить. Наконец, когда отец уже взялся за ботинки, он подхватил горсть искр и бросил их сквозь щель

прямо на стоявший рядом веник. Сухая солома задымилась и вспыхнула. Отец бросился скорее тушить огонь и впотьмах опрокинул стул. Девочка сразу же проснулась и, увидев, что едва не проспала, бросилась к печи.

– Прости, дорогая, – ласково сказал отец. – Я разбудил тебя. Ложись обратно и поспи ещё немного, ещё очень рано. А я пойду... Я уверен, что сегодня мне улыбнётся удача. Сегодня ночью, я видел за окном красную комету и мне кажется, что это хороший знак.

– Подожди минутку, – сказала девочка. – Давай я подогрею твои ботинки у печки, а то ты сразу замерзнешь. Посиди немного, я мигом.

Отец уселся за стол, а девочка, приоткрыла заслонку и заглянула внутрь печи.

– Огневой, – прошептала она. – Ты здесь? Это я!

– Конечно я здесь, – ответил Огневой сиплым шёпотом.

Он очень замёрз и грелся в самом дальнем и самом тёплом углу печи.

– Мой отец собирается уходить, что мне делать? – спросила девочка

– Скажи своему отцу, чтобы он шёл напрямиком на Морскую улицу, к дому старого антиквара. Вчера вечером он сам передвигал мебель в своём магазине, и теперь у него жутко разболелась спина. Его жена очень сильно ругала его, когда ставила ему на ночь горчичники и сказала, что ему немедленно нужно найти себе честного и трудолюбивого работни-

ка, который будет ему во всём помогать. И не забудь передать, чтобы отец сказал ему, что ему очень нравится новая вывеска на его магазине. Антиквар сам нарисовал её и очень её гордится.

– Большое тебе спасибо, Огневой, – поблагодарила его девочка.

– Не стоит благодарности, – смутился Огневой и немного покраснел. – А теперь, беги скорее, да не забудь – Морская улица, лавка старого антиквара.

Девочка схватила ботинки и побежала к отцу.

– Пап, пап, – сказала она, провожая его до двери. – Я тоже уверена, что у тебя всё сегодня получится. Я видела хороший сон.

– Какой же, моя хорошая, – улыбнулся отец.

– Мне приснилось, что ты найдёшь работу в лавке старого антиквара, что на Морской улице.

– Боюсь что нет, – усмехнулся отец. – Я уже заходил к нему месяц назад, но он сказал, что пока справляется сам. Жаль, эта работа меня бы устроила и Морская улица в двух шагах отсюда. Я мог бы каждый день приходить домой обедать.

– Пап, пап, – настаивала девочка. – Сходи туда ещё раз, пожалуйста. В моём сне, у него жутко разболелась спина, и он очень жалеет, что не взял себе помощника.

– Что ж, – ответил папа, растроганный горячностью дочери. – Я зайду к нему. Мне всё равно по пути.

– И не забудь сказать ему, – продолжала наставлять отца девочка, что тебе очень понравилась вывеска над его лавкой. Он сам нарисовал её три дня назад. Обещаешь?

– Обещаю, обещаю, золотко моё, – засмеялся отец. – Я всё сделаю, как ты сказала. А теперь, марш в кровать, а то простудишься.

Девочка чмокнула папу в щёку и побежала в кровать, а отец, кутаясь в воротник, вышел на морозный воздух.

«А почему бы мне действительно не заглянуть к старику, – подумал он. – Моя дочь говорила так убеждённо... Пойду и проверю. К тому же, я ей обещал...»

Он свернул на соседний переулок, поднялся в горку, повернул направо, затем налево и оказался на Морской улице, прямо у дома антиквара. К его удивлению, в окнах уже горел свет, и он вежливо постучал. Ему открыла жена антиквара, которая послала за доктором и думала, что он уже явился.

– Проходите, господин доктор, – сказала она. – Мой муж всю не сомкнул глаз от боли и теперь очень волнуется, что не сможет открыть свой магазин утром. Помогите ему, пожалуйста.

С этими словами, она провела его в комнату, где стонал несчастный антиквар.

– Доктор, спасите, – жалобно сказал он. – Я не могу подняться, а очень скоро ко мне должны прийти важные покупатели и я должен вынести и показать им множество картин. Сделайте что-нибудь.

«Вот так да! Права была моя дочь...», – подумал про себя отец, но вслух сказал следующее.

– Хоть я и не тот человек, кого вы ждали, но, уверен, я смогу оказаться вам полезен.

– Кто же вы? – удивился антиквар.

– Я живу неподалёку, – ответил отец, – и вот, проходя сегодня мимо вашей лавки, я увидел чудесную новую вывеску и решил заглянуть к вам ещё раз и узнать, не нужен ли здесь честный и трудолюбивый работник?..

Стоит ли говорить, что тем же утром, отец приступил к своим новым обязанностям и справился с ними настолько хорошо, что вскоре стал правой рукой антиквара, который был очень доволен, что у него наконец-то появилось свободное время и может писать картины. Он щедро платил своему помощнику и в маленьком доме теперь не переводились дрова, а маме больше не было нужды работать на фабрике, и она все дни проводила со своими детьми.

А что же Огневой? Он по-прежнему жил у них в печке и, иногда, по вечерам, шептался с девочкой и они тихонько хихикали у полуоткрытой дверце печи...

Папа открыл глаза и осмотрел свою аудиторию. Все, кроме Счастливого неотрывно смотрели на затухающий в камине огонь и молчали.

– Друзья, – сказал он, вставая с кресла и разминая затёкшие ноги, – а не сварить ли нам горячего шоколада, а? В такую погоду это самое лучшее средство от грусти. Кто со

мною?

Я! Я! – обрадовались ребята.

– Я бы тоже не отказалась от чашечки, – потянулась мама. – Кажется, у нас оставался зефир...

– Чудесно, – сказал папа. – Устроим небольшой пир в честь Её Величества Непогоды.

Они вышли на веранду и стали надевать ботинки, толкаясь, и подтрунивая друг над другом, а когда вышли, то увидели, что забыли Степашку. Варя вернулась в дом и заглянула в комнату. Степашка сидел у камина и пристально смотрел на угли, словно кого-то видел там. Затаив дыхание, девочка подкралась к нему и тоже заглянула в камин, но, там никого не было.

– Пойдём, Степашка, – сказала она и вздохнула. – Это просто сказка. Никакого Огневого нет. Просто папа любит придумывать разные истории. Идём скорее.

Степашка послушно встал и пошёл вслед за своей хозяйкой.

«Интересно, – думал он, сбегая по ступенькам крыльца, – зачем это мы идём на кухню? Для ужина ещё слишком рано... И что это за маленький человечек живёт у нас в камине, который вечно прыгает по углям, когда хозяев нет рядом? Странно, странно... Нужно будет всё хорошенько разузнать... Вдруг он хочет украсть мою косточку?»

Редкие виды

Бабочка опустилась на лист клубники в паре метров от Степашкиного носа, и он сразу же встрепенулся и начал подкрадываться к ней, наострив уши и вытянув хвост. Когда до возмутительницы спокойствия оставалось несколько сантиметров, Степашка весь задрожал от возбуждения и бросился на крылатого нарушителя, громко щёлкнув зубами. Бабочка вспорхнула и продолжила свой путь, неспешно кружась над землей, вне досягаемости маленького сторожа. Но Степашка не доверял бабочкам и бежал следом, время от времени подпрыгивая, пока не выпроводил её за пределы своего участка. После этого он звонко тьякнул, разбросал землю задними лапками и вернулся на свой наблюдательный пост в тени жасмина.

«Да, – думал он, кладя голову на лапы и оглядывая свою территорию из-под густых бровей, – сторожевая служба это непросто... Мало ли что может случиться... Всегда нужно быть начеку...»

Но начеку быть было трудно, потому что день был жаркий и даже трясогузки не спускались на газон, чтобы побегать там и поискать насекомых. Та бабочка была единственной нарушительницей и вскоре, Степашке стало очень скучно. Он перевернулся на бок, потом на другой, потом лёг на

спину привалившись ногами к жасмину и, в конце концов, сладко задремал, хотя ему казалось, что всё ещё охраняет дачу от непрошенных гостей. Это чувство было таким сильным, что когда пара стрекоз села на ветку над его головой и зашуршала своими крыльями, он подумал что проснулся и бросился за ними в погоню. Стрекозы были крупными и ярко синими. Они точно дразнили Степашку, кружась прямо вокруг его носа и разлетаясь в стороны, как только он пытался схватить их зубами. Они сделали несколько кругов по участку, а потом, нахально уселись на заборе и принялись смеяться над Степашкой. От возмущения, маленький скотч-терьер залаял и попытался забраться на забор, но у него ничего не вышло. Стрекозы, меж тем, смеялись всё громче и громче и постепенно увеличивались в размерах. Но Степашка был храброй собакой и снова попытался вскочить и уку-сать несносных насекомых, хотя те были уже в несколько раз больше него самого и походили на людей.

– Какой же он смешной, – хохотали они. – Ты только посмотри, как он дрыгает лапками?! И как ворчит! Ну просто зверь!

Окончательно разозлившись от таких слов, Стёпа громко залаял и... проснулся. Мама и папа стояли над ним и улыбались. У папы в руке был полиэтиленовый пакет с хлебом, который шуршал на лёгком ветру.

– Ну, что, сторож, очнулся, наконец? – приветствовал он Стёпу. – На кого же это там охотился во сне? Не иначе это

был тигр или носорог...

Стёпа сконфуженно чихнул и завилял хвостом.

«Подумаешь... – подумал он. – Всего-то минутку поспал... Зато я прогнал стрекоз, которые летали по участку во сне! Ведь если совсем не спать, то во сне начнётся такой беспорядок, что я никогда не смогу навести там порядок, значит, мне нужно иногда дремать, чтобы всё контролировать. Чего тут непонятного?..»

Степашка потянулся и вразвалочку пошёл к своей миске, желая убедиться, что во время его сна туда случайно не свалилось с неба парочка говяжьих сарделек. Но в миске было пусто, за исключением маленького паучка, который при виде Степашки бросился бежать.

«А вдруг сардельки тут были, – разволновался вдруг Степашка. – Что если этот паучок утащил их, а?..»

Стёпа попытался разглядеть паучка в траве. Но того уже и след простыл.

«Паучок, конечно, совсем маленький, – стал успокаивать себя Степашка. – Едва ли он смог бы утащить жирные сардельки, но с другой стороны... С другой стороны, даже маленькие паучки могут ловить больших мух, а значит, если к нему в паутину попадётся большая сарделька, то, вполне вероятно, он тоже сможет её съесть!..»

Стёпа представил, как маленький паучок объедается сарделькой обмотанной паутиной и ему стало не по себе.

«В следующий раз я ему покажу, – решил Степашка. –

Это форменное безобразие, таскать сардельки у сторожевых собак, когда они охраняют порядок во сне. Это подло!..»

Степашка снова принялся искать паучка, как вдруг услышал, что на кухне зазвенели ложки.

«Что такое, – возмутился он. – Кто-то ест без меня? Неужели я проспал так долго и уже время обедать? Нужно срочно всё проверить!..»

Степашка кинулся на кухню, даже не удостоив своим взглядом скворца, который спокойно разгуливали по газону.

«Я разберусь с ним позже, – подумал Стёпа, взлетая по ступенькам кухни. – Скворцы, это не так страшно...»

Время обеда и вправду наступило. Ребята уже сидели за столом, а Счастливчик удобно расположился на кресле. Стёпа лизнул друга в нос и забрался под стол, чтобы быть поближе к Варе, которая всегда передавала ему что-нибудь вкусненькое. В это раз ему достался кусочек сыра и ломтик ветчины, и он с удовольствием съел их, невзирая на возмущенный писк Счастливчика.

Когда посуду вымыли, и настало время папиной истории, Степашка приготовился спать. Ему всегда очень хорошо спалось, под папины сказки, но сегодня, уже закрыв глаза, он вдруг услышал что-то про сосиски и паутину и стал прислушиваться...

– Сосисочный паук – огромная редкость в наше время, – говорил папа. – Даже макаронного монстра можно увидеть чаще, чем его. Сосисочный паук совершенно безобиден и

называется так, потому что его паутина состоит из чудесных, тонких и необычайно вкусных Франкфуртских сосисок. Учёные до сих пор гадают, как у него это получается, но факт остаётся фактом и Сосисочного паука до сих пор можно встретить в некоторых пещерах Тюрингии. У самого паука нет естественных врагов в природе, но вот его паутина, служит лакомством для многих видов зверей и птиц, и бедняжка часто голодает, если, конечно, не считать сосисок, которые у него всегда под рукой. В средние века этих пауков ловили и содержали в неволе, чтобы те давали владельцам сосиски, но, как оказалось, в неволе паук почти не плетёт сосисочной паутины, предпочитая её обычную. Разгневанные и раздосадованные владельцы часто убивали пауков за этот «обман» и скоро этот вид практически исчез. Одно время даже считалось, что они полностью вымерли, но некий Ламберт Кох, известный повар и естествоиспытатель, нашёл следы Сосисочного паука в пещерах Тюрингии и западной Богемии. Следы были настолько вкусны, что Кох несколько лет с удовольствием их исследовал, используя в качестве научного оборудования пивную бочку и кружку внушительных размеров... Как бы то ни было, но именно он явил миру убедительные доказательства существования Сосисочного паука и даже получил учёную степень за это открытие. Доктор Кох, как его теперь называли, пытался приручить Сосисочного паука с тем, чтобы тот ткал свою деликатесную паутину не только в темноте пещер, но и в его подвале. В этой тяжё-

лой и кропотливой работе ему помогли трое его друзей – Фридрих – владелец местной пивной, Ганс – мясник с городского рынка и некий Лукаш Петенчик – чешский профессор, большой любитель колбас и науки. Каждый вечер, четверо учёных спускались в подвал и порой, засиживались там до утра, выходя оттуда шатаясь от усталости, но все их усилия были тщетны. Сосисочные пауки отказывались делать сосисочную паутину под наблюдением и, после долгих лет работы, учёные вынуждены были признать своё поражение и отпустить пауков на свободу. К счастью, в процессе научных экспериментов, Ганс научился делать точно такие же сосиски и четверо друзей продолжили свои исследования уже без использования самих Сосисочных пауков, так как жена Коха боялась насекомых и не раз обещала уничтожить его лабораторию мокрой тряпкой... Словом, благодаря неутомимым стараниям этих людей, люди знают, что Сосисочные пауки существуют, а если вам вдруг и не посчастливилось их увидеть, не отчаивайтесь – вы всегда можете попробовать чудесные сосиски, что подаются теперь по всей Германии и Чехии, в специальных «научных» заведениях, что прячутся в небольших подвальчиках старинных каменных домов. Знаете, я сам одно посещал подобные университеты и скажу вам, что эти сосиски просто бесподобны, вот только от жарких научных споров, по утрам, у меня немного болела голова...

Кстати, раз уж речь зашла об экзотических животных, то следует также вспомнить Камбоджийских Мармеладных

Термитов, которые поедают сладкие плоды Каинито, больше известного как Звёздное Яблоко и их жилища полны изумительного мармелада нежно-сиреневого цвета. Правда, достать этот мармелад не легче, чем отнять мёд у диких пчёл, но его вкус...

Папа мечтательно причмокнул губами.

– Словом, дело того стоит. Мне как то прислали банку такого мармелада, и я наслаждался им почти год, съедая по чуть-чуть каждое воскресенье и запивая его кофе с кардамоном.

Папа снова причмокнул губами и вздохнул.

– Также, друзья мои, нам нельзя обойти стороной аргентинских пчёл-шоколадниц, уругвайских вафельных ос и кориандровых медопрядов, что живут во Французской Полинезии. Однако, самым удивительным существом всё же, на мой взгляд, является Сырный Богомол, которого часто называют Молочный Дьявол. Это крупное насекомое, обитающее в Восточной Африки и известное тем, что под покровом тьмы, оно доит скот и превращает ворованное молоко в удивительный, угольно-чёрный, ароматнейший сыр, равному которому нет во всём мире. Это просто поразительно! Рост сырных Богомолов достигает 45 сантиметров и у каждого из них имеется специальный эластичный мешочек на брюшке, который они наполняют молоком, набирая иногда по целому литру. Вопреки всем домыслам, они не причиняют скоту ни малейшего вреда, действуя очень тактично

и осторожно. Но самое удивительное происходит после. Богомол возвращается к себе домой (как правило, это пустующая нора Болотной крысы) и выливает молоко в специальный сосуд, который он сооружает прежде, сворачивая и склеивая своей слюной большие листья. В зависимости от размера богомола, такой сосуд может вмещать в себя до 25 литров и по форме напоминает амфору. Дальше, для того, чтобы молоко не скисло в жарком африканском климате, богомол заквашивает его специальным ферментом, добываемым им из корней местного кустарника, которые он тщательно пережёвывает. Этот фермент имеет стойкий чёрный цвет, поэтому и сыр получается чёрный точно сажа. На следующую ночь, богомол повторяет свою операцию и доливают молоко в свою сыроварню и снова добавляет туда немного чёрных корней. Так продолжается, пока сосуд не наполняется полностью. Тогда, богомол плотно запечатывает его, чтобы сыр не испортили муравьи, и откладывает рядом яйца. Потом он закрывает вход в нору и тщательно маскирует его. К тому моменту, когда маленькие Сырные Богомолы появляются на свет, превосходный сыр уже готов и им нет нужды выбираться наружу в поисках пищи и подвергать себя опасности. Они спокойно питаются в своём «погребке», растут и набираются сил, чтобы однажды ночью, став достаточно сильными и крупными, прорыть путь наверх и не разбрестись кто куда. Понятное дело, что людям не очень-то нравятся проделки богомолов. По местным поверьям, Сырные богомолы разно-

сят болезни и даже общаются с нечистой силой! Что ж, я согласен, что неожиданно встретить полуметрового раздутого от молока Сырного Богомола неспешно бредущего через дуг тёмной ночью довольно жутко. Отсюда, кстати и второе название этого безобидного существа – Молочный Дьявол, но, всё же, положив руку на сердце, эти насекомые столь редки, что кража нескольких литров молока у большого стада не может оправдать того жестокого преследования, которому они подвергаются со стороны человека. Помимо того, что люди ставят на них капканы и спускают собак, они ещё и отыскивают их норы и забирают сыр, считающийся редким деликатесом, который принято дарить на свадьбу или при рождении ребёнка. В некоторых регионах Китае этот сыр и вовсе пользуется такой популярностью, что его продают на вес золота и некоторые корпорации специально отправляют экспедиции на поиски Сырных Богомолов, разоряя их гнёзда и лишая маленьких богомольчиков пищи. Ужасное варварство, скажу я вам, просто ужасное...

– А нельзя ли сделать этот сыр без помощи богомолов, – поинтересовалась мама. – Взять молоко, листья, корни с чёрным ферментом и смешать всё это?

Папа тонко улыбнулся и развёл руками.

– Ты не первая, кому пришла в голову эта мысль, – ответил он. – Люди занимаются Сырными Богомолами гораздо дольше, чем Сосисочными пауками, но, увы, не могут ничего поделать. Чёрный сыр – загадка для современной науки.

В 80-х годах прошлого века в ЮАР даже создавались целые фермы, по типу крокодиловых, на которых пытались разводить Сырных Богомолов и планировали изготавливать чёрный сыр целыми тоннами, но, каждый раз что-то не ладилось. Богомолы сбегали, болели, погибали. Сыр был то слишком густым, то слишком кислым, а то и вовсе превращался в подобие чёрного кефира с отвратительным запахом. В конечном итоге эту идею забросили и фермы забросили. Поэтому, друзья мои, Сырный Богомол всё ещё в большой опасности и его спасение может зависеть от каждого. Нельзя поощрять браконьеров и покупать у них продукты, ради которых они уничтожают редкие виды флоры и фауны. Такова моя позиция.

Папа воинственно протёр свои очки и гневно огляделся, словно выискивая, не притаился ли где-нибудь на кухне сырный браконьер.

– Правда, – заметил папа, – надежда всё-таки есть. Один выдающийся японский учёный, Такаси Макаси по прозвищу Синтезатор, делает поразительные вещи. Не так давно, к примеру, он синтезировал вкус радуги и запах пустынных миражей. Вполне возможно, что ему удастся синтезировать и этот чудесный чёрный сыр, но сейчас он очень занят, пытается воссоздать Марсианские грибы... Кстати, я недавно прочёл в одном журнале...

Но Степашка уже не слушал папу. Он снова спал, положив

голову на Варину ногу, и ему снилась душераздирающая картина. Огромные Сосисочные Пауки за одну ночь захватили весь участок и опутали его своей сосисочной паутиной. Варя, Серёжа, мама и папа беспомощно трепыхались среди тысяч ароматных Франкфуртских сосисок и отчаянно звали на помощь. Даже его лучший друг, Счастливчик, был пленён коварными сосисками и беспомощно висел под потолком кухни. Степашка не терял ни секунды. Он сразу же кинулся в гущу сосисок и стал рвать их зубами и разбрасывать лапками. Сосисок было много и они росли словно грибы, но Степашка не ведал страха и яростно сражался с врагом, пробираясь всё ближе и ближе к своим пленённым хозяевам. Когда он был совсем близко, и ему оставалось разорвать всего около сотни сосисок, Сосисочный Паук подкрался к нему сзади и набросил на него сосисочную петлю, намереваясь обмотать Степашку сосисками и обездвигить его. Но Степашка был необычайно проворен. Одним взмахом своих острых зубов он разорвал сосисочный силок и атаковал своего врага, обратил его в бегство. Затем, быстро подкрепив силы дюжиной отборных сосисок, он вновь бросился на выручку своим друзьям и вот он уже рядом и начинает перегрызать сосиски, которые удерживающие Варю... Степашка вынужден торопиться, потому что Сосисочные пауки вновь окружают его, и он снова и снова дёргает сосиски, но они, отчего то, никак не рвутся. Тогда он начинает глотать их одну за другой, но они застревают у него в горле и Стёпа начинает кашлять...

– Господи, да уймите же его, – услышал он мамин голос. – Что с ним такое сегодня твориться?

Стёпа открыл глаза, сел и выплюнул Варины шнурки от ботинок, которые он яростно грыз во сне.

«Ну вот, – подумал он, хмуро оглядывая смеющихся хозяев, – смеётесь, а я вас спасал... Э-хе-хех, и когда я ещё увижу столько сосисок за раз... Ладно, пойду, проверю участок. Может, кто-нибудь же напал на нас?..»

Степашка отряхнулся и поспешил наружу. Участок был залит ярким солнцем, и Стёпа так крепко зажмурился, что едва не скатился со ступенек, вызвав новый взрыв смеха.

«Вечно им всё смешно... – немного обиделся Степашка. – Наверное, это потому, что они просто не знают, что рядом с ними живёт герой... Ничего, когда-нибудь я их всех спасу и тогда они поймут, что я серьёзный пёс... Эх, поскорей бы уже эти Сосисочные Пауки напали на нас. Просто не терпится показать им, что к чему...»

С этими мыслями, Степашка обежал вокруг дома, осмотрел веранду и, не найдя никого по-настоящему опасного, не долго думая бросился вслед за двумя жёлтым бабочкам, которые беспечно кружились над его изумрудным газоном.

Сахарные пигмеи

Вечер был тёплым и тихим. Солнце только что скрылось за лесом, и небо было розовым, точно язык у котёнка. Степашка в последний раз обежал свой участок, заглянул за баню, проверил, закрыта ли калитка, после чего устроился под кухонным столом, терпеливо дожидаясь, когда папа принесёт пышущий жаром самовар и вся семья приступит к ужину.

«Может, мне опять достанется кусочек пирога, – размышлял он, жмуря глаза. – Жаль, конечно, что сегодня пирог не с сыром, а с вареньем, но я и его скушаю, потому что пирог это такая вещь, от которой никогда не стоит отказываться...»

Степашка пододвинулся к ноге Вари и ткнулся в неё влажным носом, напоминая девочке о своём присутствии. Спустя несколько секунд, под стол опустилась рука с зажатым в ней маленьким кусочком пряника. Стёпа проворно схватил лакомство и благодарно лизнул ладонь.

«И почему мне не разрешают сидеть за столом? – думал он, в ожидании очередной подачи. – Может быть, они считают, что мне удобнее и приятнее есть на полу?.. Пусть так, но я согласен немного помучиться... Мне даже не нужно ставить чашку и наливать чай... Просто дайте мне тарелку с пирогом и постоянно подкладывать новые куски, и всё... Можно даже повязать мне на шею салфетку, если очень хочется,

я не против...»

Стёпа представил себе, как он чинно восседает на стуле рядом с самоваром и лакомится различными пирогами. От таких видений у него заурчало в животе, и он нервно зевнул.

«Всё-таки это несправедливо, сидеть под столом, когда все наверху, – решил он. – Я тоже весь день работаю, когда не сплю... Вот сегодня, к примеру, я прогнал двух стрекоз с куста ромашек и большую бабочку с клубники... А ещё, я громко лаял на соседа, который красил свой забор, а потом вырыл яму за смородиной и обгрыз ножку у скамейки... В общем, я неплохо потрудился, а всё равно сижу тут... Нечестно...»

Печальные мысли Степашки прервал папин голос:

– Поберегись, поберегись! Самовар!

– Чудесно, – отозвалась мама. – Пирог как раз готов.

На кухне разом запахло дымом, мятой и горячей выпечкой.

– Ой, как вкусно пахнет, – воскликнула Варя.

– Это новый рецепт, – похвасталась мама. – Надеюсь, вам понравится.

– Не припомню такого случая, чтобы нам не понравился твой пирог, – произнёс папа, ставя самовар на стол. – А где Степашка?

– На боевом посту, – ответил Серёжа, указывая вниз.

– Пора ему там сделать отдельную мини-столовую, – улыбнулся папа. – Маленький стул, маленький стол...

– Нет уж, спасибо, – вмешалась мама. – Мне вполне хватает трёх порсят за столом, чтобы убирать ещё и за четвёртым. И прошу вас, хватит бросать ему под стол куски пирога! Это безобразие!

– Извини, ничего не можем с собой поделаться, – развёл руками папа. – Традиция...

– Ах вот оно что, традиция... – сказала мама, упершись руками в бока. – А традиции мыть пол, после каждого ужина у вас случайно нет?

– Чего нет, того нет, – удручённо покачал головой папа, – но зато у нас есть традиция слушать за вечерним пирогом новую историю и сегодня я припас для вас кое-что вкусненькое...

Папа попробовал кусочек пирога и мечтательно закатил глаза.

– Неземное блаженство! Как тебе это удаётся?

– Ты любишь повторять, что я колдунья, – усмехнулась мама. – Вот тебе и ответ...

– Да, с этим не поспоришь, – усиленно закивал папа. – В приготовлении сладостей колдуньям нет равных. Не считая конечно сахарных пигмеев, чьи кулинарные традиции оттачивались без малого 400 столетий, с той самой поры, как великое наводнение забросило их плот на остров Мангу...

Папа сделал глоток душистого травяного чая и зажмурился, точно кот:

– Таких сладостей, друзья мои, не сыскать во всём белом

свете. Один только летающий слоёный мармелад с шоколадными крылышками стоит того, чтобы посетить этот райский остров, не говоря уже о знаменитых Мангусских многоярусных тортах, фаршированных сотнями пирожных, каждое из которых, о свою очередь, начинено конфетами с тысячью различных начинок.

– А как добраться до этого острова? – живо поинтересовалась Варя.

– Если отправляться из Одессы, – начал папа, вычерчивая маршрут на скатерти кончиком указательного пальца, – то для начала потребуется пересечь Чёрное море, затем Средиземное, потом Красное, далее преодолеть Индийский океан, хорошенько углубиться в Тихий, а уже оттуда, взять курс на Сладкое Южное море, где, собственно, и находится Сахарный архипелаг. Там, среди десятков больших и малых островов вы должны отыскать тот, на котором возвышается небольшой вулкан, изредка выбрасывающий в небо хлопья дыма – это и есть Мангу. Обогните его с востока, и перед вами откроется чудесная бухта с белоснежными пляжами, где вас встретят улыбчивые сахарные пигмеи, и немедленно начнут угощать всякими сладостями. Путь, конечно, не близкий, но поверьте, дело того стоит. По слухам, сам король пирожных, великий Жан Густав Дюпри, по прозвищу Трюфель, чьи сладкие шедевры подавались в лучших кондитерских всего мира, и равно восхищали как малых детей, так и престарелых императоров, воскликнул, попробовав одна-

жды Мангусский кремовый рогалик «*Je suis pitoyable!*» что означало «Я жалок!», и едва не ушёл в монастырь. К счастью друзья отговорили его от этого шага и он, восстановив по памяти вкус того самого рогалика, создал восхитительное и всеми любимое пирожное эклер. Однако я немного отвлёкся...

Итак, сахарные пигмеи, которые не всегда были сахарными, а предпочитали заниматься охотой и рыболовством, попали на остров в результате потопа. Дело было так. Поселение пигмеев находилось на высоком берегу одной очень большой реки, чьи воды, после долгого бега среди лесов и полей, попадали в воды Индийского океана. В сезон дождей, уровень реки всегда сильно поднимался, но никогда не доходил до подножия деревни, поэтому пигмеи спокойно относились к таким разливам. Но в тот год, дождь шёл 78 дней подряд, и утром 79 дня, огромный кусок берега, на котором стояла около трёх десятков хижин, неожиданно пришёл в движение. Прежде чем перепуганные жители смогли выскочить из своих домов, они уже были на середине огромной реки и закружились в её объятьях. Никто не отважился броситься в бушующую воду, чтобы попытаться достичь берега и через два дня, островок с хижинами вынесло в солёные воды океана и подхватило течением, которое унесло несчастных прочь от земли. Однако, несмотря на трагическое стечение обстоятельств и угрозу для жизни всего племени, пигмеи не пали духом. Они спешно принялись ломать свои хижины и стро-

ить плот, так что к тому моменту, когда волны полностью размыли всю землю под ногами пигмеев, гигантское спасательное средство было готово. Много недель пигмеи бороздили пустынные воды океана, питаясь пойманной рыбой и собранной во время не раз настигавших их дождей водой. Трижды большой шторм обходил их мимо, трижды они были атакованы китами и вынуждены были пустить в ход свои копья, и трижды же им казалось, что они видят на горизонте землю, но то были обычные морские миражи.

На исходе шестого месяца дрейфа, отчаявшиеся и измученные пигмеи были разбужены криками чаек, и поняли, что земля неподалёку. Они смастерили некое подобие вёсел и поплыли вслед за улетевшей стаей и спустя три дня увидели в утренней дымке очертания Сахарного архипелага. Боясь вновь обмануться, они продолжили грести что есть сил, и только к полудню, когда всем без исключения стало окончательно ясно, что это не очередной обман зрения, а настоящая земля, они испустили дружный крик ликования и бросились обнимать друг друга.

Едва ступив на берег, пигмеи были щедро вознаграждены за все свои мучения, ибо на острове в изобилии росли тропические фрукты, водились небольшие дикие свиньи, и было вдоволь чистой воды. Поселенцы быстро освоились на острове, который назвали в честь своего верховного бога и стали жить—поживать, и так преуспели, что день, когда они вынужденно покинули свою далёкую родину стали у них празд-

ничным.

Но удача не длилась вечно. Привыкшие охотиться и кушать сколько душа пожелает, пигмеи в течение нескольких лет полностью уничтожили на своём и соседних островах всех диких свиней, а затем и куропаток. Также, вскоре была выловлена вся рыба в небольшом озере, после чего, пигмеи начали голодать, так как не привыкли питаться фруктами и овощами. Вдобавок ко всему, на острове проснулся вулкан и из него повалил густой чёрный дым. Пигмеи собрали совет племени и принялись думать, что им делать дальше. Часть из них предлагали вновь соорудить плот и отправиться на поиски новых земель, другие же, твёрдо решила остаться и найти себе другой способ пропитания. Споры длились двое суток, после чего несколько семей покинули остров в поисках лучшей доли, а оставшиеся принялись за дегустацию островных овощей и фруктов, и неожиданно пришли к выводу, что они в жизни не пробовали ничего вкусней. Спустя какое-то время, пигмеи так же обнаружили, что густой тростник, окружавший их пресное озеро, необычайно сладкий и приятный на вкус, и его также можно использовать в пищу. Памятуя о том, как быстро они истребили всю дичь на острове, в этот раз пигмеи действовали с умом и вместо того, чтобы сразу же вырубить и съесть весь тростник, начали его разводить, устроив большие плантации. Первый же урожай был необычайно щедрым, а благодаря дополнительному теплу, шедшему от вулкана, собирать его можно было 6 раз в год. Посте-

пенно, туземцы нашли и другие вкусные растения и, так как времени у них было вдоволь, стали экспериментировать с ними, пытаясь приготовить как можно более сладкий и вкусный продукт. Со временем, их кулинарные способности стали настолько высокими, что они научились печь булки, кексы, пироги и готовить настоящие многоярусные торты, украшенные взбитыми сливками из кокосового молока и свежими фруктами. Вместо печей они использовали большие и малые норы различной глубины, пробитые в каменных склонах вулкана. Если им требовалась не очень высокая температура, чтобы испечь, к примеру, немного печенья к ужину, то тесто закладывалось в короткую нору, тогда как для серьёзных блюд, использовались глубокие норы, где температура, от близости к лаве, была очень высокой. Это изобретение позволяла пигмеям не только беречь лес и не рубить пальмы на дрова, но и высвобождало дополнительное свободное время, которое островитяне проводили в кулинарных экспериментах, придумывая всё более и более изощрённые рецепты десертов. Немудрено, что год за годом, кондитерское искусство пигмеев неустанно росло и за четыре тысячи лет достигло небывалого уровня, когда даже семилетний ребёнок был способен запросто приготовить десерт, способный поразить до глубины души любого модного шеф-повара. Отныне, пигмеи стали именовать себя сахарными пигмеями, и каждое воскресенье устраивали соревнования, на котором любой житель от мала до велика, мог продемонстрировать по-

чтенному жюри своё мастерство. Условие было только одно – блюдо должно было быть сладким и достаточно большим, так как все члены жюри очень любили покушать. Впрочем, участников всегда было так много, что сладостей хватало на всех без исключения. Победитель получал право быть председателем жюри на следующем конкурсе (что гарантировало ему все самые лакомые кусочки), а также шоколадный кокос – особый сладкий деликатес с кремовой начинкой, на приготовление которого уходило 5 дней непрерывного кропотливого труда у котла и печи. Праздник неизменно заканчивался грандиозным чаепитием и ночным карнавалом с факелами, где каждый пигмей надевал маску своего любимого десерта и в течение нескольких часов непрерывно танцевал. Именно эта традиция, кстати, объясняла то, что, несмотря на невероятное количество сладкого употребляемого на острове, пигмеи не были толстыми, а их привычка тщательно чистить зубы после каждого приёма пищи, позволяла им иметь белоснежную улыбку.

Весть о чудесном острове мало-помалу разнеслась по Сладкому Южному морю и к нему всё чаще начали приставать заморские пироги, чтобы обменять свои ценные товары на изысканные сладости. Некоторые из них проделали длинный и опасный путь через бушующий океан, чтобы хоть раз в жизни насладиться настоящими Мангусскими сладостями, и привести своим детям необычный гостинец.

Но не все приплывали на остров с честными намерения-

ми. Однажды, к южной оконечности Мангуа пристало сразу 55 пирог и вооруженный копьями и дубинками дикари с Каменного острова, промышлявшие кражами и разбоем, объявили сахарным пигмеям, сказали пигмеям, что отныне все они пленники.

– Теперь вы будете готовить то, что мы прикажем и продавать ваши сладости за ту цену, что мы назначим, а иначе, никому из вас несдобровать, – сказал вождь дикарей по имени Птаха-Птаха. – И вот мой первый приказ – мы желаем съесть огромный ореховый пудинг с шоколадным муссом и джемом. Приступайте немедленно!

– Что вы, что вы, – учтиво ответил мудрый вождь сахарных пигмеев Хани, прежде чем кто-то из его товарищей попытался возмутиться. – Мы сделаем всё, как вы пожелаете. Я лично прослежу, чтобы пудинг был безукоризненным. Кстати, не желаете ли, что бы я добавил туда немного цукатов на тростниковом меду?..

– Хм-м-м... – задумался Птаха-Птаха. – Цукаты я люблю... Добавляй.

– Чудесно, – кивнул вождь пигмеев. – Могу так же порекомендовать к пудингу наши новые кремовые рогалики с заварным кремом и нежнейшие сладкие блинчики с фруктовой начинкой.

– Давайте, – сказал жадный дикарь.

– Могу также порекомендовать наш знаменитый ярусный торт с тысячью вкусов и ....

– Несите всё, что у вас есть, – прервал его грубиян Птаха-Птаха. – И пошевеливайтесь, мы голодны как рифовые акулы...

Вождь сахарных пигмеев низко поклонился и направился на огромную кухню под открытым небом, жестами позвав за собой остальных. Несколько дикарей с дубинками последовало за ними, чтобы пигмеи не вздумали бежать, но те дружно принялись месить тесто и варить крем. Пока дикари слонялись по кухне без дела, Хани незаметно шепнул несколько слов своим соплеменникам, и на их лицах появилась улыбка. Они приободрились и запели весёлую песню, которая помогала работе. Они трудились не покладая рук, и к вечеру приготовили такое количество сладкого, что его хватило бы на три сотни гостей. Дикари набросились на еду точно звери, отламывая куски пудинга обеими руками и вгрызаясь в торты с головой. Они ели, ели и ели и никак не могли остановиться, потому что в каждую сладость Хани добавил по три капли сока, добытого из косточки плода очень редкого дерева ньергуаге. В ничтожном небольшом количестве, этот сок использовался пигмеями для поднятия аппетита, но все знали, что если выпить больше чуть больше, то аппетит будет таким сильным, что, сколько бы человек не съел, он не может остановиться и просит ещё. Островитяне обычно разбавляли одну каплю сока десятью вёдрами воды, после чего выпивали по четверти чайной ложки. Правда, Птаха-Птаха, боясь быть отравленным, приказал Хани первым попробо-

вать все блюда, что вождь и сделал, но затем, чувствуя, что в нём просыпается жуткий аппетит, он приказал своим друзьям отвести его подальше в лес и привязать к дереву.

К трём часам утра, дикари наелись так, что походили на бочонки, но пигмеи подносили им всё новые и новые изысканные лакомства и те, не в силах совладать с собой, продолжали есть, пока в буквальном смысле этого слова не лопнули от жадности, и первым был Птаха-Птаха. Только четверым из дикарей удалось взять себя в руки, и они со стопами доползли до своих лодок и уплыли, но шторм не дал им шанса сбежать, и рифовые акулы получили свою часть праздничного угощения... Вождь пигмеев оставался привязанным к дереву ещё 10 дней, так как сок ниергуаге всё ещё продолжал действовать. Хани кричал, что ужасно голоден и умолял отвязать его, но все знали, что делать этого нельзя и потому давали ему только свежие фрукты и поили травяными настоями.

После того случая, никто больше не пытался сделать сахарных пигмеев своими рабами и заставлять их делать сладости в своё удовольствие. Да в этом и не было нужды. Островитяне с радостью угощали всех, кто прибывал к ним на остров, ведь только так они могли по-настоящему продемонстрировать способности. Удивление и восторг, читавшиеся на лицах тех, кто впервые пробовал их стряпню, наполнял сердца сахарных пигмеев гордостью. Они были готовы часами рассказывать о своих сладких произведениях искусства и

охотно делились секретами своего мастерства с каждым, кто пожелал их узнать. Так же островитяне обожали устраивать соревнование с теми их путешественников, кто до этого дня мнил себя кондитером. Их всех ждала судьба несчастного Дюпри, так как победить сахарных пигмеев казалось практически невозможно. Их десерты таяли во рту, их тесто, казалось, могло порхать точно птица, их суфле было нежнее самого лёгкого облака, что парило в летний полдень над океаном, а шоколад, боже, такого шоколада нельзя было найти даже на всемирно известной фабрике Вилли Вонка. Лишь однажды, одному именитому путешественнику удалось заставить пигмеев онеметь от восторга, когда они попробовали входивший тогда в моду европейский десерт, о котором на острове никто никогда не слышал. Речь шла о сливочном мороженом. Примечательно, что когда первый пигмей со снисходительной улыбкой попробовали ложечку незнакомого лакомства, от восторга он упал в обморок, и его пришлось макать в море, чтобы привести в чувство. Путешественника долго носили на руках и даже хотели сделать его королём острова, но он вежливо отказался, так как не желал пользоваться слабостью пигмеев к сладкому. Мороженое настолько поразило островитян, что они немедленно возжелали узнать его рецепт и тут же приготовить себе огромную порцию, но, увы, тут их ждало жестокое разочарование. Как вы уже наверное догадались, дело было в том, что на острове всегда стояла тропическая жара и заморозить что либо, не было ни-

какой возможности. Правда у путешественника была идея, попытаться притащить к берегам Сахарного архипелага парочку льдин с Южного полюса, но расчёты показали, что они растают прежде, чем доберутся до Мангу. Огорчение пигмеев, открывших и тут же навсегда для себя потерявших новую чудесную сладость, было столь глубоким, что они впервые за 4 тысячи лет пропустили еженедельный воскресный праздник и не испекли шоколадный кокос.

Путешественник покинул их в смешанных чувствах. С одной стороны, он был рад, что подарил им новый вкус, но с другой, злился на себя, ибо раздражив аппетит гостеприимных островитян, он не дал им возможности его утолить.

Но он плохо знал сахарных туземцев. Придя в себя, они стали проводить дни и ночи напролёт, чтобы решить проблеме мороженого и ровно через 38 лет, 4 месяца, 16 часов и 22 минуты создали горячее мороженое. Его поразительной особенностью было то, что каждый, кто его пробовал, готов был поклясться, что только что положил в рот горсть сладкого снега с ароматом ванили и горной мяты. Это чувство была настолько сильным, что несколько пигмеев даже ухитрились получить ангину, и вынуждены были ходить среди цветущих пальм в неловко связанных из лиан шарфах, что вскоре превратилось в повальную моду. Также, признаком хорошего тона при встрече стало лёгкое покашливание, подчёркивающее высокое социальное положение «больного», так как далеко не каждый островитянин мог позволить себе каж-

дый день лакомиться горячим мороженым. Если же изображать кашель по каким либо причинам было трудно, положение спасал огромный шарф. Порой закрывающий голову до самой макушки, делаая её похожей на огромное разноцветное осиное гнездо. За неимением на острове шерсти, шарфы плели всего что попадалось под руку. В дело шли лианы, большие листья, кора деревьев, водоросли и даже вымоченные в воде перья чаек. Особым шиком считалось украсить такой шарф морскими ракушками и мокрым песком. По счастью, такая мода продержалась недолго – всего лет триста, после чего, ввиду крайнего неудобства подобного предмета роскоши, сошла на нет и только изредка, в особенности на свадьбу, молодожёны набрасывали на свои шеи лёгкие шарфики, сотканые из белых и красных цветов, символизирующие домашний уют и богатство.

Одним словом, друзья мои, – закончил папа, – путешествие на Мангу стоит всех потраченных усилий. Сахарные папуасы всегда рады гостям и у них не переводится сладкое. Правда, с недавних пор на острове действуют строгие правила, не позволяющие детям находиться там одним, без родителей, но, уверяю вас, это никому ещё не мешало объедаться им различными вкусностями, запивая их стаканчиком горячего ванильного мороженого, которое отлично утоляет жажду в жаркий тропический полдень.

Папа сделал глоток чая, подхватил с подноса кусок пирога и откусил от него огромный кусок.

– Не хочешь ли ты сказать, – подозрительно спросила мама, – что эти ваши сахарные пигмеи делают пироги вкуснее моих, а?..

Папа категорически замахал руками и промычал нечто нечленораздельное, означавшее твёрдое нет.

– Ну, хорошо, – улыбнулась мама, – а то я уж было подумала, не пора ли мне брать билет до Сладкого Моря, чтобы поучиться у островитян как делать сладкую выпечку...

– В этом нет никакой нужды, – твёрдо заявил папа, откусывая новую порцию. – Пока на нашем столе стоят мамины пироги, любой может почувствовать себя счастливым обитателем Мангу. Верно, я говорю?

Мистер Флопп

– Кто-нибудь видел мои очки? – вопрошал папа, бегая по кухне. – Мне они очень нужны, понимаете? О-чень. Очень. Я не могу без них! Признайтесь, вы их нарочно спрятали, да?

Все отрицательно замотали головами, и даже Счастливчик, казалось, мотнул свой хитрой мордочкой туда-сюда.

– Тогда где же они? – кричал папа, опускаясь на стул. – Я уже целый час пытаюсь их найти. Я перерыл весь дом, весь сарай, всю веранду, но их нигде нет.

– Ты смотрел в бочке для дождевой воды, – спросила мама. – В прошлый раз они были именно там...

– Смотрел, – буркнул папа, которому было неприятно вспоминать тот случай. – Я даже обыскал весь свой розарий и кусты жасмина, что я обрезал утром – их нигде нет, понимаете, НИГДЕ! Это ужасно... Мне нужно писать книгу, а я не могу. Это трагедия! Тра-ге-ди-я!

– Почему бы тебе не взять твои запасные очки, – предложила мама. – У тебя же есть ещё одна папа, специально для таких случаев.

– Именно её-то я и ищу, – досадливо морщась, сказал папа. – Первую пару я потерял ещё вчера... Это просто дурдом какой-то. Кто-то постоянно похищает мои очки и прячет их в самых невероятных местах! Это... это...

Папа умолк и с изумлением уставился на свои очки, которые он только что извлёк из кармана куртки.

– А вот и похититель, – сказала мама, стараясь не засмеяться. – Что говорить – пойман с поличным... Варя, Серёжа, садитесь за стол. Пора обедать. И вы, мистер Пинкертон, тоже мойте руки и присоединяйтесь.

– Ничего не понимая, – бормотал папа, растерянно оглядывая очки. – То есть всё это время, я носил их с собой? Так что ли?.. А где же тогда те, что я потерял вчера?.. Или это они и есть?.. Странно, странно...

– Ничего странного, – звонко засмеялась Варя. – Просто ты, папочка, очень рассеянный!

– Ничего подобного, – встрепнулся папа. – Я... я просто очень занят. Я писатель и я всё время о чём-то думаю... О чём-то очень важном! Одним словом, это совсем не то, что вы думаете и, в доказательство этому, я вам сейчас поведаю историю, об одном по-настоящему рассеянном человеке, который жил сто с небольшим лет назад...

– Все разговоры после еды, – строго прервала его мама. – Мой руки, а то суп остынет.

***

Обед прошёл быстро. Едва все тарелки были перемыты и стол протёрт, как Варя с Серёжей набросились на папу.

– Рассказывай скорее свою историю!

– Конечно, конечно, – ответил папа. – Я, как я уже не один раз вам говорил, совершенно не рассеянный человек и всё

прекрасно помню.

Папа вручил Степашке половину морковки и сел на кресло.

– Итак, друзья мои, – начал он, – сегодня, я бы хотел раз и навсегда покончить со всеми вашими несправедливыми обвинениями в мой адрес и привести вам пример истинной рассеянности, примером которой служил один человек, по странному стечению обстоятельств тоже являющийся писателем.

– Так, так, – заинтересовалась мама. – То есть твой коллега?..

– Да... – нехотя признался папа, – но только в этом вопросе, друзья мои, только в этом!

– И что же с ним приключилось? – спросил Серёжа.

– Вся его жизнь была сплошным приключением, – горячо заверил всех собравшихся папа. – Вся без исключения и я приведу вам лишь некоторые, особенно яркие эпизоды его биографии, чтобы вы ощутили разницу между *его* рассеянностью и *моей* необычайной собранностью.

Папа оживлённо потёр руки и приступил к рассказу:

– После того как в юности, господин Флопп по ошибке забрёл в порт, где, пребывая в глубокой задумчивости, каким-то образом поднялся на чайный клипер и отплыл в Индию, где ухитрился попасть в плен к восставшим сипаям, прошло довольно много времени. Исколесив ещё полсвета таким образом, он, наконец-то, обосновался в Северной Америке, в одном крошечном городке на краю пустыни

и зажил спокойно и мирно, ведя колонку в одной местной газете. Однако, такая разительная в образе жизни мистера Флоппа вовсе не означала, что он переменялся. О, нет! Не было случая, чтобы он сдавал свою статью вовремя, а если такое и происходило, то это была статья, которую ему нужно было принести неделю назад и что-то вообще не относящееся к делу. Конечно, в любой другой газете его давно бы уволили, городок был настолько мал, что ему всё сходило с рук, т.к. другой газеты просто не было и её всё равно покупали. Немалую роль в этом играл и писательский талант автора. Он ухитрялся из всего делать интересные и занимательные истории. Его черед очерков «о жизни дождевых червей в дренажных канавах» имела такой успех, что редактор собирался отправить её в Вашингтон, на конкурс самых смешных очерков о сельской жизни, но, увы, мистер Флопп потерял текст. Когда же его общими усилиями города вновь собрали по фрагментам газет и принесли ему, он, по ошибке, истопил им печь, а на конкурс отправил пачку макулатуры.

(Злые языки утверждают, что именно этой пачке макулатуры и присудили главный приз в том году, но, мы не можем утверждать это наверняка, потому что современные литературные конкурсы настолько же разительно отличаются от своих предшественников, как нынешние куры от тех, что жили сто лет назад...)

Исходя из всего этого, легко понять, что временное мирное существование мистера Флоппа в этом выдающемся го-

родке, было вызвано лишь одним обстоятельством – в городе не было ни железнодорожной станции, ни остановки дилижансов, ни прочего сообщения, кроме тех редких случаев, когда туда привозили почту. Но даже тут мистеру Флоппу не везло. Он уже дважды, по рассеянности, усаживался в почтовый дилижанс, но, т.к. других пассажиров в нём не было и ему невозможно было затеряться в толпе, его неизменно снимали с рейса и он брёл домой, чтобы дописать статью, которую ему нужно было сдать месяц назад или выпить стаканчик чернил вместо кофе.

Возможно, хотя я лично в это и не верю, наш герой так бы и прожил остаток своей жизни вдали от суеты большого мира, который он уже вдоволь успел исколесить, не произошёл бы в его городке одно трагическое событие. В воскресенье утром в своей постели умер старый портной, у которого одевался весь город. Весть, разумеется, мгновенно облетела все дома, и мистер Флопп поспешил на место событий, т.к. помимо всего прочего, он был и единственным репортёром в своей газете. Покружив по городу и попав, по рассеянности, сначала на петушиные бои на задворках чьего-то дома, потом в салун, откуда он чудом унёс ноги, а после, на воскресную службу в церкви, мистер Флопп, всё же, под покровом сумерек пересёк порог дома, где случилась беда. Само собой, ничего примечательного там уже не было, и все люди давно ушли. Мистер Флопп побродил по дому и усталое опустился на один из стульев, потому что день у него выдался тяжёлым.

Покойный лежал в соседней комнате, но мистер Флопп совершенно не боялся мертвецов. К тому же, по всей видимости, он вообще забыл, где он находится и зачем он тут оказался. Сняв сюртук и ботинки, он, дописав последний абзац своей уморительно смешной статьи о выращивании крыжовника, преспокойно улёгся в приготовленный для усопшего гроб и заснул!

Дальнейшие события разворачивались следующим образом. В завещании портного значилось, что его бранные останки следует захоронить в его родном городе, что был в сотне миль на восток. Решив в точности исполнить волю портного, поверенный отправил гробовщика в дом покойного, с тем чтобы тот уложил его в гроб, заколотил крышку и немедленно отправился в путь, чтобы успеть к безутешным родственникам. Гробовщик в точности выполнил все указания, за исключением одного – он не удостоверился в том, что в гробу лежит портной, а не кто-то ещё. Такое и в голову не могло ему прийти. Он пришел в дом когда совсем стемнело и, увидев что тело уже в гробу и ему не нужно заниматься утомительной работой, быстро приложил крышку, прикрепил её шурупами и, положив гроб на телегу отправился в путь. Он рассчитывал преодолеть за ночь много миль с тем, чтобы избежать дневной жары.

Что же мистер Флопп? Неужели он не почувствовал, что его перетаскивают с места на место, а после везут по каменистой дороге? Я уверенно отвечаю, что нет, и тому есть мно-

жество причин, главная из которых, огромный опыт путешествий, приобретённый мистером Флоппом в годы юности. Он действительно мог спать когда угодно и где угодно. В Индии до сих пор бытует одна легенда, согласно которой, когда мистер Флопп попал в руки сипаев и те собирались казнить его и уже нацелили на него свои ружья, он заснул и свалился им под ноги. Стрелять в спящего человека солдаты отказались и уселись ждать, когда же он проснётся, потому что ни щекотка, ни пинки, ни даже холодная вода не смогла разбудить этого соню. Это сон спас ему жизнь, потому что за час до его пробуждения, королевские силы атаковали лагерь мятежников и освободили всех пленников. Мистера Флоппа считали мёртвым в тот день и едва не похоронили со всеми полагающимися военными почестями, но в самый ответственный момент «покойник» так громко чихнул, что почётный караул едва не разбежался, а один генерал даже остался заикой...

Словом, чтобы не происходило той ночью, мистер Флопп спал в гробу как убитый и проснулся поздно утром, прекрасно отдохнувший и полный сил. Не раскрывая глаз, он попытался сесть в своей «кровати» и больно ударился лбом о доски. От этого звука, гробовщик подскочил как ужаленный, когда же мистер Флопп начал ругаться, стучать кулаками и требовать, чтобы его немедленно выпустили, он в ужасе бросил поводья и сломя голову кинулся обратно, клянясь всеми святыми, что больше никогда в жизни не будет употреб-

лять кукурузный виски с самого утра. Меж тем, его лошадь, мало беспокоясь о том, что происходит позади неё, продолжала свой степенный ход по пустынной дороге и к вечеру торжественно въехала в ещё один небольшой городок. После череды забавных происшествий, местный священник, при поддержке вооруженного шерифа и трёх добровольцев с вилами, гроб, наконец-то открыли и выпустили незадачливого путешественника. Объяснение было долгим и мучительным т.к. мистер Флопп понятия не имел, что с ним произошло. От штрафа и тюремного заточения его спас один заезжий торговец, который опознал в нём репортёра из газеты «Вечерний восход» выходявшей в соседнем городе. Литературный талант мистера Флоппа был непререкаем и его статьи рассказывали вместо анекдотов, так что его немедленно отпустили и шериф лично пообещал отправить его обратно следующим утром со всеми наивозможными удобствами. Увы, шериф не учёл одного важного обстоятельства – в его городе была большая остановка дилижансов и к тому времени, когда мистера Флоппа спохватились, он был уже далеко... Воистину это был удивительный человек! Всего через неделю, (что по меркам того времени было весьма коротким промежутком времени) он уже сходил с перрона Чикагского вокзала, совершенно не отдавая себе отчёт в том, что с ним происходит. В подтверждение этому служил тот факт, что он всё ещё работал над своей статьей о безвременно усопшем портном и, блуждая по шумным, улицам тщетно силил-

ся найти редакцию «Вечернего восхода».

Блуждая от одной двери к другой, мистер Флопп, в конце концов, попал в рекрутскую службу и, сам того не заметив, подписал контракт на службу в армии. Полное отсутствие какой-либо военной дисциплины у мистера Флоппа с лихвой компенсировалось его абсолютным бесстрашием перед лицом любого самого грозного и многочисленного врага. Его всем известная «атака отважного одиночки», которую он однажды случайно предпринял против целого батальона и, которая едва не стоила ему жизни, принесла ему славу и чин капитана. В следующий раз, он, возглавляя свой крохотный отряд, заставил отступить целую армию и мог бы вполне дослужиться до генерала, если бы научился отдавать честь и щёлкать шпорами. Он был трижды тяжело ранен, 9 раз объявлялся убитым, пятнадцать раз оказывался контуженным, 64 раза был пленён (в том числе 12 раз своей собственной армией), совершил несчётное количество побегов и дезертирств, за что 85 раз был разжалован из офицера в рядовые и закончил свою службу капралом, с целым сундуком медалей, которые он по ошибке сдал в утиль. Его имя гремело по всей стране. Простые люди обожали его. Ему предрекали большое будущее и даже президентство, но мистер Флопп был неисправим. По рассеянности оказавшись на выставке летательных аппаратов, он задремал в дирижабле и улетел в Парагвай, откуда перебрался в Боливию, затем в Чили, а после и вовсе отплыл с экспедицией исследующей Антарктику,

случайно упав к ним в трюм.

Пережив два кораблекрушения и зимовку во льдах, мистер Флопп был спасён английским корветом и, после долгих лет разлуки, вернулся в Великобританию. Радостно вдохнув полной грудью воздух родного Ливерпуля, небрежный непоседа решил перекусить в прибрежной таверне. Ему понравилось одно небольшое заведение, которое, на поверку оказалось норвежским китобойным судном, снимающимся с якоря. Так, мистер Флопп отправился в путешествие по северным морям, которое закончилось катастрофой близ Шпицбергена, где его, чуть живого, вытащили из воды русские моряки, с которыми он, вполне благополучно добрался до Владивостока и прожил там какое-то время. Ему вообще понравилось в России. Он всегда очень хорошо отзывался о ней в своих автобиографических очерках, говоря что «...только в этой огромной и удивительной стране, он встретил людей, которые не только полностью соответствовали моему духу и представлениям о жизни, но и ежечасно подтверждали это своим личным примером, совершая порой поступки настолько опрометчивые, что ему становилось стыдно за свою природную сдержанность и рассудительность...»

Во время русско-японской войны, немолодой уже мистер Флопп, само собой разумеется, оказался в самой гуще событий и был поочерёдно пленён близ Порт-Артура сначала русскими солдатами, а затем силами японской армии. Оказавшись в Японии, мистер Флопп увлёкся живописью и сочине-

нием стихов, и какое-то время о нём ничего не было слышно, пока он, по недоразумению, не нарисовал большой иероглиф, оскорбивший самого императора. Будучи иностранцем, он избежал смертной казни и был выслан из столицы на Окинаву, откуда, сев не на свой пароход, перебрался в Сингапур. Именно здесь, на старости лет он повстречал любовь всей своей жизни и немедленно обвенчался. Да, да, ему удалось сделать это, т.к. невеста не на секунду не отпускала его руки и всё что ему удалось сделать в то знаменательное утро, это уронить пару свечей и едва не спалить единственную церковь в округе, но это, в сравнении с его прошлой жизнью, было сущим пустяком.

Его жена, много лет слывшая подающим надежды литературным критиком, мигом осознала какую кладезь невероятных историй она имеет под рукой и заставила мистера Флоппа трудиться не покладая рук, во всех смыслах стоя у него за спиной. Она установила железную дисциплину в их маленьком домике, и мистер Флопп расцвел, как расцветают некоторые растения в тепличных условиях. Его первые очерки были мгновенно распроданы и сделали его популярным. Спустя некоторое время, счастливая семья перебралась во французский Индокитай, где мистер Флопп, под неусыпным надзором жены, заработал на всю катушку, выдавая одно произведение за другим и зарабатывая кучу денег. Его супруга разумно распорядилась их постоянно растущим состоянием, и они жили, душа в душу, не зная никаких бед

долгие годы, пока одним солнечным утром, мистер Флопп не исчез... Его супруга не успела вернуться засветло из города, и заночевала у знакомых, а когда добралась до дома, то он застала его пустым. Разумеется, были организованы самые тщательные поиски и всюду были разосланы его портреты и описания, но всё было тщетно. Тело мистера Флоппа так и не нашли и местное следствие пришло к выводу, что старик, по рассеянности, свернул в темноте с дороги и упал в реку, где стал лёгкой добычей крокодилов. Мир литературы тяжело переживал эту утрату, и ряд стран даже приспустил государственные флаги, что бы отдать дань неукротимому авантюризму этого рассеянного человека. После себя, мистер Флопп оставил огромное количество разрозненных записей, в том числе блистательнейшую и искромётную статью о смерти некоего неизвестного портного, которую даже внесли в ряд учебников журналистики.

– Что ж, – вздохнул папа, – возможно, так всё и было, но лично я, слышал другую версию, которую и поныне можно услышать во Вьетнаме от старых рыбаков. По их словам, спустя пару дней после исчезновения мистера Флоппа, какой-то странный пожилой европеец без документов поднялся на корабль, держащий свой путь не то на Мадагаскар, не то в Марокко, не то к берегу Слоновой кости. Правда, у того европейца не было бороды, которой обзавёлся мистер Флопп за время супружеской жизни, но, в отсутствие жены, по рассеянности, он запросто мог её сбрить и отправиться в

своё последнее, самое длинное и самое удивительное путешествие, и мне хочется верить, что эта история заканчивается именно так. Так что, удачи, мистер Флопп, удачи!

Папа тихонько рассмеялся и встал с кресла.

– Вот, друзья мои, – сказал он, торжественно оглядывая своих слушателей, – вот что я называю настоящей рассеянностью! Кстати, за свою жизнь, мистер Флопп потерял более 100000 пар очков. Более ста тысяч! И это при том, что у него никогда не было проблем со зрением... Я же, всего-навсего, оказался жертвой рокового стечения обстоятельств и не могу найти всего одну пару. Одну! Нет, я решительно отмечаю все обвинения в своей рассеянности. Я, невероятно собранный и...

И тут, папа спотыкнулся о высунувшегося из-под стола Степашку и рухнул на пол, так что вся кухня заходила ходуном.

– Дорогой, – испуганно воскликнула мама, – с тобой всё в порядке? Ты не ушибся?

– Я проворен как рысь, – отозвался папа, поднимаясь и потирая бок. – Только вот, кажется, мои очки немного треснули... А почему это вы все смеётесь? Это совершенно не смешно! Уверяю вас. Со-вер-шен-но. К тому же, я всё могу объяснить...

Великая сила

– Ненавижу копать грядки! – сказал Серёжа, отставляя в сторону тяжёлую лопату. – И кому это только нужно?

– Это нужно растениям, – ответила мама. – Это помогает земле дышать. К тому же, так мы боремся с сорняками.

– А почему сорняки растут сами по себе, а цветочкам нужно помогать? – спросила Варя, помогающая маме обновлять клумбу. – Это нечестно.

– Увы, – отозвалась мама, – все ценное и красивое требует заботы. Только крапива может расти без чьей либо помощи.

Степашка, который не мог спокойно наблюдать, как кто-то роется в земле, тоже участвовал в работе. Он рыл землю рядом с Серёжей и разбрасывал её вокруг с такой силой, что она летела даже на соседний участок.

«Вот это я понимаю развлечение! – думал он, примеряясь как бы ему лучше перегрызть, мешающий рыть корень. – Вот это игра! Жаль только, что мы так редко в неё играем... Как только я хочу выкопать яму в маминой клумбе или среди папиных роз, меня почему-то всегда прогоняют. Странно, ведь это так весело!..»

Стёпа удвоил усилия, и земля веером полетела во все стороны, падая на газон, огурцы и на спину Варе.

– Эй, землекопы, – раздался папин голос и по участку про-

нёсся звук импровизированного гонга. – Кофе готов, прошу к столу. И остановите кто-нибудь Степашку, иначе он скоро прокопает ход к самому центру земли и чего доброго наткнётся на подземные сады каменных роз, а это небезопасно. Давайте скорей, кофе остывает.

– А разве существуют каменные розы, – спросила Варя, после того как вымыла руки и уселась на своё место.

– Что-то мне подсказывает, что да, – усмехнулась мама, видя, как загорелись папины глаза. – Уверен, дорогой, у тебя есть на этот счёт маленькая история...

– Представь себе, – зарделся папа, – имеется. И вовсе не маленькая, а весьма длинная, как корни исполинских мхов, что растут на подземных болотах Палудена. Бывали случаи, когда эти полые внутри корни достигали нескольких километров и были такими толстыми, что по ним можно было спускаться почти к самому центру земли. Одна беда, по ним очень трудно выбраться обратно и смельчак, осмелившийся на подобное путешествие, редко возвращался домой. Да, друзья мои, Палуден опасная страна, но и в ней, говорят, есть своё подземное очарование...

Папа замолчал, лукаво улыбаясь и ожидая, что его будут просить рассказать дальше, но ребята молчали и неспешно потягивали свой кофе.

– Вам, что... неинтересно?.. – не выдержал он, наконец, и тут Варя с Серёжей расхохотались.

– Попался, попался! – закричали они. – Как мы тебя

разыграли!

– Видел бы ты своё лицо, – смеялась мама. – Ты выглядел так, будто снова застал Степашку, разбрасывающего твою рукопись по кабинету...

Папа нахохлился, но в глубине его светлых глаз искрился смех.

– Ах вот вы какие...

– Папочка, нам очень интересно, – сказала Варя. – Расскажи нам, пожалуйста, про страну Палуден. Там живут гномы, да?

Папа мотнул головой, так что колбаса с его бутерброда слетела вниз и, прежде чем он успел её поднять, исчезла в пасти Степашки.

– Ну вот не можешь ты без этого, – укоризненно сказала мама. – Просто маленький ребёнок какой-то...

– Это случайно, – ответил папа, строго грозя Степашке пальцем. – Я просто хотел сказать, что в стране Палуден нет гномов. Она находится гораздо глубже их туннелей, так далеко, что многие о ней даже и не слышали.

– А кто там живёт, – спросил Серёжа.

– Нуворхи, – сказал папа, – и пусть вас не пугает это слово, потому что Нуворхи совершенно безобидны. Они немного похожи на гномов, но ходят на четвереньках, и у них совершенно нет глаз. Они им и не нужны, т.к. в Палудене всегда царит вечный мрак.

– А что они делают? – поинтересовалась Варя. – Им долж-

но быть ужасно скучно там, в темноте, без друзей и без солнышка.

– Да, – согласился, – по нашим меркам их жизнь весьма тосклива и однообразна, но зато, у них совершенно нет врагов. За исключением каменных роз, которые являются страшным сорняком, который заполняет всё вокруг и уничтожает исполинские мхи.

– А зачем нужны исполинские мхи, – спросил Сережа.

– На них, Нуворхи выращивают чёрную пшеницу, скалистую рожь и разные подземные фрукты, которые, впрочем, все на один вкус – нечто вроде смеси кислого яблока с увядшим огурцом.

– Не очень-то вкусно, – заметила мама. – Отчего же они забрались на такую глубину? Неужели они вечно там жили?

– Конечно же, нет, – улыбнулся папа. – Никто не захочет жить так глубоко под землёй по доброй воле, день и ночь выкорчёвывать каменные розы и растить чёрную пшеницу на исполинских мхах. Нет, тут дело в проклятии, которое пало на Нуворхов в далёкой древности, когда наша земля ещё не была похожа на саму себя и по ней вышагивали великаны, одними из которых, были Нуворхи.

– И что же случилось? – спросила Варя.

– А случилось то, друзья мои, что извечно случается в этом мире, – ответил папа, откидываясь на спинку стула. – Однажды, Нуворхи, самое сильное и самое могущественное племя великанов, решили, что им мало земли, на которой

всё было в их власти, и задумали покорить подземное королевство Слагов, их троюродных братьев, подземных великанов. Как водится в таких случаях, они собрали огромную армию, на щитах которой красовалась огромная роза с длинными и острыми шипами, символ их величия, и направились в горы. Там, находился укреплённый вход в царство Слагов, который они готовились открыть силой оружия. Зная, что Слагги буду упорно сопротивляться и стойко сражаться за свои подземелья, они взяли с собой гигантских змей, закованных в медные доспехи, чтобы те наводили ужас на Слагов в тёмных туннелях.

Завязалась ужасающая битва, от которой вся земля ходила ходуном. Шаг за шагом, Нуворхи, чья армия была впятеро сильней, и чьи бронированные змеи сеяли панику в рядах Слагов, продвигались вперёд, вглубь потайных ходов. Они одерживали победу за победой и вот, когда силы Слагов были уже на исходе, им на помощь неожиданно пришли жуткие пауки, которые ненавидели змей, и битва вновь разгорелась с ужасающей силой и снова вся земля заходила ходуном от топота великанов и ударов их тяжёлых палиц.

Это чудовищный шум разбудил Великую силу, дремавшую в самом центре земли со дня её сотворения. Великаны так разбушевались, что вот-вот грозились разрушить весь её труд, чего она никак не могла допустить и решила вмешаться и покарать нарушителей её спокойствия.

В одну из ночей, густой жёлтый туман заполнил все тун-

нели, в которых кипело сражение, а когда, через четыре дня он рассеялся, то от обеих громадных армий не осталось и следа. Только небольшие змеи ползали среди огромных боевых доспехов, да крохотные пауки пробегали по брошенным палицам.

Великая сила превратила Нуворхов в карликов и заточила их в самые глубокие недра. Теперь, чтобы выжить, бывшим великанам нужно было неустанно выкорчевывать гигантские чёрные розы, пожирающие их поля.

Но и Слагги были наказаны, ибо, как рассудила Великая сила, если бы она оставила их великанами, то рано или поздно, их огромное подземное царство показалось бы им слишком скромным, и они бы захотели покорить землю, уничтожив на ней всё живое. Великая сила превратила их в гномов, и позволила жить там, где они жили раньше. Именно поэтому гномы так щепетильны и ненавидят, когда им напоминают про их маленький рост – ведь когда то давно, они были могущественными великанами и от их шагов дрожали скалы.

Исправив то, что сама когда-то сотворила, Великая сила вновь укрылась в глубине земли и задремала, сонно прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Горе тому, кто разбудит её, так как гнев её не знает границ и способен поглотить даже звёзды...

Но всё же, сколь ни ужасна скрытая в недрах земли сила, всегда находятся те, кто хочет увидеть её своими глаза-

ми. Именно они, презрев все опасности, спускаются по тёмным ступеням в заброшенные подземелья, проходят старинными туннелями, расспрашивают пугливых гномов о сокровенных тропинках и пробираются всё глубже и глубже, стремясь достичь мрачной и унылой страны Палуден. Их поджидают множество испытаний на этом пути, потому что Великая сила постаралась надёжно скрыть своё присутствие, но, человеческие сердца невозможно обмануть и люди вновь и вновь пытаются покорить глубины земли, в надежде прикоснуться к неведомому...

Тем смельчакам, что посчастливилось пройти земли гномов и спуститься в их самые глубокие норы, в которые те сами никогда не заглядывают, предстоит встретиться с новыми опасностями. Дело в том, что не все огромные бронированные змеи превратились в мелких гадюк. Великая сила сохранила нескольких из них, что бы те стерегли все подходы к её владениям. То же самое касается и гигантских пауков, что так же могут встретиться на пути путника и утащить его во мрак. Нужно быть очень осторожным и отважным человеком, чтобы предпринять подобное путешествие, и нужно быть необычайно решительным и удачливым, чтобы вернуться из него.

Пройдя змей и пауков, путник попадает в страну подземных торфяных болот, преддверие Палудена, где вместо воды струиться густая нефть и воздух полон ядовитых газов. В этом мире обитают чёрные слизи, такие большие, что вдво-

ём могут запросто заживо переварить уснувшего человека. Самое жуткое, это то, что чтобы пробраться дальше, путешественнику нужно в буквальном смысле утопить себя в этом болоте и негде угодно, а в строго определённом месте.

– А как узнать это место? – поинтересовалась Варя, которая после рассказ об огромных слизнях уже расхотела становиться новым подземным путешественником.

– Нужно найти место, – сказал папа, – где на поверхность болота выходит газ и, задержав дыхание, позволить болоту засосать тебя в свою глубину. Почувствовав под собой дно, необходимо быстро отыскать отверстие, через которое болотный газ просачивается, и протиснуться в него. Отверстие кажется совсем небольшим, но не нужно пугаться – дно этого болота подобно резине, следует только поднатужиться и дыра станет достаточно большой, чтобы пробравшись в неё, упасть прямо на исполинские мхи Палудена. Здесь вы можете немного передохнуть и прийти в себя. Нуворхи, как я уже говорил, совершенно безобидны и опасность могут представлять только каменные розы.

– А чем же они опасны? – удивился Серёжа. – Они что, нападают на людей?

– Нет, – ответил папа, – каменные розы ни на кого не нападают, но у них есть одна особенность, которая может стоить неопытному путешественнику жизни. Эти растения очень чувствительны к свету и инстинктивно тянуться к нему даже глубоко под землей. Они способны вырастать до 10 мет-

ров в секунду и едва усталый и измученный путник зажигает спичку, тысячи жёстких, как проволока и колючих, как игла стеблей окутывают его, и ему уже нет возможности спастись. Вот почему я просил остановить Степашку – если бы он прокопал ход до Палудена, каменные розы смогли бы вырваться из своего заточения и окутать всю землю. Нет, нет, друзья мои, будьте очень осторожны, путешествуя по таким местам, и никогда не отправляйтесь в путь без надёжного проводника.

– А кто лучшие проводники под землёй, – спросила Варя. – Гномы, да?

– Не совсем, – ответил папа. – Гномы, действительно знают многие тайны подземелья, но, их невозможно заставить спуститься глубоко, в те места, где обитают огромные змеи. Не стоит даже и пытаться уговорить их. Если же вы насильно отведёте гнома вниз (а некоторые безумцы, ослеплённые жадной богатства, иногда так и делали), то всех их ждала ужасная участь. Дело в том, что все гномы, от рождения умеют беззвучно свистеть. Никто толком не знает, откуда у них эта способность, но факт в том, что гномы могут таким образом привлекать всех подземных тварей, в то время как человек ничего не слышит. Оказавшись в безвыходном положении, гномы используют их секретное оружие и на человека, внезапно, со всех сторон набрасываются пауки и змеи, ведомые беззвучным свистом пленённого гнома.

Нет, если бы я выбирал себе проводника, я взял бы себе

в помощники Панамскую летучую мышь. Не все любят этих животных, приписывая связь с тёмными силами, но всё это суцая выдумка. Летучие мыши чудесные существа, с которыми нетрудно найти общий язык и они уж точно не будут насвистывать в темноте, призывая всяческих чудовищ. Они всегда быстро и бесшумно разведывают для вас путь в темноте, предупредят о невидимой опасности, будут стеречь ваш сон и укажут путь, который бессилён отыскать даже старый гном. Вам только нужно запастись вкусными жуками, чтобы кормить своего друга и специальной вешалкой, чтобы он мог спокойно отдохнуть вниз головой на вашей руке, на тот случай, если ему негде будет уцепиться.

Итак, переведя дух в серых мхах Палудена, посмотрев, что стало с надменными гигантами, некогда сотрясающими землю и, подкрепившись местными фруктами, вы продолжите свой путь вниз. Среди бескрайних полей, в полной темноте, на ощупь, вам предстоит найти старый мох, возрастом не менее 100 тысяч лет, чьи корни достаточно длинные и достаточно толстые, чтобы в них можно было забраться. Сами корни похожи на ствол дерева, и они очень прочные, так как должны пробиться сквозь гранитные скалы, в самую глубину земли, к источнику тепла – раскалённой магме, обители Великой силы. Прорубив в них лаз и дав вытечь густому соку, залезайте внутрь и скользите вниз, вниз, вниз, точно по узкой и скользкой трубе. Самое страшное, что может случиться с путешественником в этот момент, это остановка. По-

просту говоря, если кто-то застрянет в корне на полпути к центру земли, у него практически нет надежды, выбраться обратно – стенки слишком скользкие, чтобы ползти по ним вверх несколько километров. На мой взгляд, это самое тяжёлое испытание, т.к. в нём от тебя ничего не зависит и сколь ни был бы ты храбр и настойчив, ты можешь навсегда остаться заточённым в скользком корне, глубоко под землей, безо всякой надежды на спасение. Кстати, перед тем как вы собираетесь спуститься, не забудьте отпустить вашу летучую мышь – она не пригодится вам внизу и вам нет нужды рисковать её жизнью. Она будет поджидать вас в Палудене в течение месяца, а если вы не вернётесь к этому сроку, найдёт путь домой и принесёт вашим друзьям весть о том, что вы в беде.

– Жуть какая, – зябко поёжилась мама. – Я теперь спать не буду. Нельзя ли немного повеселей?

– Но и эта преграда была успешно преодолена некоторыми счастливыми, – продолжил папа, пропустив мамины слова мимо ушей, – которые, проскользив, таким образом, до самых кончиков корней исполинских мхов, оказались в том месте, где они выходят из скал и свисают вниз, а под ними, точно в жерле потревоженного вулкана, бушует магма. Большинство корней исполинских мхов заканчивается своеобразным пузырьём, в который падает путник, но случается и так, что по каким-то причинам, этот пузырь лопнул и тогда, несчастный летит дальше и гибнет в раскалённой лаве.

Если с вами этого не произошло, и вы благополучно приземлились в полупрозрачный пузырь, размером с нашу беговую дорожку, цель достигнута. Прямо под вами, в бушующем огне сердца земли, спит Великая сила, и вы ощущаете её дуновение даже сквозь крепкие стены вашего пузыря. Говорят, что путешествие в недра земли меняет человека, это правда, но то, что происходит с ним в конце пути, полностью переворачивает его душу. Он словно бы на мгновение оказывается вблизи самого Солнца и постигает такие тайны, что подвластны лишь вечноживущим. Созерцание этого пламени и присутствие Великой силы зрелище настолько поразительное, что некоторые из путешественников навсегда остаются в пузырях, не в силах оторвать свой взор от тех картин, что открываются их разуму. В этот момент, время не властно над ними. Наверху, в мире людей и птиц, может пройти целая тысяча лет, но им покажется, что минуло лишь одно мгновение, в котором они узрели всю жизнь Космоса с самого момента его сотворения.

– Но как же выбраться обратно, – спросил Серёжа. – Кому-то же удалось это сделать, верно?

– Верно, – кивнул папа. – Путь обратно действительно существует и он не менее опасен. Чтобы попасть обратно, в страну Палуден, нужно сделать так, чтобы сок в пузыре закипел, и давление газа вытолкнуло бы вас обратно. Тут важно помнить, что если пузырь закипит раньше времени, и вы не успеете выбраться из него, то можете свариться. Также

следует понимать, что если сок в пузыре будет кипеть слишком сильно, то его стенки могут не выдержать и он лопнет, а вместе с ними лопнет и ваша надежда вернуться. С другой стороны, при слабом кипении, давление в корне будем недостаточным для того, чтобы вытолкнуть вас наружу. В этом случае вы застрянете на полпути, что тоже, как вы помните, сулит большие неприятности. Словом, тем, кто плохо знаком с физикой и не любит математику, лучше не рисковать и не забираться глубоко под землю.

– Но как заставить сок закипеть, – поинтересовалась мама.

– Для этого, – пояснил папа, – нужно аккуратно истончить изнутри жаростойкую стенку пузыря, чтобы жар магмы начал разогревать его. Эта работа потребует от вас большого терпения, верного расчёта и твёрдой руки. Малейшая ошибка в самом конце и пузырь даст течь, и вы уже никогда не сможете покинуть его.

– Допустим, всё получилось, – сказала мама, которой явно было не по себе от таких жутких подробностей. – Что тогда?

– Тогда, убедившись, что сок начинает равномерно разогреваться, вы вскарабкиваетесь по волокнистым стенкам пузыря обратно, в ствол корня, пробираетесь по нему как можно выше и затыкаете своим телом точно пробкой. Теперь, вам остаётся только ждать, пока давление не станет достаточным и вас не понесёт вверх точно на скоростном лифте. В случае успеха, всего через пару часов, вы вновь ока-

жетесь в Палудене и, поверьте мне, он покажется вам землей обетованной после всех треволнений спуска и подъёма внутри корня. Скорее вылезайте наверх и тщательно вытирайте свою одежду от сока т.к. он очень скоро так сильно затвердеет на воздухе, что вы едва сможете двигаться. Помимо этого, на обратной дороге, его запах привлечёт к вам внимание огромных чёрных слизней, что тоже, согласитесь, не очень то весело. Только после этого, вы можете растянуться на бескрайней перине мхов и вволю выспаться. Да, не забудьте поприветствовать вашего проводника, если вы, конечно, не просидели в пузыре пару веков, наблюдая за рождением звёзд...

Обратный путь покажется вам уже не таким сложным. Вы легко выберетесь из нефтяного болота и без труда пройдёте мимо змей в бронзовых доспехах и страшных пауков т.к. они будут чувствовать в вас часть Великой силы, которая внушает им нестерпимый ужас. Гномы, увидев, что вы вернулись живым и невредимым, встретят вас с большим почтением. Они сразу поймут, удалось ли вам достигнуть подземного огня или нет, потому что теперь, вы, как и они, сможете видеть все клады и сокровища мира скрытые в недрах земли. Но странное дело, вам больше не захочется обладать золотом и драгоценными камнями. Нечто более важное и ценное откроется в вашей душе после свидания с Великой силой. Ваше сердце больше никогда не возжелает тех богатств, до которых столь охочи все остальные люди. Ваш разум уже не

прельститься обманом и суетой. Вы поймёте, что сами являетесь частью той незримой силы, что правит миром, и вам нет нужды куда-то спешить и волноваться по пустякам. Покой и безмятежность наполнят вашу жизнь, и каждый раз, когда вокруг будет сгущаться тьма, вы сможете озарить её тем огнём, что горит внутри вас, огнём Великой силы, что до поры дремлет в каждом.

– Господи, – тихо произнесла мама, – и как ты только умудряешься всё это придумывать? Уму непостижимо...

– Придумывать, – воскликнул папа, притворно хмурясь и грозно сверкая глазами. – Если хотите знать, мадам, то всё, что я вам сейчас рассказал – чистая правда. Я не могу ручаться за мелкие детали, но я ещё раз повторяю – Великая сила существует! И каждый, да, да, друзья мои, каждый, способен пробудить её в своём сердце!

– Хорошо, хорошо, существует, – испуганно затараторила мама, – только не опрокинь кофейник! Я хорошо помню, как твоя Великая сила разлила вчера вечером по всей кухне целый бидон свежего молока.

– Это была не она, – категорично заявил папа. – Это проделки Молочных фей. Они вечно вертятся вокруг свежего парного молока, в надежде получить глоток. Это они поставили мне подножку!

– Так, ясно, – закатила глаза мама, – теперь нас атакуют Молочные феи... Что будет завтра?

– Завтра? – папа задумчиво почесал нос, а потом хитро

усмехнулся. – Завтра, будет новый день, а с ним, и новая история. Я не могу раскрывать тебе всех секретов наперёд, милая моя. Наберись терпения.

– Это я должна набраться терпения, – возмутилась было мама, но папа уже выскочил из-за стола, подбежал к ней сзади и принялся щекотать, так что от её пронзительного визга у Вари с Серёжей зазвенело в ушах.

– Хватит, хватит, – кричала мама, пытаясь вырваться из папиных рук. – Сейчас соседи прибегут!

– Пусть бегут, – хохотал папа. – Пусть все знают, что у нас всё замечательно. Верно, я говорю?

Никак

Степашка, с проворством маленького гиппопотама, «бесшумно» крался вдоль берега старой канавы, пытаясь застать врасплох загорающих на солнышке лягушек, но они каждый раз небрежно ускользали из-под самого его носа и плюхались в воду.

«Какие же они всё-таки противные, эти лягушки, – подумал Стёпа, когда вся его дичь ускакала и весело переквакивалась в камышах. – Что им стоило посидеть всего одну минутку смирно, чтобы я смог как следует их рассмотреть и обнюхать... Не буду же я, их есть, в самом деле... Хотя...»

Скотч-терьер на секунду представил себе что лягушки, это вовсе не лягушки, а зелёные сосиски, которые скачут по лужам и очень вкусно пахнут. Он живо вообразил, как он гоняется за ними, но они разбегаются, и он опять остаётся ни с чем, кроме пучка зелёных водорослей на носу.

«Нет, – затряс головой Стёпа и громко чихнул, – лягушки это лягушки, а сосиски, это сосиски. Их не надо смешивать. Прыгающие сосиски, это жутко неудобно. Что если они выскочат из миски и разбегутся?! Это никуда не годится... Кстати, может мне стоит сбегать на кухню и посмотреть, нет ли там чего вкусенького?.. Перед обедом часто происходят разные чудеса. Вот, помнится, пару недель назад, на пол упал

кусок отличной отбивной. Правда, я не успел его схватить, но теперь-то я буду наготове...»

Степашка затрусил на кухню и застал там Варю и Серёжу, склеивающих под руководством папы модель парусника. От запаха клея Стёпа опять чихнул и юркнул под стол.

«Ну и воняет же здесь... – сердился Стёпа он. – Но что делать. Никогда не знаешь, в какой момент хозяева откроют холодильник и начнут есть. Ох, вечно с этими людьми одни трудности...»

Стёпа улёгся на полу, вытянув свои смешные, короткие лапки и принялся ждать.

– Папочка, – сказала Варя, разглядывая свои перепачканные клеём пальцы. – А ты уверен, что этот корабль можно спускать на воду? Я думала, что его нужно просто поставить на полку.

– Ха! – хмыкнул папа, который перепачкался клеём ещё больше, чем его маленькая дочь. – Конечно можно. Мы же его усовершенствовали!

– Так ты и в прошлый раз говорил, когда мы запускали катер, – напомнил Серёжа, заканчивая прикреплять небольшой парус. – Он сразу пошёл ко дну, а жаль...

Папа поморщился и нервно замотал головой.

– Небольшая ошибка с балластом... С кем не бывает... Я был абсолютно уверен, что вытащил лишнее...

Папа снял очки и попытался стереть с них клей.

– В любом случае, – заявил он, – это больше не повторит-

ся. Мы привяжем к носу нашего парусника верёвочку и даже если вдруг, каким-то совершенно немыслимым образом случится кораблекрушение, мы сможем спасти нашего любимца. Кстати, как мы его назовём? Может «Гладиатор»? Или лучше «Быстрый»? А?

– Давайте назовём его «Пират», – предложил Серёжа. – Мы можем покрасить его паруса в чёрный цвет и сделать маленький пиратский флаг. Это будет круто!

Варя надула губы. В её представлении, корабль был женского рода, и имя ему следовало дать соответствующее.

– Я хочу назвать его «Колдунья», – сказала она. – И паруса у него должны быть не чёрные, а розовые.

– Нет «Пират»!

– Нет «Колдунья»!

– Стоп, стоп, – вмешался папа. – Так мы никогда не договоримся. Нам нужно придумать имя, которое устроит всех. Как насчёт... как насчёт...

Папа задумчиво почесал нос, а затем, его глаза хитро прищурились.

– Как насчёт «Никак»?..

– «Никак»? – с сомнением переглянулись ребята.

– Да, «Никак», – с воодушевлением сказал папа. – И заметьте, корабль с таким именем уже был однажды спущен на воду и его судьба, как и судьба его экипажа, овеяна многими тайнами и легендами... Хотите услышать некоторые из них?

– Хотим!

– Тогда слушайте...

Папа откинулся на стуле, закрыл по своему обыкновению глаза, переплёл пальцы рук и неторопливо начал свой рассказ.

– Не удивляйтесь, но эта история началась высоко в горах, вдали от любого моря, когда у пастуха Деоса и его жены Кибелы родилась двойня – мальчик и девочка. Они назвали их Легук и Мина. Малыши быстро росли и, как и подобает близнецам, были неразлучны и если один хотел есть, то аппетит разыгрывался и у второго, а если Мина начинала плакать, то и у Легука на глазах выступали слёзы. Впрочем, плакали они редко и доставляли родителям больше радости, нежели хлопот. Но самое удивительное было то, что близнецы всегда видели совершенно одинаковые сны. Точнее, один сон на двоих. Это было настолько странно, что когда они впервые рассказали своей матери об этом, она им не поверила и решили, что дети подшучивают над ней. Но это было чистой правдой и близнецы в свою очередь недоумевали, как это возможно, чтобы каждому человеку снился свой собственный сон.

– Это же очень трудно, каждую ночь, придумывать каждому человеку свой сон, – говорила Мина, которая, как и все в их деревне, простодушно верила, что все сны на свете плетёт заключённая в бронзовой башне богиня Исмена, милостивая покровительница ткачей. Эта кара постигла её после того, как она соткала ковёр такой немислимой красоты, что взгля-

нув на него, зачарованное солнце остановилось на небосклоне, и на земле воцарилась ужасающая засуха. Строгий отец Исмены, великий Флегон, вернувшись из странствий, сразу понял, что творится нечто неладное. Крепко зажмурился, он закатал ковёр, так что солнце опомнилось и закатилось за горизонт, не успев уничтожить всё живое. Отец строго настрого запретил дочери вновь заниматься подобным ремеслом, но непокорная Исмена не послушалась его наказа и выткала новый ковёр, ещё прекрасней первого. Она развернула его под покровом тьмы на склоне горы и пленённые его красотой звёзды замерли на своём месте, и самая длинная в мире ночь никак не хотела заканчиваться. К счастью, великий Флегон вновь оказался рядом и набросил на ковёр свой плащ, позволив звёздам померкнуть и дать проснуться молодой заре.

В этот раз гнев Флегона был ужасен. Он едва не отнял жизнь у своей дочери, но в последнее мгновение передумал и заточил её в огромную бронзовую башню без дверей и окон.

– Ты будешь сидеть в ней до скончания веков! – прокричал он, запечатывая двери. – Никто и никогда больше не увидит твоих ковров. Никто и никогда!

Однако, даже боги иногда ошибаются...

Дело в том, что юной Исмене удалось пронести внутрь башни небольшую коробочку ярких красок. Она растолкла их каблуком на бронзовом полу, смешала со слезами и раскрасила ими свои густые, длинные волосы. С той поры, когда солнце садилось и в башне становилось прохладно, Ис-

мена сплетала свои волосы в невероятной красоты узоры и расплетала утром, на случай, если строгий отец захочет проведать её. Девушка не ведала, что хотя толстые стены темницы не позволяли никому видеть её работу наяву, во сне, каждый человек на земле мог узреть это чудо, и увидеть в волшебных узорах яркого полотна свои мечты и грёзы.

Так гласила легенда, а была ли она правдой или нет, сказать трудно. Главным было то, что Мина с братом верили в неё всем сердцем и однажды, Легук спросил Мину:

– Послушай, щедрая и прекрасная Исмена дарит каждому в этом мире свой собственный сон, а нам, только один на двоих? Это несправедливо!

– Быть может это оттого, что когда мы родились, мы так тесно прижались друг к дружке, что она не смогла различить нас и решила, что мы одно целое? – предположила Мина.

– Возможно, – ответил Легук. – Но я хочу знать это наверняка. Я решил отправиться на поиски Бронзовой башни и попросить Исмену подарить мне мой собственный сон. Ты со мной?

– Конечно, – улыбнулась Мина. – Куда ты, туда и я.

И вот, когда обоим близнецам стукнуло 14 лет, возраст по тем временам не малый, они сбежали из дома и направились на поиски Бронзовой башни. Они долго скитались с места на место, пока не услышали от какого-то странника, что Бронзовая башня находится на высокой горе, что возвышается прямо посреди открытого моря. Не мешкая, близне-

цы направились к побережью и устроились на борт торгового корабля юнгами. Хочу заметить, что в те далёкие дни моряки всего света верили, что женщина на борту причина несчастий, поэтому, Мине пришлось немного потрудиться над своей внешностью. Она остригла волосы, сделав себе такую же причёску, что и у её брата, выучилась ходить вразвалочку, засунув руки в карманы штаны, и могла свистеть так громко, что у прохожих закладывало уши. Её приняли в команду без всяких вопросов и вскоре, их путешествие началось.

Долгих 10 лет близнецы бороздили моря, сменяя один корабль за другим, непрерывно расспрашивая всех встречных моряков о таинственной башне на одинокой скале посреди моря – но никто ничего не знал. Только однажды, один старый шкипер, то ли в шутку, то ли в серьёз, сказал им, чтобы они не тратили понапрасну время и направлялись в те моря, куда не заходят торговые корабли.

– Направляйтесь в тропики, тысяча чертей! – громыхал он, потягивая ром из деревянной кружки. – Там вас ждёт столько чудес и приключений, что немудрено будет встретить и Бронзовую башню, и вообще всё, что вы захотите.

– Но как нам попасть туда, куда корабли не ходят? – хором спросили его близнецы.

– Стаю акул мне на камбуз! – рявкнул шкипер, так что дымящаяся трубка вывалилась у него изо рта. – Придумайте что-нибудь, салаги, если вам действительно нужна эта башня! Добудьте себе свой собственный корабль, наймите эки-

паж и отправляйтесь куда считаете нужным, сто сардин вам на блюде...

– А ведь и правда, – сказал Легук тем вечером. – Старый шкипер прав. Даже если башня и не там, где он говорит, со своим кораблём мы куда быстрее её отыщем. Но вот где нам достать корабль...

– Я знаю, – сказала Мина. – Только нам придётся изрядно попотеть... Помнишь «Моллюска», на котором мы плыли из Бомбея с грузом корицы?

Легук усмехнулся.

– Как не помнить. Мы сами едва не утонули, когда он пошёл на дно. И как мы только налетели тогда на ту скалу? Должно быть, рулевой уснул... Но почему ты вдруг вспомнила про него?

– Мы поднимем его на поверхность,отремонтируем и отправимся на нём на поиски Бронзовой башни, – ответила сестра.

Легук уже разинул рот, чтобы посмеяться над шуткой своей сестры, но задумался. После 10 лет странствий, он знал, что Мина не менее отважна чем самый смелый моряк, и если она решила что-то сделать, то ни перед чем не остановится.

– Но как мы его поднимем? – спросил он, наконец. – Мы же никогда этим не занимались.

– Значит, нам нужно найти человека, который это уже делал, и нанять его, – резонно ответила сестра.

– Найти его не трудно, – покачал головой Легук, – но он

попросит денег, а их у нас почти нет...

– Мы подпишем с ним контракт, по которому, через пять лет наш корабль достанется ему, – сказал сестра, немного подумав. – Уверена, мы сможем найти человека, который согласиться на такие условия.

– А если нам не хватит 5 лет? – спросил Легук.

– Тогда мы придумаем ещё что-нибудь, – пожала плечами Мина. – Мы справимся, разве нет?

Легук рассмеялся той легкости, с которой Мина принимала решения, и кивнул в знак согласия.

– Хорошо. Я тотчас же отправляюсь на поиски подходящего человека и глянусь громом, найду его!

Дело оказалось не таким простым, как близнецы думали сначала. Никто не желал иметь дело с никому не известным молодым человеком, и уж тем более работать на таких странных условиях. «Пять лет не малый срок, – говорили Легуку. – Предположим, что мы поднимем корабль, но что если он вновь утонет? Кто оплатит нам наши расходы? Нет, молодой человек, простите, мы не сможем вам помочь. Обратитесь к кому-нибудь другому...»

Но Легук не сдавался и через 6 недель поисков нашёл нужного ему человека. Правда, этот «специалист» не имел ни малейшего опыта в подъёме судов, а мечтал о постройке гигантских дирижаблей, но это не помешало ему заверить близнецов, что он справится.

– Плёвое дело, – говорил он, поправляя съезжающие на

нос толстые очки, делающие его и без того большие глаза огромными. – Мы враз поднимем вашу посудину на поверхность и вместе отправимся на поиски...

– Вместе? – удивилась Мина.

– Ну конечно, – ответил Амбибола Куру, похлопывая себя по своей абсолютно лысой голове, что было признаком возбуждения и радости. – Это же ужасно интересно, искать затерянную в океане Бронзовую башню. К тому же, я смогу использовать её как причал для своих дирижаблей. Вы ведь не против, да?..

Близнецы были не против. Они знали, что хороший попутчик никогда не помешает в долгом плаванье, а если он к тому же превосходно разбирается в физике, математике и прочих точных науках, в которых ребята не были сильны, то он просто подарок судьбы.

– Итак, где ваш корабль? – спросил Амбибола, склоняясь над картой.

– Вот тут, – сказала Мина.

– Ага, ага... – бормотал изобретатель. – Так, так... Так, так... А как глубоко он затонул?

– Даже мачты не видно, – вздохнул Легук. – Хотя, если нырнуть достаточно глубоко, то в хорошую погоду можно увидеть, как блестит маленькая пушка на его корме.

– Угу, угу... – тёр нос Амбибола. – Задача не из простых, но мы её решим...

– Вы уверены? – спросил Легук. – Все специалисты, с ко-

торами я встречался до вас, в один голос заявили, что это практически невозможно: глубина слишком большая.

– Они просто ослы, – заявил Амбибола, который был не очень то вежлив, когда размышлял о чём то важном. – Они никогда не делали ничего подобного прежде и ищут отговорки, чтобы не браться за трудное дело. Говорю вам, мы справимся. А теперь, давайте подумаем, что нам может понадобиться...

Изобретатель соединил руки за спиной и начал мерить шагами комнату, время от времени останавливаясь у стола и записывая что-то на небольшом листе бумаги. Затем он радостно хлопнул в ладоши и протянул короткий список близнецам. Глянув в него, брат с сестрой онемели от удивления рот и зашептались.

– Простите, – спустя пару минут, осторожно начал Легук, так как слышал, что все изобретатели люди весьма обидчивые. – Вы, случайно, ничего не напутали?..

– О чём это вы? – комично нахмурил свои кустистые брови Амбибола. – Вы что, мне не доверяете?

– Что вы что вы! – успокоил его Легук, – просто тут сказано, что вам нужна три тысячи пустых кокосовых орехов, пакля, бочонок смолы и десяток длинных бамбуковых палок. Это так?

– Всё верно, – ответил изобретатель, бросив мимолётный взгляд на бумагу. – Что не так?

– Но как нам это поможет поднять со дня моря корабль? –

изумилась Мина.

– Ах вот оно что... – лукаво улыбнулся Амбибола. – Что ж, пусть это будем моим маленьким секретом, который я раскрою вам на месте, а пока, раз вы всё ещё тут, добавьте-ка в мой список двадцать дюжин свежих куриных яиц. Я обожаю омлет, друзья мои!..

Близнецы переглянулись и, решив больше не ни о чём не расспрашивать чудака, вышли вон. Истратив свои последние сбережения и достав всё необходимое, они отправились в путь и вскоре, прибыли в порт, недалеко от места крушения «Моллюска». Там они наняли большую лодку, погрузили на неё часть своих припасов и направились на поиски корабля. Это было нетрудно, так как злополучная скала, на которую наткнулся в штормовом море «Моллюск» по-прежнему торчала из воды. Близнецы причалили к ней и с нетерпением обернулись к Амбиболе.

– Что теперь? – спросили они.

– Теперь, мне нужно обследовать корабль, – ответил изобретатель. – Я привяжу к ногам два больших камня, спущусь на дно и хорошенько осмотрю его. Если он действительно не сильно пострадал и у него всего одна пробоина, то мы живо его поднимем.

– Но как же вы будете дышать под водой? – удивилась Мина.

– С помощью бамбуковых трубок, – ответил Амбибола. – Я соединю несколько трубок в одну большую, конец которой

будет на поверхности. Только следите, чтобы на него не села чайка, а не то я задохнусь. Когда же я закончу свою работу, я просто перережу верёвки на камнях и всплыву наверх.

Близнецы подивились находчивости изобретателя. Они помогли ему привязать к ногам камни, проверили крепость соединений трубки, после чего, Амбибола скрылся в толще морской воды.

Потянулись томительные минуты ожидания. Через час, когда Мина уже не могла сидеть на месте от беспокойства, вода у борта лодки неожиданно вскипела и из неё показалась улыбающаяся голова изобретателя.

– Превосходно, – сообщил он, после того, как немного отдышался. – Я нашёл корабль, только вот от моих очков под водой мало толку. Нужно будет их усовершенствовать... Мне пришлось изучать его на ощупь и насколько я мог понять, всё совсем не так плохо. Дыра в борту, конечно, немаленькая, но мы заткнём её остатками паруса, а потом...

– Что потом? – спросили близнецы, которым не терпелось узнать, для чего же нужны пустые кокосовые орехи.

– Потом, – сказал Амбибола, похлопывая себя по голове, – мы до отказа набьём трюм корабля пустыми орехами, и он сам всплывёт на поверхность как пробка!

Удивлению Легука и Мины не было предела. Это было настолько просто, что они даже слегка усомнились в успехе операции.

– Но как мы засунем туда орехи? – спросил Легук. –

Неужели ты будешь нырять три тысячи раз?

– Вот ещё, – буркнул Амбибола. – Я нырну всего один раз, а орехи вы будете спускать мне на верёвке с камнем. Я буду их отвязывать и засовывать в трюм, через открытый люк на палубе. Тем временем вы будете поднимать камень вверх, привязывать новые орехи и всё заново. Думаю, недели за три-четыре мы вполне управимся.

– А зачем нам пакля и смола?

– С их помощью, мы законопатим орехи, – ответил изобретатель.

– Сделаем что? – снова разинули рты близнецы.

– Законопатим орехи, – терпеливо объяснил Амбибола. – На случай если вы не заметили, в каждом орехе есть небольшое отверстие, через которое сливали кокосовое молоко. Мы законопатим его просмоленной паклей, чтобы внутрь не попала вода и вуаля – средство для подъема корабля готово! Мы займёмся этим ночью, а днём, будем по очереди опускаться на дно и наполнять трюм. Как только мы засунем внутрь достаточно орехов (по моим подсчётам нам потребуется около 2950 штук, так как «Моллюск» сравнительно небольшое судно), корабль всплывёт, и мы отбуксируем его к берегу. Там мы очистим его от грязи, поправим такелаж, заделаем дыру и можем набирать команду. Ну, что скажете? Нравится вам мой план?

– Ты просто гений! – восхищённо прошептала Мина, и от этих слов Амбибола покраснел так густо, что стал похож на

огромный помидор.

– Ну, что вы, что вы... – пробормотал он. – Вот когда я построю огромный дирижабль, способный нести наш корабль по воздуху, вот тогда посмотрим...

Работа закипела. По ночам, близнецы и Амбибола дружно конопатили кокосовые орехи, а днём, наполняя ими корабельные трюмы. Всё шло хорошо, хотя сказать по правде, Легук и Мина до последней минуты не могли поверить, что пустые скорлупки кокосовых орехов, пусть даже и в большом количестве, способны поднять на поверхность целый корабль. Но однажды, когда на дно был отправлен 2947 орех, море под лодкой заволновалось...

– Смотри, смотри! – закричала Мина. – Мачта!

– А вот вторая! – откликнулся Легук.

– Получилось! – закричали они одновременно.

Следом за мачтами показалась надстройки, капитанский мостик и, наконец, палуба корабля, на которой, позабыв отвязать камни, приплясывал от восторга неустойчивый Амбибола.

– Что я вам говорил?! – вопил он, размахивая руками. – Он всплыл! Всплыл! А когда-нибудь, уж поверьте мне, он у меня взлетит! Я заставлю его лететь! Заставлю!

Тем временем «Моллюск» окончательно поднялся из воды и закачался на волнах, кренясь с борта на борт. Его палуба была облеплена раковинами, с мачт свисали водоросли, а из открытых иллюминаторов выскакивали крабы и карака-

тицы, но всё же, он неплохо держался на плаву.

За три дня, друзьям его удалось подтянуть к берегу, посадить на мель во время прилива, а затем, когда вода отступила, при помощи местных жителей, вытащить о на сухое место, после чего, новые владельцы «Моллюска» приступили к его ремонту.

По счастью, корабль пролежал на дне моря не слишком долго и не начал гнить. После того как дыра в его борту была заделана, паруса заштопаны, и весь мусор выметен вон, он вполне был готов к новому плаванию.

– Осталось закончить только некоторое мелочи, – сказали близнецы как-то вечером. – Мы можем сделать это по пути к Бронзовой башне. Однако, втрём мы не сможем управляться с «Моллюском». Нам нужно нанять десяток матросов и тогда можно отчаливать хоть завтра. Только вот откуда нам снова взять денег. Матросы потребуют оплату, за свою работу, а мы на нуле...

– Насчёт этого не волнуйтесь, – сказал Амбибола, с аппетитом уплетающий большой омлет. – Я знаю, где добыть необходимую сумму.

– И где же?

– В трюмах «Моллюска», – последовал ответ. – Груз корицы до сих пор лежит там. Он упакован так тщательно, что как минимум его половина до сих пор пригодна к употреблению. Мы продадим корицу его по сниженной цене, и нам как раз хватит денег, чтобы нанять экипаж и запастись про-

дуктами в дорогу. Даже ещё немного останется на сладкое...

– В таком случае, дело за малым, – сказал Легук. – Нам нужно назвать наш корабль.

– Но у него уже есть название, – удивился Амбибола.

– Нет, – покачал головой Легук. – «Моллюск» утонул, а это, новый корабль и судьба у него будет другой.

– Он прав, – согласилась Мина. – Нужно дать кораблю имя.

– Может, назовём его «Дирижабль», – с надеждой в голосе спросил Амбибола.

Близнецы дружно покачали головами.

– Нет.

«Вихрь», «Отважный», «Искатель», «Жемчужина», «Кракен», «Странник», «Имена»... Имена сыпались и сыпались, но за всю длинную ночь так и не нашлось ни одного, которое пришлось бы по душе всем троим.

– Так, – сказал, наконец, клюющий носом Амбибола. – Это никуда не годится. Так мы будем спорить до бесконечности! Кто бы мог подумать, что дать кораблю имя будет трудней, чем поднять его со дна моря! Я предлагаю не называть корабль никак и ложиться спать. У нас полно дел впереди...

– Никак? – переспросили его близнецы. – Ты сказал «Никак»?..

– Ну да, никак, – повторил Амбибола. – А что такое?

– А то, что это отличное название для корабля, – сказал Легук, вопросительно глядя на сестру. – Что скажешь?

– Мне нравится, – улыбнулась Мина. – А вам?

– «Дирижабль», конечно же, звучит лучше, но я так хочу спастись, что согласен на всё... – мотнул головой Амбибола.

– Ура! Ура! Ура! – трижды прогремело над палубой. – С днём рождения, «Никак»! Ты приведёшь нас к Бронзовой башне! Мы верим!

Груз корицы принесла друзьям достаточно денег, чтобы набрать толковый экипаж и снарядить «Никак» всем необходимым для дальнего плавания, включая новые пушки, на случай встречи с пиратами. Приближался сезон муссонов и друзья торопились, чтобы скорее отплыть от берегов Индии и взять курс на неизведанные южные широты. Вскоре, все сборы были позади и одним ранним утром, «Никак» поднял свои новые паруса и вышел в открытое море. Попутный ветер быстро погнал его к горизонту и к полудню, земля пропала из вида. Приключения начались на сотый день плавания, когда «Никак» окончательно покинул торговые маршруты, взяв курс на неизведанное. Внезапно их судно атаковал огромный кашалот. Гигант, по всей видимости, никогда не видел корабля прежде и решил, что это другой, очень странный кашалот, и решил прогнать незнакомца. Он подплывал то с одного борта, то с другого и бился головой, да так сильно, что «Никак» кренился и трещал по всем швам. Матросы попытались отогнать морского исполина выстрелами из пушки, но ядра скользили по мокрой шкуре исполина и уносились прочь, не причиняя животному никакого вреда,

и лишь распалая его ярость.

От очередного удара, «Никак» накренился так сильно, что его паруса коснулись воды и двое матросов упали за борт. Именно в эту минуту, на палубе появился взбешённый Амбибола, с ног до головы перепачканный куриными яйцами.

– Что тут происходит?! – завопил он. – Я в третий раз пытаюсь приготовить себе «Королевский омлет» с креветками и апельсинами, и в третий раз опрокидываю на себя сковородку! Тут что, буря?

– Нечто похуже! – отозвался один из матросов. – Кашалот!

– Кашалот? – близоруко прищурился Амбибола, а затем помрачнел. – Так вот кто мешает мне спокойно позавтракать! Ну, я ему сейчас покажу!..

Амбибола нырнул в трюм, а затем выскочил наружу с небольшим бочонком перца.

– Легук, Мина, скорее снова заряжай орудие, – приказал он. – Сыпьте перец, вместо ядра и готовьтесь стрелять по моей команде.

Близнецы проворно снарядили орудие и принялись ждать очередной атаки кашалота, которая не заставила себя ждать. Великан высунулся из воды и стремительно помчался к судну, намереваясь на этот раз покончить с ним. Когда до борта, оставалось менее 50 метров, Амбибола крикнул:

– Пли!

Орудие громыхнуло, и чёрное облако перца устремилось навстречу кашалоту. Едва вдохнув его, гигант завертелся на

одном месте и принялся оглушительно чихать, а потом, ушёл под воду и вынырнул только через десять минут, на большом расстоянии от корабля и более не приближался к нему ближе, чем на милю.

Упавших за борт матросов втащили на борт и корабль взял прежний курс.

– Ты спас нас, Амбибола, – сказала Мина. – Спасибо тебе.

– Ничего особенного, – скромно ответил изобретатель. – В следующий раз зовите меня сразу, а то я впустую потратил две дюжины отборных яиц. Где мне их теперь найти?..

Не успел экипаж толком оправиться от нападения кашалота, как на 111 день, «Никак» попал в такой густой туман, что стоя на носу судна нельзя было разглядеть корму.

– Скверный туман... – шептались бывалые моряки. – Жди беды... В таком тумане пропадают суда и люди...

Три дня и три ночи корабль плыл вслепую. Три дня и три ночи, люди не видели дальше вытянутой руки, а на утро четвёртого дня, выяснилось, что пропал рулевой. Легук самостоятельно облазил снизу доверху весь корабль, но не нашёл его. Должно быть он оступился в густом тумане и упал за борт. Немедленно в воду полетели спасательные круги, и вся команда долго звала пропавшего, но в ответ до них доносился только плеск волн и скрип отсыревшего такелажа. Помрачневший Легук запретил ходить по верхней палубе в одиночку, но запрет не помог и той же ночью, пропало сразу двое моряков, отправившихся с носа на камбуз, чтобы помочь ко-

ку отнести ужин в кают-компанию.

– Это всё туман! – говорили оставшиеся моряки. – В нём скрывается сам морской дьявол! Нам нужно срочно возвращаться или мы все тут погибнем!

Однако близнецы и слышать не хотели о возвращении. Моряки настаивали и едва не устроили бунт, но в дело вновь вмешался Амбибола.

– Мы просто дураки, – сказал он матросам. – Никакого морского дьявола не существует и я докажу вам это. Я лично проведу ночь на вахте в полном одиночестве, и вы увидите, что ваши товарищи просто были неосторожны в тумане и свалились за борт.

Легук пытался протестовать, но Амбибола шепнул ему, что иного пути нет, а иначе на корабле начнётся мятеж.

– Я должен доказать этим суеверным простофилям что к чему! – сказал он.

Сварив себе два литра крепчайшего кофе, Амбибола занял свой пост ровно в полночь и в который раз заверил близнецов, что с ним всё будет в порядке.

– Да и что может случиться, – говорил он. – Я просто буду сидеть в тумане, пить кофе и глазеть в пустоту. Я не намерен разгуливать по палубе, так что успокойтесь и идите спать. Нам ещё понадобятся силы. Этот туман не вечен.

Немного успокоенные его словами, брат с сестрой разошлись по своим каютам и заснули, но около четырёх, когда Амбиболу должны были сменить, раздался тревожный гонг

и крики матросов.

– Он пропал! Амбибола пропал! Морской дьявол утащил и его! Поворачиваем! Скорее, поворачиваем назад!

Поняв, что дело плохо, Легук, прихватив с собой пару пистолетов, поднялся вместе с сестрой на палубу, где к нему кинулись обезумевший от страха экипаж.

– Капитан, – закричали они, – мы все сгинем в этом проклятом тумане! Нам нужно возвращаться! Недаром этим мест нет на карте! Тут живёт морской дьявол! Поворачивайте назад! Поворачивайте!

Легук попытался успокоить матросов, но те не желали слушать и тогда, он вытащил пистолеты.

– Слушайте меня, – сказал он грозно. – Тот, кто тронет штурвал без моего разрешения, будет застрелен на месте. «Никак» не изменит свой курс и пойдёт дальше. Мы либо прорвёмся через этот ужасный туман, либо он поглотит нас. Что же касается тех трусов, что желают покинуть корабль, то они могут взять одну из шлюпок, запас провизии на 10 дней и убраться ко всем чертям! Есть такие желающие?!

Матросы переглянулись, пошептались и замотали головами.

– Нет... Мы остаёмся...

– В таком случае, слушайте мой приказ, – сказал Легук. – В этом тумане скрывается нечто, и это уже нечто утащило четверых наших товарищей. Если мы не сразимся с ним сейчас, когда у нас ещё есть силы, то оно неминуемо победит и

«Никак» станет кораблём призраком.

– Но что нам делать? – спросили матросы. – Никто не может победить морского дьявола!

– В таком случае, – сказала Мина, выступая вперёд, – мы дадим этому дьяволу такую взбучку, что в следующий раз он дважды подумает, прежде чем нападать на блуждающие в тумане корабли!

Матросы приободрились и закивали головами в знак согласия.

– Мой план таков, – сказал Легук, понижая свой голос до шёпота. – Мы с Миной поднимемся на мачту на место вперёдсмотрящего, и будем играть роль приманки. Остальные разделятся на две группы, вооружатся кортиками и гарпунами, спрячутся носу и на корме корабля и будут ждать нашего сигнала. Как только услышите выстрелы – выскакивайте наружу и кто-бы не оказался на палубе, хоть сам морской дьявол, рубите и колите его безо всякой пощады. Всё ясно? А ещё, нам понадобятся все наши рыболовные сети...

Через час всё было готово. Две группы вооружённых матросов спрятались в кормовых и носовых постройках, а отважные близнецы вскарабкались на мачту и заняли пост в корзине. С собой у них большая аккуратно сложенная рыболовная сеть.

– Держись, сестрёнка, – сказал Легук, проверяя свои пистолеты. – Если станет страшно, прячься за меня...

– Вот ещё! – фыркнула Мина, поправляя длинный кортик

на своём поясе. – Захочешь поплакать – я рядом...

Они обменялись насмешливыми взглядами и замолчали, всматриваясь в клубящуюся мглу. Ждать пришлось недолго...

Едва на корабле затихли все звуки, как оба близнеца услышали странные всплески вокруг судна. Туман был слишком густым, чтобы рассмотреть что-либо, и всё же, обоим близнецам показалось, что из глубин моря к кораблю тянутся какие-то длинные белесые змеи...

– Приготовься! – чуть слышно прошептал Легук, берясь за один край сложенной сети.

– Да, – одними губами ответила Мина, берясь за второй.

Огромные змеи, почти неразличимые в тумане, опустились на палубу «Никак», а затем, точно почувствовав присутствие людей на мачте, обвились вокруг неё и поползли вверх. Когда они достигли корзины, Легук кивнул и тонкая, но очень прочная сеть полетела вниз. Вслед за ней в тумане прогремели два выстрела, и раздался оглушительный свист.

– Вперёд! – донеслось в ответ с обоих концов палубы, и матросы ринулись на врага, пронзая запутавшихся в сети змей кортиками и гарпунами.

При ближайшем рассмотрении, змеи оказались щупальцами огромного глубоководного спрута. Он был настолько стар, что потерял свой окрас и его гигантские щупальца практически сливались с туманом. Это позволяло ему неза-

метно подкрадываться к людям несущим вахту на корабле и похищать их. Поняв, с кем они имеют дело, Легук закричал с мачты.

– Смелее ребята, это обычная склизкая тварь, что живёт в море! Пригвоздите её щупальца к палубе своими гарпунами, чтобы она не смогла ускользнуть, и мы покончим с ней раз и навсегда!

Сами близнецы отчаянно отбивались в своей корзине от атакующих их щупалец. Мина яростно колола их своим кортиком, а Легук, поняв, что стрелять бесполезно, колотил врагов рукоятками своих тяжёлых пистолетов.

Услышав клич капитана, матросы удвоили свой пыл и вскоре все щупальце, что набросились на корабль, были либо обрублены, либо приколоты к палубе, так что огромный спрут не мог сбежать обратно в глубину океана. Его безразмерное студенистое тело покачивалось на волнах рядом с правым бортом «Никак», оставив всякие попытки вырваться и при виде него, матросы испустили ликующий вопль.

– Вот ты и попался, морской дьявол! – шумели они, толкаясь у борта, чтобы лучше разглядеть обессиленную машину. – Теперь ты за всё ответишь!

Легук приказал спустить шлюпку с левого борта и, вооружившись самым длинным гарпуном подплыл к чудовищу. Монстр смотрел на людей двумя чёрными глазами, и когда лодка приблизилась вплотную, попытался навалиться на неё, чтобы утопить, но Легук опередил его и вонзил гарпун в го-

лову морского чудовища. Спрут забился в агонии, подняв вокруг себя настоящую бурю, но затем стих и закачался на волнах точно огромная порция белого желе. Именно тогда, кто-то из матросов разглядел слабое сияние, исходящее из недр монстра.

– Давайте втянем его на палубу, – предложила Мина. – Быть может, мы найдём внутри что-то интересное.

Спрута обмотали верёвками и с помощью лебёдки частично втащили на палубу, так как весь он на ней не умещался. Вооружившись острой саблей, Легук вскрыл спрута и к своему неописуемому удивлению и радости, обнаружил в пещероподобном желудке глубинного монстра живого и невредимого Амбиболу, который, чтобы привлечь к себе внимание жёг спички! Там же нашлись и другие пропавшие члены экипажа. Правда, пропавший первым рулевой пробыл в желудке чудовища слишком долго, и его не удалось спасти, но двое других матросов, благодаря стараниям Амбиболы, вскоре поправились и продолжили свою нелёгкую службу.

– Как же мы рады тебя видеть, дружище, – сказали близнецы, обнимая исследователя. – Расскажи, как это случилось?

– Честно говоря, – покраснел Амбибола, – выпив весь запас своего кофе, я крепко заснул и очнулся только внутри этой твари. Поначалу, я не понял, где оказался, и даже было подумал, что вы решили меня разыграть, но тут, я увидел наших пропавших товарищей и сразу обо всём догадался. Я исследовал весь желудок и рассчитал, что воздуха нам долж-

но было хватить на несколько дней. Судя по костям внутри, этот монстр совсем недавно основательно подкрепился крупной касаткой и атаковал наш корабль больше от жадности, нежели от голода больше. Это его и погубило. Я не сомневался, что вы не сдадитесь без боя. В тот момент, когда я услышал выстрелы и удары гарпунов, мы тоже начали колоть негодя острыми осколками костей изнутри, так что ему пришлось несладко. Потом, видя, что вы не торопитесь освободить нас, я зажёл последние спички, чтобы подать вам знак, ну а дальше вы всё знаете. Боже, как же это приятно, дышать свежим морским воздухом! И бога ради, кто-нибудь, скорее приготовьте мне самый большой омлет, который только можно приготовить на нашей плите. Я умираю от голода!

Мина лично занялась омлетом для Амбиболы из тридцати трёх яиц, и тот съел его весь до последней крошки, а после, занялся тем, что начал снимать шкуру со спрута.

– Я сделаю из него оболочку для своего дирижабля, – объяснил он свои действия изумлённому экипажу. – Это же огромная удача, что меня проглотил гигантский спрут! Теперь у меня есть превосходный материал для строительства. Его кожа невероятно прочная и эластичная. Я заштопаю дырки от гарпунов, сделаю внутри бамбуковые распорки и...

Амбибола захолопал себя по голове.

– Дальше я ещё не придумал, но он у меня обязательно

полетит! Клянусь честью! И назову я его «Морским дьяволом»!

Через три дня туман начал редеть, а спустя ещё сутки растаял без следа. Вокруг вновь докуда хватало глаз лежала бескрайняя водная равнина и «Никак», стряхнув сон и налипшую на паруса сырость, помчался вперёд, навстречу новым испытаниям.

На 186 день плавания, на горизонте показалась небольшая гряда островов. Поочерёдно разглядывая их в подзорную трубу, близнецы увидели множество зелени и решили причалить, чтобы пополнить запасы пресной воды, запастись свежими фруктами и, если на острове жили люди, узнать, не известно ли им что-нибудь о Бронзовой башне. Легук и Мина не расставались с мечтой найти её и получить свои собственные сновидения. Это решение было встречено дружным криком радости экипажа. Матросы соскучились по твёрдой земле, а Амбибола строил грандиозные планы по нахождению на острове птичьих гнёзд, так как запас куриных яиц давно подошёл к концу и он уже более месяца не кушал своего любимого омлета.

– Я слышал, что на свете существуют гигантские птицы, которые не умеют летать, но великолепно бегают и несут огромные яйца, – говорил он, нетерпеливо прохаживаясь по палубе. – Может они живут здесь? О, как бы я хотел попробовать омлет из таких яиц! Впрочем, сейчас я согласен и на воробьиные...

В закатных сумерках, «Никак» бросил якорь недалеко от берега, но разведку новых земель решено было отложить до утра.

– Поставьте часовых на носу и на корме, зарядите все орудия, зажгите фонари и смотрите в оба, – распорядился Легук. – Неизвестно кто обитает на этих островах. Быть может, тут живут дикари-людоеды. Они не должны застать нас врасплох.

Матросы неохотно повиновались, так как желанный берег был всего в нескольких паре сотне метров, но приказ есть приказ. Орудия были заряжены, кормовые и носовые фонари зажжены и всю ночь на палубе раздавалась тяжелая поступь часовых. И всё же, ночь не прошла без сюрпризов...

Когда рассвет осветил море, на палубе слышались недоумевающие крики и Легук, мысленно представляя себе атаку воинственных туземцев на каноэ, бросился наверх. Однако, возгласы часовых были возгласами удивления, а не страха. Всё море вокруг корабля на многие десятки метров было усыпано крупными бело-розовыми цветами, похожими на кувшинки. Это было восхитительное и завораживающее зрелище, увидев которое, Мина даже заплакала от избытка чувств, так как никогда не видела подобной красоты. Амбибола выловил несколько цветков и тщательно их рассмотрел.

– В жизни не видел ничего подобного, – вскоре заявил он. – Одно могу сказать точно, эти цветы были срезаны всего

несколько часов назад и они явно оказались тут не по своей воле. Кто-то принёс их сюда и разбросал вокруг корабля, очевидно в знак приветствия.

– Это так мило, – сказал Мина, прижимая цветы к лицу. – И как сладко они пахнут! Точно они сотканы из мёда и абрикосового варенья.

– Что ж, – сказал Легук, который, отчего-то не разделял общего восторга, – как бы то ни было, цветы лучше, чем стрелы и копья... Мы высаживаемся. Приготовить шлюпку.

– Ура! – закричали матросы и бросились выполнять приказ.

– Ты остаёшься на корабле, – сказал Легук Мине, когда та хотела спуститься вслед за братом в лодку. – Это может быть ловушка. Мы всё как следует разведаем с Амбиболой, а потом, наступит твой черёд.

– Это нечестно! – воскликнула Мина. – Почему ты всегда решаешь, что мы будем делать! Я тоже хочу попасть на этот восхитительный остров и увидеть тех, кто дарит такие щедрые подарки. Им, должно быть, пришлось трудиться всю ночь, чтобы успеть срезать эти цветы и доставить их сюда до восхода!

Но Легук был неумолим.

– Мы не знаем, кто доставил эти цветы и зачем он это сделал, – сказал он. – Если на острове нас примут доброжелательно, то я немедленно сообщу тебе, но если там нас ждёт засада, то в неё попадут не все, и ты сможешь нас потом выз-

волить из плена.

Рассерженная Мина топнула ногой и, одарив брата гневным взглядом, удалилась в свою каюту.

– Присматривайте за ней, – сказал Легук матросам. – Что-то мне не по душе эти райские острова...

Три матроса во главе с Легуком и Амбиболой занял свои места в шлюпке и отчалил, и спустя несколько минут, ступили на белоснежный песок острова. Оставив одного из матросов караулить лодку, они двинулись вглубь пальмовой рощи и вскоре пропали из вида. Оставшиеся на корабле матросы с завистью смотрели вслед своим товарищам, и оттого не заметили, как с противоположного борта, выбравшись из окна своей каюты, в воду бесшумно спустилась Мина и, используя цветы в качестве прикрытия, поплыла к берегу. Поднявшийся лёгкий бриз упростил её задачу, погнав цветы к небольшой лагуне, так что никто из команды не заметил, как она выбралась из воды и нырнула в прибрежные заросли.

Тем временем, Легук и Амбибола осторожно пробирались по пальмовой роще и через несколько минут наткнулся на небольшое поселение. Несколько примитивных тростниковых хижин были обустроены на врытых в песок деревянных жердях, высотой около двух метров. Между ними дымилось пара костров и лежали остатки жареной рыба, но вокруг не было видно ни единой живой души. Только несколько ярких птиц, наподобие фазанов, задумчиво прогуливались по песку, нисколько не пугаясь людей.

– Похоже, это местные куры, – обрадовался Амбибола. – Держу пари, они несут отличные яйца! Цыпа-цыпа-цыпа...

– Но где же обитатели? Почему они спрятались? – недоумевали матросы.

– Они нас боятся, – сказал Легук. – Или делают вид...

– Кажется, я вижу одного, – вдруг сказал Амбибола, не прекращая попыток подманить курицу. – Вон он, прячется за пальмой. Ба, да там их трое! Нет, пятеро! Кажется, они всё же решились к нам подойти.

И действительно, в нескольких десятках шагов от команды, из леса выступили невысокие, причудливо раскрашенные люди. У некоторых из них в руках были копья, но большинство были совершенно безоружны и вели с собой своих детей.

– Приветствую вас, жители Райских островов, – громко провозгласил Амбибола и поклонился так низко, что его лысый затылок упёрся в песок. – Мы не причиним вам вреда. Нам только нужно немного чистой воды, свежих фруктов и чуточку яиц. Сотни три, не больше... Мы готовы щедро вам заплатить за них!

С этими словами Амбибола вытащил из своей сумки несколько блестящих безделушек и, положив их на песок, сделал шаг назад.

– Прошу вас, – сказал он, лучезарно улыбаясь. – Это подарок.

Туземцы внимательно выслушали Амбиболу, но никто из

них не решил приблизиться к незнакомцам.

– Прошу, – настаивал Амбибола. – Смотрите, какое чудо.

Он вытащил из кармана небольшое зеркальце и послал солнечного зайчика на лица туземцев. Поначалу те немного оробели, но затем, их восторгу не было предела. Они с хохотом гонялись за зайчиком, пытались схватить его и, когда им это не удавалось, хохотали ещё громче. Амбибола положил зеркальце подле остальных подарков и на этот раз, одна молодая девушка не выдержала, и опасливо подбежав к груде чудесных даров, схватила подарок и проворно умчалась прочь. Видя, что опасности нет, остальные члены племени без колебаний подошли к Амбиболе и разобрали остальные сувениры. Теперь было отчётливо видно, что самый рослый член племени едва доходил до груди Амбиболе, а дети спокойно бегали между его ног.

Старейшина племени приблизился к Легуку и жестами объяснил, что они рады гостям и готовы оказать им любую посильную помощь. Легук изобразил палочкой на песке то, что он хотел получить и вождь заверил его, что воды и фруктов на острове предостаточно. Что же до яиц, то они у племени Тхан-Гоуи (что, как выяснилось впоследствии, означало Великие люди), считаются большим деликатесом, так что они смогут выделить им не более десятка.

– Очень жаль, – сказал Амбибола, услышав такую весть. – Однако, я рад что встретил своих единомышленников в таком заброшенном уголке мира. Интересно, они умеют гото-

вить омлет?..

Остаток дня, путешественники провели в деревне, изучая быт и повадки туземцев. Только когда стало смеркаться, они отправились в сторону побережья.

– Зачем уходить? – жестами спросили их туземцы. – На острове много места. Мы дадим вам лучшую хижину. Оставайтесь и приводите остальных. Мы будем петь, танцевать у костра и пить пальмовое вино, а затем, вы сладко выспитесь на мягких сушёных листьях. Оставайтесь!..

– И правда, капитан, – взмолились матросы. – Давайте, примем их приглашение? Эти ребята совершенно безобидны. Да и росточком с гномов!

– Нет, – вежливо, но твёрдо ответил Легук вождю островитян. – У нас есть важные дела на корабле. Но мы искренне признательны за ваше приглашение и за вашу заботу. Мы вернёмся завтра и продолжим наше знакомство. Спокойной ночи.

Понуро попрощавшись, матросы поплелись на корабль, и только Амбибола шагал бодро и весело, так как ему удалось выменять свои золотые часы на 6 драгоценных яиц местных несушек.

– Я сделаю себе изумительный тропический омлет на кокосовом молоке! – бормотал он, бережно неся свою добычу в соломенной шляпе. – У меня уже слюнки текут! Ручаюсь, эти яйца по вкусу не уступают куриным, а может, и превосходят их...

Прибыв на корабль, Легук первым делом спросил о своей сестре. Узнав, что она до сих пор не выходила из своей каюты, он нахмурился и кинулся к ней, а обнаружив её исчезновение, взвыл от досады.

– Ну как я мог быть таким беспечным?! Я же знал, что она непременно попробует сбежать! А вы, остолопы, где были ваши глаза?

– К чему так волноваться, – заметил Амбибола. – Она сбежала, но она в полной безопасности. Эти островитяне мирный народ. Пусть она немного развеется и проведёт неуютную ночь на голом песке. Утром она сама вернётся...

– Да разуйте вы свои глаза! – перебил его Легук. – Вы что, совсем ослепли?! Туземцы не те, за кого себя выдают! Они людоеды! Неужели вы не заметили ничего странного?

На палубе повисла мёртвая тишина.

– Людоеды? – спросил побледневший Амбибола. – С чего ты взял? Чем тебе так не угодили эти милые островитяне? По-моему, они весьма любезный и гостеприимный народ. Ловят рыбу, разводят кур, собирают фрукты. Что не так?

Легук скривил губы.

– Вы все просто истосковались по земле, друзья мои, а те цветы совершенно лишили вас разума. Вы хоть видели их зубы? Они остро отточены! Неужели такие зубы нужны тем, кто питается свежими фруктами и печёной рыбой? Да и где эта рыба, о которой они говорили? Я видел только старые сети, которые почти истлели на ветру и горстку рыбьей че-

шуи. Весь день они угощали нас жареной курятиной и теми странными плодами, что росли по соседству с деревней. Вы помните их вкус? Их же невозможно было есть! Они совершенно не спелые, но туземцы всё равно сорвали их и предложили нам, видимо посчитав, что если фрукт покраснел, то его можно употреблять в пищу. *Да они просто понятия не имеют, какие фрукты можно есть, а какие нет!* Это же очевидно! И это ещё не всё. Вы заметили как ловко туземцы управлялись с моим топором? Послушать их, так они впервые держали его в руках, но не успел я и глазом моргнуть, как они с его помощью свалили большущую пальму. А мужчины? Вы видели их мужчин? Их у них почти нет! Только несколько дряхлых стариков и юношей, но так не бывает? Я насчитал более 30 женщин в племени и видел множество детей, но все взрослые мужчины, за исключением двух воинов, что охраняли вождя, куда-то подевались. Разве это не странно? Определённо они хотят выглядеть слабыми и беззащитными собирателями фруктов, в то время как их воины прячутся где-то неподалёку и готовятся напасть на нас, как только на берег ступит весь экипаж корабля или, по крайней мере, большая его часть.

– Боже мой, – воскликнул толстяк Амбибола и схватился за голову. – Теперь мне понятно, почему все они так странно смотрели на меня! Точно кошки на мышь. Но как же они рассчитывают нас одолеть? Они же совсем крохи! Я один легко управлюсь с десятком.

– Внешность обманчива, – покачал головой Легук. – Даже маленькая охотничья собака может загнать большого лесного зверя, а человеку мастерски владеющим копьём и отравленными дротиками, вовсе не обязательно быть гигантом. Да и кто сказал, что они нападают среди бела дня? Скорее всего, они подмешивают что-то в пальмовое вино, а затем набрасываются на спящих. Уверен, в этом принимает участи всё племя. У местных женщин повадки тигриц, а детские игры напоминают забавы волчат...

– Какой ужас! – выдохнул Амбибола и матросы. – Мы все едва не погибли!

– Теперь вы понимаете, почему я не рискнул остаться там на ночь, – сказал Легук. – Хотя они и хотят заманить к себе как можно больше людей, кто знает, что творится в голове у людоедов и когда им взбредёт в голову мысль поужинать...

– Что же нам предпринять? – слышались голоса. – Быть может, они уже схватили Мину и готовятся сделать из неё жаркое?

– Не думаю, – замотал головой Легук. – Даже если она и попалась им в лапы, они пока не причинят ей вреда. Они хотят заполучить нас всех в своё меню и для этого, похоже, готовы немного подождать.

– Так давайте сыграем в их игру, – предложил Амбибола. – Сделаем вид, что мы им поверили. Пополним наши припасы свежими фруктами, чистой водой и объявим во всеуслышание, что накануне отплытия мы придём к ним в гости

всем экипажем и устроим пир...

– А не лучше ли нам просто дождаться возвращения Ми- ны, поднять якорь и уплыть как можно дальше от этих жут- ких островов? – предложил кто-то из матросов. – Лучше пи- таться солониной и пить несвежую воду, чем есть фрукты и каждую минуту опасаться, что тебя самого могут съесть точ- но рождественского гуся!

– Конечно, можно поступить и так, – сказал Легук. – Я всего лишь ваш капитан и не могу заставлять вас делать то, что вы делать не обязаны, но подумайте, что будет с теми несчастными, что приплывут следом? Их встретят райскими цветами и улыбками, но затем... Вправе ли мы просто поки- нуть это место, зная, какую опасность оно представляет для других? Можем ли мы просто уплыть, предоставив другим самим позаботиться о себе? Сможем ли после этого уважать себя? Подумайте, друзья мои...

Команда загудела, точно рой пчёл и один рослый моряк выступил вперёд:

– Мы с вами, капитан! От Ливерпуля до Токио никто не посмеет сказать, что матросы с «Никто» трусы! Мы проучим этих негодяев не хуже, чем проучили кашалота и спрута! Ко- мандуйте, капитан, мы исполним ваш приказ!

– Я не сомневался в вас, – улыбнулся Легук. – Пока мой приказ будет простым – держите ушки на макушке и не поки- дайте корабль. На берег будет спускаться не более трёх чело- век за раз. Этого количества будет вполне достаточным для

того, чтобы переносить фрукты, что бы при этом не слишком раздражит аппетит островитян. А ещё, мне нравится идея Амбиболы. Завтра же я скажу вождю, что мы собираемся устроить грандиозный пир на берегу в честь нашего отплытия и придём в деревню все вместе. Это заставит их быть терпеливыми, а нам даст дополнительное время, чтобы составить хороший план атаки. Только бы с Миной всё было в порядке...

Следующим утром, Легук, Амбибола и ещё один доброволец, причалили к берегу и направились в деревню.

– Вас только трое? – жестаи спросил вождь, с трудом скрывая своё разочарование. – Где же остальные? Неужели мы чем-то вас обидели?

– Что вы, что вы, – рассыпался в любезностях Легук, – всё было великолепно! Просто матросы объелись свежими фруктами и у них болят животы. Думаю, это продлится несколько дней, но они будут в полном порядке к моменту прощального пира...

– Пира? – оживился вождь. – Какого такого пира?

– Праздника, который мы устроим в честь вашего гостеприимного племени, – ответил Легук, слегка кланяясь вождю. – Мы планируем спуститься на берег всем экипажем, приготовить наши лучшие кушанья, наполнить наши кружки пальмовым вином и веселиться до утра! Прошу не отказать нам в такой малости, ибо таков наш обычай...

– Чудесный обычай! – захлопал в ладоши вождь, обнажив

хищные зубы. – Мы с радостью принимаем ваше приглашение! Мы обожаем пировать с гостями...

– В таком случае, не поможете ли вы нам со сбором плодов? – спросил Легук. – Мы щедро заплатим.

– Мы сделаем всё, что пожелаете, – «великодушно» ответил вождь. – И мы не возьмём с вас никакой оплаты. Это наш обычай...

– Благодарю вас, – вежливо ответил Легук. – Вы необычайно щедры...

А про себя добавил: «Ну, конечно же, ты не возьмёшь с нас никакую оплату, ведь после того как ты нас убьёшь, весь корабль будет в твоём распоряжении... Интересно, где ты прячешь остатки тех кораблей, что заходили сюда прежде?..»

Вождь отдал приказы своему племени, и они распрошались с Легуком точно старые друзья. На обратном пути к кораблю, Амбибола спросил Легука, почему тот ни словом ни обмолвился о Мине.

– Потому что если она у них, то вождь всё равно не признается, – ответил Легук. – Если же нет, то своим вопросом я привлеку к ней внимание, и он немедленно начнёт её поиски.

– Но так не может продолжаться бесконечно, – воскликнул Амбибола. – Мы должны что-то предпринять? Нам нужно её найти!

– И мы найдём её, – ответил Легук. – Всё, что ей нужно сделать, это закрыть глаза и заснуть. Ты не забыл, мы ведь видим с ней один сон на двоих? Что увидит она, то увижу и

я. Только вот она, почему то не спит уже больше суток... Я чувствую, как она устала и как ей тяжело, но она упорно не хочет закрыть глаза и помочь мне найти её... Что же случилось, сестрёнка?

А случилось следующее. После своего бегства с корабля, Мина, страшно довольная собой, решила самостоятельно исследовать остров и выяснить что к чему. Для начала, она исследовала побережье и вскоре наткнулась на туземную деревню. Из-за кустов она наблюдала разговор её брата с местным вождём и в один момент даже хотела выбраться и составить ему компанию, но затем, её внимание привлекло какое-то движение в соседней пальмовой роще, и она отправилась туда на разведку. К её удивлению, а затем к ужасу, она увидела в роще два десятка вооружённых до зубов туземцев, которые, так же как и она наблюдали за её братом и его товарищами. Их тела были покрыты жуткими рисунками, лица вымазаны красной краской, на которой сверкали остро отточенные зубы. Они явно были настроены не очень-то дружелюбно, и в любой момент были готовы наброситься на чужестранцев. Но вот, из деревни в их сторону двинулся мальчик. Со скучающим видом он дошёл до края рощи, но едва скрывшись из вида, оскалился точно волчонок и побежал к воинам. Он сказал им несколько слов, из которых Мина ничего не поняла, но судя по общему вздоху разочарования, нападение откладывалось и у неё отлегло от сердца. Воины что-то сказали мальчику и он, сорвав несколько

красных плодов, двинулся обратно в деревню.

«Да, тут дело нечисто, – поняла Мина, осторожно выбираясь из рощи и направляясь к берегу. – Похоже, мой брат был прав, и цветы лишь сыр на входе в мышеловку. Но, ничего, я всё узнала и первая предупреджу весь экипаж! Я молодец...»

Мина сов всех ног побежала к берегу, но, внезапно, земля под её ногами осела и она свалилась в старую охотничью яму, в которую туземцы загоняли диких свиней, пока те ещё обитали на острове. Она чудом не напоролась на торчавшие со дна острые колья, но вывихнула ногу, а вдобавок, оглядевшись по сторонам, обнаружила, что дно ямы кишит ядовитыми змеями...

Шум её падения и солнечный свет, проникший в яму, разбудили спящих змей. Они подняли головы и угрожающе зашипели, стараясь понять, кто осмелился потревожить их покой. Поняв, в какой она опасности, Мина не теряла ни секунды. Пока змеи приходили в себя, она сумела дотянуться до торчавшего из стены обрубка толстого корня, подтянутся на руках и в конечном итоге уселась на него верхом. Подняться дальше у нее не хватало сил, так как стены были глинистыми и скользкими, а повреждённая нога сильно вспухла и не желала повиноваться.

– Ничего, ничего... – бормотала Мина, глядя на рассерженных змей, что свивались в кольца внизу. – Я что-нибудь придумаю... Сейчас главное не свалиться... Змеи скоро успокоятся, и тогда я как-нибудь выберусь... Обязательно

но выберусь...

Змеи действительно вскоре успокоились и задремали, но как только Мина шевелилась, они открывали глаза и шипели. Нечего было и думать спускаться вниз, но и карабкаться вверх по отвесной стене тоже было невозможно.

«Что же мне делать? – размышляла Мина. – Как мне выбраться и предупредить всех? Я даже не могу закричать и позвать на помощь! Туземцы сразу найдёт меня и тогда мне точно несдобровать...»

Мина вспомнила их остро отточенные зубы, размалёванные лица, горящие глаза и поёжилась.

«Я лучше прыгну к змеям, чем дамся им в руки, – решила она. – Жаль брат не может увидеть того, что вижу я... Стоп! Он может, может увидеть то, что вижу я! Ну конечно!»

От радости, Мина едва не свалилась вниз, и змеи подняли свои головы.

– Спите, спите, – прошептала она. – Спите, и я засну, и постараюсь увидеть во сне это место и тогда, Легук тоже увидит это и придёт на помощь...

Мина закрыла глаза, так как давно хотела спать, но тут выяснилось, что когда дремота охватывала её сознание, она начинала соскальзывать с неудобного корня, прямо в логово змей. Девушка испробовала разные позы и даже пыталась держаться за корень зубами, но ничего не помогало. Едва её глаза закрывались, как она начинала неуклонно крениться в сторону и терять равновесие. Так она промучилась всю ночь

и с рассветом оставила эти попытки.

«Теперь мне нужно ждать до следующей ночи, когда мой вновь брат опять уснёт, – размышляла она, отчаянно зевая. – Я чувствую, что с ним всё в порядке, но надолго ли это? Догадался ли он, что туземцы опасны и хотят напасть на них? Есть ли у него план? Эх, в следующий раз обязательно послушаюсь его совета...»

Так прошёл ещё один день в змеиной яме. Мина боролась со сном, изнывала от жажды и голода, мучилась болью в ноге, но не сдавалась и даже напевала про себя весёлую песенку, про двух маленьких лисят, которые заблудились в лесу, но не упали духом и нашли дорогу домой. Когда же стало темнеть, девушка крепко вцепилась в корень и сказала себе:

– У тебя только один выход, спать с открытыми глазами. Я слышала что такое возможно. Давай, Мина, ты сможешь!

Задача оказалась непростой, и ближе к полуночи Мине стало казаться, что это невозможно, но затем, на какое то мгновенье, она заснула, при этом продолжая смотреть вверх, где меж пальмовыми листьями в небе маячили звёзды. И в тот же миг, эту картину увидел её брат, который специально лег спать раньше обычного и строго настроено запретил его будить.

– Ага, ты угодила в какую-то яму и, по всей видимости, не можешь оттуда выбраться без посторонней помощи... – бормотал он во сне. – И твоя нога... Похоже, ты её подвернула, когда свалилась... Я второй день чувствую боль в ле-

вой икре, тебе, должно быть, гораздо больней... Но что же на дне ямы?.. Я ничего не вижу... Постой, постой... О, боже, да там полно змей!.. Мне кажется, я слышу шум моря... Значит, ты недалеко от побережья... Держись, сестрёнка, я тебя выручу! Держись!..»

Легук проснулся и побежал к Амбиболе, чтобы посоветоваться.

– Отправляться на её поиски сейчас слишком рискованно, – сказал Амбибола. – Мы можем сами провалиться в подобные ямы, к тому же, туземцы могут нас заметить и опередить. Мы поступим иначе. Пока темно, ты и двое добровольцев доберутся до берега, и спрячутся в кустах, чтобы с первыми лучами солнца приступить к поискам. Я же отправлюсь к вождю и скажу ему, что ты очень занят сегодня и не сможешь навестить его.

Так они и поступили, и их план увенчался полным успехом. Пока Амбибола развлекал вождя, показывая ему карточные фокусы и поджигая увеличительным стеклом сухие листья, Легук и его товарищи обыскали берег и очень скоро обнаружили Мину. Они сбросили в яму верёвку, девушка обязалась ей, и они быстро вытащили её на поверхность. Потом они тайком добрались до поджидавшей Амбиболу шлюпки, дождались его возвращения и взяли курс на корабль.

– Уф, – отдувался Амбибола. – Я чувствовал себя рождественским пудингом! Все так и норовили отщипнуть он ме-

ня кусочек!

– Ты преувеличиваешь, – посмеивался над ним Легук. – Не такой уж ты и аппетитный...

– Смейся, смейся, – дулся Амбибола. – Но один я туда больше ни за что не пойду!

– В этом и нет больше нужды, – ответил Легук. – Туземцы собрали на берегу достаточно припасов. Завтра мы погрузим их на борт, а вечером, как и обещали, устроим им пир, который они никогда не забудут...

Однако, судьбе было угодно распорядится иначе.

Той же ночью, часовые на корабле увидели, как со стороны моря к берегу приближается флотилия из сотни чёрных каноэ. Поначалу, моряки решили, что это атака на их корабль и приготовили к бою орудия, готовясь встретить флотилию ядрами, но Амбибола уговорил Легука повременить открывать огонь и оказался прав.

Не снижая скорости, в полной тишине, пироги с двух сторон обогнули «Никак» и понеслись к берегу. На каждой лодке сидело десять воинов вооруженных легкими копьями и длинными трубками, с помощью которых они плевались отравленными дротиками. Челноки причалили к берегу левее и правее деревни. Без единого звука воины соскочили на берег и устремились в лес, откуда, вскоре, донесли ужасные крики, а чуть позже в небо взметнулись языки пламени. Крики раздавались несколько часов, после чего, на берегу вновь появились воины с длинными копьями. Они так же

молча погрузились в свои пироги и взяли курс в открытое море и к рассвету исчезли за горизонтом. Могло показаться, что всё произошедшее было сном, если бы не дым всё ещё поднимался над тем местом, где среди листвы скрывалась деревня людоедов.

– Кажется, пир состоялся без нас, – заметил Легук, разглядывая берег в подзорную трубу.

– Тем лучше, – сказал Амбибола. – Теперь нам остаётся лишь погрузить на корабль припасы, которые, как я вижу, остались нетронутыми и убраться подальше от этих жутких мест.

– Так мы и сделаем, – кивнул Легук и, обернувшись к матросам приказал. – Спустить шлюпку! Берите всё, что лежит на берегу, да смотрите, пошевеливайтесь, потому что в ровно полдень и ни одной минутой позже мы поднимем паруса!

Матросов не нужно было уговаривать. К полудню, приняв на борт изрядный груз свежих фруктов, «Никак» снялся с якоря и взял курс на юг, и когда злополучные острова скрылись из вида, все вздохнули с облегчением. Все, кроме Амбиболы.

– Что такое? – спросила его Мина. – Ты будто бы не рад, что мы убрались с этих островов?

– Я рад, – проворчал Амбибола. – Мне в жизни не было так страшно, но у меня нет ни одного яичка, чтобы сделать омлет, а когда у меня нет омлета, я грущу...

Так закончился 189 день плавания корабля «Никак» в по-

исках Бронзовой башни, но не закончились его приключения.

Через неделю плаванья при попутном ветре, судно неожиданно стало терять ход и вскоре замерло на месте. Это казалось невероятным, потому что паруса буквально лопались от напора, но факт оставался фактом – корабль стоял как вкопанный и совершенно не слушался руля.

– Что за чёрт, – сказал Легук. – Не могли же мы сесть на мель в открытом море!

– Может, нас опять схватил гигантский спрут? – предположила Мина.

– Выбора нет, – произнёс Амбибола, – кому то нужно спустится за борт и посмотреть, что случилось. Эй, а что это вы все так на меня уставились?..

– Всё равно лучше тебя с этой задачей никто не справится, дружище, – сказал Легук.

– Ладно, ладно, – заворчал Амбибола. – Спасу вас в который раз... С вас дюжина яиц...

– Десять дюжин, если скажешь, почему мы остановились, и исправишь поломку!

– За десять дюжин я решу любую задачу, – отозвался Амбибола и полез за борт.

Его не было всего пару минут, после чего он вынырнул из воды и закричал во весь голос:

– Это невероятно! Неописуемо! Вы должны это видеть! Все сюда! – после чего вновь исчез под водой.

– Не иначе, наш друг увидел огромный морской омлет, – заметил Легук.

– Или подводный дирижабль, – сказала Мина. – Спускаемся?

– Непременно!

Близнецы набрали в лёгкие как можно больше воздуха и нырнули вслед за Амбиболой. И сразу же их глазам представила потрясающая картина: пузырь воздуха размером с городскую ратушу неспешно дрейфовал в прозрачной воде. Его поверхность была оплетена скрученными в толстые верёвки водорослями, что не давало пузырю возможности лопнуть. Концы всех верёвок были сплетены в толстенный канат, который уходил в глубину и терялся из вида. Руль «Никак» крепко запутался в водорослях на верхушке пузыря, а натянул канат, удерживал корабль не хуже якорной цепи. Там и тут, вокруг пузыря мелькали какие-то стремительные, серебристые рыбы. Приглядевшись внимательнее, Легук понял, что это были крупные дельфины, но вместо плавников у них были человеческие руки...

От неожиданности, Легук вскрикнул, наглотался воды и вынужден был вынырнуть на поверхность. Через секунду там же оказалась Мина.

– Ты видела это? – закричал он. – Видела этих дельфинов?

– Да! – ответила Мина. – Как такое возможно?

– Не знаю. Надо спросить Амбиболу. Кстати, где он?

Амбиболы нигде не было видно и близнецы, вновь набрав

воздуха, нырнули под днище корабля в поисках изобретателя. Они приблизились к пузырю и подёргали искусно сплетенные верёвки, а затем одновременно увидели Амбиболу, радостно машущего им со дна пузыря.

– Сюда, сюда! – услышали они его приглушённый водой голос. – Протискивайтесь через верёвки и залезайте! Тут можно дышать!

Недолго думая, Легук с Миной последовали совету друга и влезли в пузырь сначала по плечи, а затем целиком. Так как ничто их больше не удерживало, они полетели напрямик на дно, в объятия Амбиболы и запрыгали на нём как на батуте.

– Так будет выглядеть мой дирижабль изнутри, – ликовал Амбибола, ощупывая стены пузыря. – Чудесно, просто чудесно! Какая изумительная идея! Какое гениальное решение! Я желаю познакомиться с тем, кто это сделал немедленно!

В тот же миг, в пузырь протиснулась голова дельфина и друзья услышали:

– Нет ничего проще, уважаемый. Этот пузырь создал я, как и многие другие постройки в нашем городе. И спасибо за похвалу. Её всегда приятно услышать.

Близнецы не сразу поняли, что дельфин говорит, не открывая рта, но Амбибола сразу же смекнул в чём дело.

– Вы читаете наши мысли? – спросил он и в ответ, дельфин утвердительно закивал головой и изобразил некое подобие улыбки.

– Но это невозможно? – воскликнула Мина.

– Отчего же, любезная Мина? – услышала она голос дельфина в своей голове. – В этом нет ничего сложного, если вы человек-дельфин. Мы можем читать мысли любого живого существа и общаться с ними путём телепатии. Это наш дар и наше наказание...

– А откуда вы знаете моё имя? – спросила девушка.

– О, – засмеялся дельфин, – это совсем просто. Большинство людей только и делают, что думают о себе и постоянно повторяет своё имя, даже не замечая этого...

Девушка покраснела, и дельфин поспешил добавить:

– Простите, любезная Мина. Я нисколько не хотел вас обидеть. Я знаю, что вы также думаете о своём брате и друзьях. Просто люди-дельфины всегда говорят то, что думают. Такова наша особенность. Я вижу, вам троим нетерпится увидеть наш подводный город, не так ли?

– Да, – без тени смущения заявил Амбибола, – нетерпится!

– В таком случае, я его вам покажу, – ответил дельфин. – В качестве извинений за то, что наш воздушный шар, с помощью которого мы пополняем запасы воздуха в нашем городе, задержал ваш корабль. Нам потребуется некоторое время, чтобы распутать верёвки, чтобы вы продолжили своё плавание, а пока, прошу, будьте нашими гостями. И не волнуйтесь за людей наверху – мы предупредим их, что вы немного задержитесь.

Дельфин на некоторое время исчез, а затем вновь протиснул голову в шар.

– Следуйте за мной, друзья и ничего не бойтесь. Мы доставим вас в город Уимнул быстрее, чем вы успеете охнуть. Кстати, меня зовут Уэ.

Путешественники по очереди протиснулись наружу, где каждого из них ожидал человек-дельфин с небольшим пузырьком воздуха в руках – маленькой копией большого.

– Оденьте их на голову, – сказал Уэ. – Так вы сможете дышать во время нашего погружения.

Дельфины подхватили людей и помчались вниз, вдоль каната. Постепенно, солнечный свет над их головами померк, и они продолжили погружение в полном мраке.

– Не бойтесь, – сказал Уэ. – Мы почти у цели. И, нет, мой дорогой Амбибола, люди-дельфины не угостят вас «изысканным подводным омлетом». Мы употребляем в пищу только рыбу, креветки и сладкие глубоководные водоросли.

Они спускались ещё пару минут, а потом, Мине показалось, что она видит внизу какое-то свечение. Она хотела спросить Уэ, что это, но он опередил её.

– Вам не показалось, милая Мина. Это свечение – плоды неустанного труда тысяч медуз отшельников. Мы специально ловим их по всему океану и приносим сюда. По отдельности, они почти не светятся, но если собрать их вместе, они становятся настолько раздражены компанией себе подобных, что сияют точно небольшие солнца. Они гаснут

только на одну ночь в году, в день весеннего новолуния. В эту ночь они полны любви к ближнему, так что через месяц на свет появляется множество крохотных медуз-отшельников. Мы даём им уплыть, чтобы они подросли, а затем снова ловим и запускаем в тончайшую сеть, парящую над городом. Впрочем, к чему слова, вы сейчас сами всё увидите...

Сияние усилилось, и друзья действительно увидели огромную сеть из тончайших серебристых нитей, а ней, тысячи сверкающих медуз. Дельфины замедлили скорость и поплыли над городом, чтобы люди могли как следует его рассмотреть.

– Мы начали строить Уимнул, что означает «убежище», более 300 лет назад, – тоном экскурсовода вещал Уэ. – Раньше, мы жили в прибрежных водах Светлых островов, у Большого рифа, вдоль которого можно было плыть целый день без остановки, и он всё не кончался и не кончался. Мы отлично ладили со всеми морскими обитателями, кроме тигровых акул. Они сразу невзлюбили нас и нападали при каждом удобном случае. Мы научились защищаться и держали этих тварей на расстоянии, и в целом, наша жизнь была чудесной. У нас было вдоволь еды и вдоволь простора чтобы всласть резвиться. Люди-дельфины, как и обычные дельфины, наши дальние родственники, обожают играть в догонялки среди морских волн и могут носиться друг за дружкой целые сутки. Словом, всё было отлично пока...

– Пока что? – спросила Мина.

– Пока не появился человек, я думаю, – ответил за Уэ Амбибола.

– Увы, ваш толстый друг прав, – сказал Уэ. – Первые люди, к которым мы подплыли, чтобы познакомиться ближе, завидев наши руки, подняли ужасный крик и стали метать в нас острые палки. Многие дельфины были убиты и ранены, а остальные скрылись в глубине. Мы долго недоумевали, почему люди, искренне любящие обычных дельфинов, так невзлюбили нас, пока не поняли, что они нас просто боятся. Да, Мина, именно страх делал их жестокими. В своём невежестве они приписывали нам ужасающие черты. Про нас думали, что мы похищаем заснувших моряков, нарочно путаем сети, сбиваем с курса корабли, попавшие в туман и множество других небылиц. На нас началась настоящая охота, а так как людей-дельфинов было не очень много, очень скоро мы были на грани исчезновения.

– Но почему же вы не могли сказать тем людям, чтобы они вас не трогали? – удивилась Мина. – Вы же можете проникать в разум человека. Отчего вы не объяснили им, что вы их друзья?

– Не всё так просто, моя милая Мина, – ответил Уэ. – Во-первых, чтобы проникнуть в мысли человека, необходимо, чтобы он оказался в воде. Во-вторых, когда человек сильно напуган, его мозг буквально парализован и проникнуть в него нам не по силам. В третьих, люди зачастую не слушают свой разум, а исполняют приказы. Мне не раз встреча-

лись моряки, которые бросали в нас гарпуны, исполняя указание капитана, но при этом, им было жаль нас. Люди весьма странные существа, Мина, можете мне поверить. Заметив, что наш пузырь столкнулся с кораблём и в воде появились люди, мы уже хотели обрезать канат и укрыться в глубине, но прочитав ваши чистые мысли, решили приблизиться. Мы знаем, что вы не причините нам вреда и никогда не расскажете, где находится город Уимнул, последнее убежище людей-дельфинов.

– Как печально, – подумала Мина, привыкая общаться без слов. – Мне очень жаль, что так получилось.

– Мне тоже, – ответил Уэ. – Словом, люди продолжали уничтожать нас при каждом удобном случае, специально разыскивая наши стоянки и преследуя в открытом море. Именно тогда, наши предки начали искать убежище, где бы они могли спокойно отдыхать и растить своих детей. До этого момента, мы не заплывали на большие глубины, страшаясь темноты и таившихся там хищников, но вскоре поняли, что глубина это наше единственное спасение. Корабли людей становились всё более быстрыми, а их оружие изощрённее. Мы жили в постоянной тревоге и страхе, и почти забыли, что такое игры. Главной проблемой было то, что мы, как и люди, дышим воздухом и должны каждые несколько минут подниматься на поверхность. Этим постоянно пользовались охотники, и едва мы выныривали, звучал выстрел или сверху падала сеть. Но мы нашли выход. На большой

глубине, между трёх больших скал, ценой огромных усилий мы сплели огромную сетку и наполнили её воздухом. Так поступают некоторые пауки, и мы научились у них обустроить свои подводные дома, а затем, превзошли их. Смотрите, видите вон тот шар внизу? Изначально это и был Уимнул. Мы не жили в нём, а только пережидали атаки людей, чтобы затем вновь подняться на поверхность. Но постепенно, город настолько разросся, что мы устроились тут основательно. Наши дети теперь вообще не поднимаются на поверхность до тех пор, пока им не исполнится 16 лет. К этому моменту они становятся достаточно сильными и мудрыми, чтобы избежать всех опасностей, которые поджидают человека-дельфина в океане. Вон тот купол, вокруг которого плавают несколько малышей, наш детский сад. Рядом – школа, где люди-дельфины изучают многие науки. Кстати, это мы придумали математику.

– А что находится вон в том куполе? – спросил Легук.

– Там расположена наша библиотека. Да, да, не удивляйтесь. В отличие от вас, мы пишем чернилами каракатицы на маринованных листах морского папоротника. Такие книги могут храниться под водой целую вечность...

Друзья долго плавали в тот день, слушая удивительные истории, что рассказывал им Уэ, пока, наконец, не пришла пора прощаться.

– Мы освободили ваш корабль, и вы можете продолжить свой путь. Жаль, что не пригласить вас остаться дольше и

показать всё – не все люди-дельфины довольны вашим появлением. Почти все из нас потеряли своих родственников при встрече с людьми и хоть мы понимаем, что вы другие, всё же, вам пора.

– Мы понимаем, – подумали Мина. – А кого потеряли вы, Уэ?

– Старшую сестру, – ответил он. – И сам я однажды угодил в людские сети и чудом избежал смерти, но это в прошлом. Знаете, несмотря на все трудности, люди-дельфины не теряют надежды, что когда-нибудь в будущем, люди изменятся, и мы вновь сможем жить и растить детей под настоящим солнцем.

– Так и будет, – подумал Амбибола, на которого Уимнул произвёл неизгладимое впечатление. – Обещаю, когда я построю достаточно большой дирижабль, я обязательно возьму вас на борт и покажу вам наши города. Поверьте, среди них есть не менее прекрасные, чем Уимнул.

– Я верю, – улыбнулся Уэ. – Я вижу их в ваших мыслях и надеюсь когда-нибудь увидеть их воочию. А теперь, прощайте. Точнее, до свидания... Мои товарищи поднимут вас наверх, а мне нужно остаться. Напоследок, я хочу сказать вам кое-что. Я не вправе открывать эту тайну, но сделаю это, потому что вы уничтожили одного из наших злейших врагов – гигантского спрута.

– Что же это за тайна? – воскликнула Мина.

– Тайна, это место расположения острова, который вы так

давно ищите, – ответил Уэ. – Только прошу, не думайте так громко, а то мне влетит!.. То, что вы ищите, находится в 30 днях пути от этого места. Держите курс на зюйд-зюйд-вест, и вы окажетесь там.

– И найдём Бронзовую башню?! – восторженно прошептала Мина.

– Там вы найдёт всё, что ищите, – ответил Уэ. – Счастливого пути.

– До свидания, Уэ! Мы никогда не забудем тебя!

– Я знаю, – ответил Уэ. – Не забудьте – зюйд-зюйд-вест. И ещё... Когда будете рядом, не вертё своим глазам...

– Что ты имеешь в виду? – спросил Легук, но Уэ уже помахал рукой на прощанье и поплыл к городу, а он и его друзья, подхваченные под руки другими людьми-дельфинами, помчались ввысь.

Взволнованная команда встретила их радостными возгласами и бесконечными расспросами, но они отвечали односложно, ни словом не упомянув людей-дельфинов.

– Говорю же вам, мы повстречали подводного мага, – говорил Амбибола, когда матросы, поняв, что от близнецов не добиться правды, окружили его.

– И какой он? – спросили моря, обожавшие истории о загадочных подводных обитателях. – На кого он похож? У него есть плавники? А щупальца? Сколько у него голов?

– Тише, тише, – сказал Амбибола, незаметно подмигивая Мине. – Я отвечу на все ваши вопросы, только спрашивайте

по одному. Он похож на маленького слона с головой акулы и лягушачьими лапами, но вообще-то, он может принимать любые обличья. Что? Плавники? Да, плавники у него тоже есть. Целых 18 штук и на каждом по глазу. А ещё...

Моряки слушали изобретателя разинув рот, а тот, видя каким успехом пользуется его рассказ, окончательно дал волю своему воображению, придумывая на ходу самые невероятные подробности своего путешествия по глубинам океана.

– Кажется, он нашёл своих слушателей, – усмехнулся Легук, глядя как матросы не отходят от Амбиболы ни на шаг.

– Тем лучше, – отозвалась Мина. – Никто не должен знать о людях-дельфинах. По крайней мере, пока.

– И никто не узнает, – ответил Легук. – Ну, что, курс на зюйд-зюйд-вест?

– Так точно, капитан, – засмеялась Мина. – Неужели всего через месяц мы найдём то, что так давно ищем?

– Я надеюсь, сестрёнка, я надеюсь. Только сдаётся мне, что Уэ сказал нам не всё.

– И мне так показалось, – кивнула Мина. – Но я ему доверяю.

– Тогда – полный вперёд!

25 дней «Никак» держался заданного курса и мчался по волнам подобно птице, но на исходе 221 дня путешествия, ветер резко сменил направление и начался шторм. Двое суток корабль швыряло по волнам точно щепку и в какой-то момент, чтобы судно не перевернулось под яростными по-

рывами ветра, экипажу пришлось срубить обе мачты. Вдобавок ко всему, судно дало течь и вода начала заполнять трюм. Воду приходилось вычерпывать вручную, но, несмотря на все усилия, она неуклонно продолжала прибывать и «Никак» опускался всё ниже и ниже, грозя пойти ко дну. Волны захлёстывали палубу, сметая всё на своём пути, заставляя корабль стонать, и трещат по швам, и всё же, «Никак» держался.

На третий день, когда палуба того и гляди должна была уйти под воду, ветер начал стихать. Обессиленный каторжным трудом и бессонницей экипаж удвоил свои усилия и к закату, когда волны уменьшились втрое, очистили трюмы от воды и законопатили все дыры. После чего, все без исключения уснули, даже не выставив никого на вахту, так как корабль, помимо потери обеих мачт, повредил руль и в любом случае был неуправляемым. Утомлённые люди проспали почти сутки и могли бы спать больше, но громкий стук по борту корабля и шаги на палубе заставили их открыть глаза.

– Что происходит?! – воскликнул Амбибола, которому снился омлет из огромных яиц. – Эй, там, на палубе, поти...

– Тсс! – заткнул ему рот Легук, глядя в щель палубы. – Тихо. Это пираты...

Амбибола округлил глаза и слегка побледнел.

– И что нам теперь делать? Наши пушки нам теперь вряд ли пригодятся, пираты уже не палубе. Как нам быть? Неужели сдаваться?

– Ни за что! – прошептала Мина. – Мы будем драться!

– Спокойно, спокойно, друзья, – сказал Легук. – Ещё не всё потеряно. Они думают, что корабль брошен. Давайте быстро спрячемся в углу трюма под парусом. Пусть они решат, что корабль в их полном распоряжении, а там посмотрим...

Так они и поступили. Пираты, наскоро осмотрев полупустые трюмы (так как во время шторма, чтобы не пойти ко дну, за борт были выброшены практически все припасы) и занялись починкой руля. Даже потрепанный бурей «Никак» был ценной добычей. Его можно было отремонтировать и выгодно продать или сделать новым пиратским флагманом. К вечеру пираты закончили ремонт, взяли «Никак» на буксир, после чего, оставив на нём несколько человек, удалились на свой корабль, и начали праздновать свою победу. Их крики были слышны до глубокой ночи, но к трём часам утра всё стихло.

– Пора, – сказал Легук. – Действуем согласно плану. Амбибола – вся надежда на тебя. Если тебе не удастся запустить свой чудо-парус, которому не требуется мачта, мы пропали.

– Дайте мне один час, и мы умчимся отсюда быстрее ветра! – ответил изобретатель, который давно вынашивал идею усовершенствования парусов. – Главное правильно всё закрепить...

– У тебя будет только четверть часа и ни минутой больше, – ответил Легук. – А мы в это время навестим пиратский

корабль. Ты готова, сестрёнка?

– Жду не дождусь, – ответила Мина. – Ненавижу пиратов...

По команде Легука, матросы выбрались на палубу, связали мирно похрапывающих разбойников и заткнули им рты. После чего, Амбибола начал возиться с принесённым из трюма парусом и верёвками, обещая дать кораблю ход, а близнецы, переодевшись в пиратскую одежду, перебрались по канату на соседний корабль. Покачиваясь точно пьяные, они миновали дремавших часовых и спустились в трюм.

– Ищи бочки с порохом, – шепнул Легук. – Я насчитал у них 12 орудий, значит, и пороха тут должно быть немало...

Не рискуя зажигать свет, они облазили трюм и наконец, в дальнем углу, Мина нашла большой бочонок с порохом.

– Отличная работа, сестрёнка, – похвалил её брат. – Теперь нужно сделать в нём небольшую дырку, вставить фитиль, поджечь его и надеяться, что у Амбиболы всё получится, потому что в противном случае мы все взлетим на воздух...

На обратном пути, Легук случайно наступил на руку спящего пирата и тот поднял крик. Мина огрела разбойника валившейся подле него пивной кружкой, но было поздно. Весь корабль пришёл в движение и пираты, ещё толком непонимающие что происходит, разом загалдели.

– Скорее на «Никак», – крикнул Легук, хватая сестру за руку.

Они побежали на корму, на ходу расталкивая сонных пиратов, быстро перелезли на свой корабль и перерубили буксировочный канат. К этому моменту разбойники пришли в себя и стали стрелять в беглецов, но те успели укрыться в капитанской рубке и пули не причинили им вреда.

– Амбибола, – закричал Легук, – у нас осталось меньше пяти минут! Всё готово?

– Почти, – отозвался Амбибола, продолжая возиться с верёвками лежа на палубе под градом пуль. – Я немного не уверен в своих расчётах. Кажется, мне следует немного укоротить основную верёвку и удлинить направляющие...

– Нет времени! – закричала Мина. – Ставь парус и уводи нас отсюда! Сейчас!

– Ну, если вы так настаиваете... – обиженным тоном произнёс Амбибола, который не выносил спешки во время испытаний. – Но учтите, корабль может немного качать, так как я не...

– СКОРЕЙ! – закричал хором весь экипаж.

Амбибола пожал плечами и махнул четырём матросам, которые лежали рядом, держа в руках свёрнутый парус. Они вскочили на ноги, развернули его, и побежали по палубе держа его высоко над головой, точно запускали гигантского воздушного змея. Поднимающийся утренний бриз подхватил парус и начал поднимать его всё выше и выше, разворачивая полотнище вовсю ширь, в то время как Амбибола колдовал с верёвками, соединявшими парус с кораблём. Ко-

гда парус поднялся на несколько десятков метров над «Никак» и полностью развернулся, он резко наполнился ветром и рванул ввысь с такой силой, что все стоявшие на палубе люди рухнул. Легук кинулся к рулю и направил судно в сторону от пиратского корабля, который разворачивался, для того чтобы повторно взять «Никак» на abordаж. Пираты готовили орудия и выкрикивали угрозы в адрес беглецов, когда страшный силы взрыв потряс воздух. Огромный столб пламени взметнулся над пиратским кораблём, разломив его надвое. Какое-то время половинки пиратского корабля продолжали плыть, как ни в чём небывало, но затем опрокинулись в разные стороны и стремительно затонули. Оказавшись в воде пираты стали хвататься за обломки, а «Никак», с оглохшим на некоторое время экипажем, стремительно удалялся, вновь ложась на курс зюйд-зюйд-вест. Чудо парус, который изобрёл Амбибола, работал изумительно и «Никак» двигался даже быстрее обычного.

– Это потому, что мы избавились от тяжёлых мачт и лишнего такелажа, – важно пояснял гордый собой изобретатель. – Скоро, я усовершенствую свой безмачтовый парус и, поверьте моему слову, придёт время, когда все корабли мира от мала до велика, избавятся от громоздких мачт, и буду бороздить просторы океана только лишь с помощью моего изобретения! Я назову его... я назову его... я назову его Летучий Парус Амбиболы. Уверяю, это будет одно из самых великих изобретений человечества, после моего дирижабля

разумеется, и... оmlета.

– А что нам делать с пленными пиратами, капитан, – спросили моряки Легука. – Столкнуть их за борт? Пираты всегда так поступают с пленниками. Они заслужили хорошенькое купание...

– Быть может, но мы-то не пираты, – ответил Легук, посовещавшись с сестрой. – Мы высадим их на первом же необитаемом острове. Пусть узнают, каково это добывать себе пропитание честным трудом.

Так закончился 225 день экспедиции корабля «Никак» и на этот раз он был как никогда близок к своей цели.

Через два дня, благодаря удивительному Летучему Парусу Амбиболы (или, как его меж собой окрестили матросы – Коршуну, так как он постоянно парил над их головой, распугивая чаек) «Никак» должен был вот-вот наткнуться на таинственный остров, о котором друзьям поведал Уэ. Однако, прошёл ещё один день, затем другой, третий, а острова всё не было и не было видно. На бешеной скорости «Никак» бороздил море вдоль и поперёк, в поисках земли, а Легук с Миной, целыми днями напролёт до рези в глазах разглядывали горизонт, но ничего не находили.

Ещё через неделю поисков, на корабле закончились те скромные остатки съестных припасов, что не были выкинута за борт во время шторма. В день каждый член экипажа получал по одному небольшому сухарю и чашке воды. Иногда матросам удавалось поймать немного рыбы и разнообразить

зить свой рацион, но в целом, ситуация была удручающей.

– Неужели Уэ просто посмеялся над нами? – снова и снова спрашивали себя близнецы. – Но зачем? Чтобы отомстить людям? Но он мог запросто утопить нас или сделать своими пленниками. И зачем он тогда показал нам Уимнул? Нет, тут что-то не сходится...

– Мне не дают покоя его последние слова, – сказал Легук, на исходе ещё одного безрезультатного дня поисков, собрав Мину и Амбиболу. – Что Уэ имел в виду, говоря, что «нам не следует верить своим глазам»? Я не понимаю!

– Люди-дельфины очень прямолинейны, – сказал Амбибола, который никак не мог забыть, что Уэ обозвал его толстяком. – Быть может нам следует понимать его слова буквально?..

– Предположим, и что нам делать? – буркнул Легук. – Я уже голову сломал над этой загадкой! Неужели нельзя было сказать как-то иначе?!

– Он читал наши мысли, – сказала Мина, – а раз так, он был уверен, что мы догадаемся.

– Похоже, со мной он дал маху, – воскликнул Легук. – Я совершенно ничего не понимаю!

– Я думаю, – задумчиво пробормотала Мина, – что нам не стоит выискивать землю на горизонте. Нам нужно просто плыть в ту сторону, которую он нам указал и всё.

– И всё?! – выпучили глаза Амбибола и Легук. – Просто плыть вперёд, даже если там ничего нет?

– А что если там что-то есть, но мы этого просто не видим, а? – ответила вопросом на вопрос девушка. – Подводный город людей-дельфинов тоже невидим для тех, кто не знает, где он находится.

– А это идея... – задумался Амбибола. – Нам стоит попробовать.

– Хорошо, – согласился Легук. – Но если ничего не получится, мы поплывём дальше в поисках земли, чтобы пополнить провиант. У нас просто нет выбора.

На следующий день, уточнив курс, «Никак» двинулся вперёд.

– На горизонте чисто, – сказал Легук сестре. – Неужели ты и вправду думаешь, что там что-то есть?

– Я чувствую это, – сказала Мина. – Ты мне веришь?

– Да, – кивнул Легук. – Весь вопрос в том, как долго нам будет верить экипаж... У всех усталый вид. Они пережили атаку кашалота, нападение спрута, столкновение с людоедами, жуткий шторм и встречу с пиратами. А теперь их ещё и голодом морят! Их терпению и отваге скоро придёт конец, и в этот раз у меня рука не поднимется взяться за пистолеты.

– Знаю, знаю, – сказала Мина, – но я уверена, мы близко. Остров совсем рядом. Нужно только сделать последнее усилие и мы там.

– Надеюсь, ты права, – кивнул Легук. – Пойду, раздам оставшиеся сухари...

Несколько часов корабль упрямо рассекал волны на пол-

ной скорости, без малейшего признака земли по курсу, как вдруг, впереди показался корабль идущий им навстречу. Легук поднёс к глазам подзорную трубу и оторопел. Он торопливо протёр линзы и снова уставился на приближающееся судно и затряс головой.

– Что за чёрт! – только и смог вымолвить он, передавая трубу Амбиболе. – Как такое возможно?!

Амбибола прильнул к трубе и вскрикнул от удивления.

– Постойте, – залепетал он, – но... как это?.. Так не бывает! Что такое? Может это мираж?

– Дайте мне трубу, – потребовала Мина, видя волнение своих товарищей. – Может я пойму, в чём дело.

Она тщательно навела трубу на растущий в размерах корабль и поначалу оцепенела от изумления, но спустя какое-то время, её губы расплылись в ухмылке.

– Не верь глазам своим... Теперь я поняла, что имел в виду Уэ. Вот так остров...

– Ты не могла бы и нам объяснить, что ту происходит, – нервно спросил Легук. – Если наши глаза нам не врут, то нам навстречу приближается... ещё один «Никак»!

– И при том с моим Летучим Парусом Амбиболы! – добавил исследователь. – Они украли мою идею!

– Боюсь, друзья мои, – улыбнулась Мина, – на этот раз ваши глаза сыграли с вами дурную шутку. То, что вы видите – отражение нашего корабля в зеркале!

– Что?! – выдохнули мужчины. – Не может быть!

– Да, да, – засмеялась Мина. – Если вы приглядитесь, то увидите на палубе самих себя и даже можете помахать своему отражению рукой. Так что лучше бы нам сменить курс и немного сбавить скорость, если мы не хотим врезаться в огромное зеркало. Лево руля!

Мина была совершенно права. Загадочный остров со всех сторон был окружён двухсотметровыми зеркалами, в которых отражалось небо и волны, так что редкие корабли, проплывающие в этих местах мимо, не видели ничего кроме воды и неба, неба и воды. При этом, зеркала были слегка наклонены назад, для того, чтобы наблюдатель мог увидеть своё изображение лишь максимально приблизившись к острову.

– Но кто станет окружать целый остров огромными зеркалами, – изумился Легук. – Такое под силу только богам! Кажется, мы действительно у цели. Ручаюсь, скоро мы увидим Бронзовую башню.

– Сдаётся мне, что мы увидим нечто большее... – пробормотал Амбибола. – Не думаю, что эти зеркала, дело рук богов... Ох, скорей бы оказаться внутри!

Приблизившись к зеркалу на сотню метров, «Никак» повернул налево и начал оплывать остров по кругу в поисках прохода. В одном месте, где отражение корабля внезапно удвоилось, Легук приказал повернуть направо и «Никак» медленно вошёл в узкий зеркальный проход, миновав который, оказался в небольшой гавани. Заметив приближающийся корабль на пристань выбежали люди и, судя по их выкри-

кам, они ожидали гостей.

– Приветствуем славный корабль «Никак» и его доблестный экипаж! – донеслось до ушей близнецов.

– Вот так да, – удивились они. – Нас ждут?

– Думаю, люди-дельфины предупредили их, – заметил Амбибола, управляясь со своим непослушным парусом. – Впрочем, я в любом случае больше ничему не удивляюсь. Вау, смотрите, вон там, на холме, среди деревьев!

– Башня! – охнули близнецы. – Бронзовая башня!

– В ней не меньше 100 метров, – продолжал восхищаться Амбибола. – Отличная гавань для моего дирижабля!

– Вообще то, в ней ровно 95 метров и 14 сантиметров, – сказал высокий, худой мужчина лет 60 в мятом костюме и широкополой шляпе, что стоял на пирсе во главе встречающих. – И она только на 9/10 состоит из бронзы. Вся внутренняя отделка выполнена из чистого золота. С прибытием на наш остров! Меня зовут Михаэль Сердрик, а это, мои друзья и единомышленники. Мой старый знакомый Уэ предупредил нас о вашем визите, но что вас так задержало?

– Шторм и пираты, – ответил Легук, спускаясь на пирс. – И часть из них всё ещё с нами.

– Чудесно, – обрадовался Сердрик, – нам как раз нужны садовники. У нас столько работы, что до зелени совершенно не доходят руки, а из бывших пиратов, как вы, наверное, слышали, получают самые лучшие в мире садовники и пекари. Прошу вас, мадемуазель Мина. Наслышан, о вашей

красоте. Прелестно, прелестно... Позвольте поцеловать вам ручку... Месье Легук, добрый день! А вы, я полагаю, мистер Амбибола, всемирно известный изобретатель и большой любитель омлета, я не ошибся?

Амбибола покраснел от удовольствия и смущения.

– Вы не ошиблись...

– Чудесно, что вы прибыли. Уэ сказал мне, что вы лучший в мире специалист по дирижаблям. Мы как раз строим тут один гигантский дирижабль, и столкнулись я рядом проблем. Вы нам поможете?

– Вы строите дирижабль?! – задрожал от волнения Амбибола.

– Ну да, а что тут особенного? – удивился Сердрик. – Это же остров Мастеров. Ту собрались все непризнанные гении, мечтающие изменить мир, вы разве не знали?

– Остров Мастеров? – переспросили близнецы.

– Именно так, – кивнул Сердрик. – Мы назвали его так, после того как возвели башню и приступили к установке зеркала. Должен сказать, это была непростая задача...

– Так эту башню возвели вы?! – воскликнула Мина.

– Ну конечно, кто же ещё? – нахохлился Сердрик. – А что такое? Вам не нравится?

– Нет, просто...

Сердрик понимающе улыбнулся и взял Мину и Легука под руку.

– Знаю, знаю... Уэ рассказал мне вашу историю, и поверь-

те, она впечатляющая, но дело в том... Как бы это сказать... Собственно... э-э-э... Короче Бронзовой башни, в которой заключена богиня, не существует. Это миф. Легенда. Сказка... Вот...

На пирсе повисло неловкое молчание.

– Но Уэ сказал... – начала Мина.

– Я знаю, – мягко прервал её Сердрик. – И поверьте человеку, который знает его не один год, вам стоит прислушаться к его словам. Если он сказала что то, что вы найдёте здесь то, что ищите, так и будет. Кстати, вы не знали, что у некоторых людей-дельфинов есть дар предсказания? Порой мне кажется, что они сами этого не осознают, но в моей жизни есть масса тому примеров. Однако я что-то разболтался. Полагаю, вы измотаны и голодны. Идёмте скорее с нами, вас ждёт отменное угощение.

– А омлет будет? – спросил Амбибола, похлопывая себя по голове.

– Вас ждёт 44 вида омлетов, друг мой, включая омлет по-пекински с ласточкиными гнёздами, омлет по-генуэзски, с морскими угрями и сливками и сладкий персидский с курагой, мёдом и мятным соусом «Шакран» – торжественно заявил Сердрик.

– О! – воскликнул Амбибола, воздев руки к небу, – как долго я ждал этого дня! Скорей же идёмте кушать!

Тот пир путешественники запомнили навсегда. Какие только блюда не нашлись на острове Мастеров и на все удив-

лённые расспросы гостей радушные хозяева неизменно отвечали одно – «у нас много друзей по всему миру, которые доставляют нам всё, что требуется...»

Во время долгой трапезы все познакомились. На пиру присутствовала только некоторая часть жителей, так как у всех было множество неотложных дел, но и этого было достаточно, чтобы у близнецов сложилось представление о местном укладе жизни. Остров населяло более 1000 человек, две сотни из которых были изобретателями. Помимо этого, там жили моряки, в распоряжении которых была небольшая шхуна и две яхты, несколько врачей, белый домик которых стоял на северной оконечности бухты, несколько десятков военных, составляющих маленькую, но весьма грозную армию обороны острова, а также пекари, маляры, плотники, учителя и прочие, прочие, прочие. Из рассказов пришедших на трапезу, работа на острове кипела день и ночь. Изобретатели всех мастей, которым не удавалось воплотить в реальность свои мечты на родине, обретали на острове второй шанс и дружную поддержку. Если их идея получала общее одобрение, то человек получал всё необходимое, чтобы завершить свой проект. Великое множество новых идей обрело на острове Мастеров форму, чтобы затем послужить людям и лучшие умы земли стремились попасть сюда, дабы позволить своему детищу увидеть свет.

Амбибола, съев нечеловеческое количество омлета, ни на мгновение не прекращал своего разговора с Сердриком,

также одержимого идеями дирижаблестроения. Они болтали без умолку, о чём то оживлённо спорили, рисовали на салфетках какие-то чертежи и схемы и оба выглядели невероятно счастливыми.

Матросы также были несказанно рады долгожданной возможности перевести дух в надёжной гавани. Их путешествие закончилось, и они дружно распевали весёлые песни. И только близнецы чувствовали себя немного не в своей тарелке. Они изредка переглядывались и натянуто улыбались друг другу, но, несмотря на общее веселье, чувствовали себя обманутыми. Наконец, они оба не выдержали, вышли на улицу и пошли по тропинке, что вилась вдоль бухты.

– Вот мы и нашли нашу башню, сестричка, – с горькой усмешкой произнёс Легук. – Вон она, сверкает на солнце точно золотой слиток. Не хочешь посмотреть её поближе?

– Что-то не хочется, – ответила Мина. – Может в другой раз?

– Давай, – легко согласился Легук. – Я представлял себе всё иначе...

– Я тоже... – кивнула Мина. – Почему так? Почему я хочу плакать? Что не так? Мы же нашли её, верно?

– Да, сестрёнка, и это было непросто... Но мы так и не смогли разделить наш сон. Нам по-прежнему снится одно и то же...

– Быть может так и должно быть?.. – спросила Мина. – Может зря мы сбежали из дому?..

Их размышления прервал испуганный возглас. Молодая девушка неожиданно выбежала из-за поворота и, врезавшись в Легука, едва удержалась на ногах.

– Простите... – пробормотала она. – Я вас не видела...

– Это вы меня простите, – ответил Легук изменившимся голосом, не в силах оторвать взгляда от прекрасной незнакомки. – Как вас зовут?

– Айя... – ответила порозовевшая девушка.

– А я Легук, – ответил молодой человек.

– А я, пожалуй, пойду... – сказала Мина, пряча улыбку. – Хорошего дня.

Она обогнула застывшего брата и его новую знакомую и пошла дальше, и изредка чему-то улыбаясь.

– Кажется, мой брат влюбился, – сказала она, подходя к небольшому дому, затерянному в зелени. – Что ж...

– Простите, – вдруг услышала она и испуганно обернулась, но никого рядом не заметила.

– Простите! – послышалось снова. – Эй, я тут! Прямо над вами. Пожалуйста, помогите мне, а то я совершенно запутался...

Мина подняла голову и увидела в ветвях дерева над своей головой симпатичного молодого человека в странном костюме. На голове у него красовался кожаный шлем с огромными очками, а на шее был намотан элегантный белый шёлковый шарф. К его поясу были прикреплены какие-то широкие верёвки, а над головой болтался кусок ткани, похожей

на маленький парус.

– Вы не принесёт мне лестницу? Пожалуйста. Она стоит вон там, за углом. Я запутался и не могу слезть сам. Так глупо...

– А зачем вы забрались на дерево? – спросила Мина, продолжая с интересом разглядывать незнакомца. – Да ещё в такой странной одежде. Что вы там забыли?

– Я вовсе не забирался на дерево, – весело рассмеялся молодой человек. – Я свалился с него сверху.

– Сверху? – удивилась Мина, но потом догадалась. – А, вы, наверное, упали с башни, да?

Незнакомец вновь расхохотался.

– Во все нет, – ответил он. – Я упал с воздушного шара. Вернее, прыгнул с него. Мы испытываем новое изобретение – парашют. Он позволяет прыгнуть с большой высоты и остаться невредимым. Очень полезное изобретение для тех, кто хочет путешествовать по небу как птица.

Не понимая толком, шутит незнакомец или нет, Мина принесла лестницу и помогла незадачливому парашютисту спуститься на землю, где молодой человек, к немалому смущению девушки, обнял её и крепко поцеловал.

– Это в знак благодарности за моё спасение, – объяснил он свой поступок, глядя прямо в глаза Мины.

– Я так и поняла, – ответила порозовевшая Мина, намереваясь продолжить свой путь. – Что ж, до свидания. Больше не застревайте на деревьях...

– Я постараюсь, – улыбнулся незнакомец. – Кстати, меня зовут Антуан, а вас?

– Мина.

– Очень приятно, Мина. Мы ещё увидимся?

– Быть может, – ответила девушка и поскорее отвернулась, чтобы спрятать рвущуюся наружу улыбку. – Мне пора...

– Приходите, сегодня на закате к Бронзовой башне, – крикнул ей вслед Антуан. – Оттуда открывается чудесный вид на гавань. Придёте? Я буду ждать!

Мина ничего не ответил, но они оба знали, что она обязательно придёт.

На следующее утро, Мина выбежала из своей комнаты и постучалась в дверь по соседству, где спал Легук. Когда он открыл дверь, она вихрем ворвалась внутрь и прыгнула на его постель точно маленькая девочка.

– Какой чудесный нам сегодня нам приснился сон, да? – радостно спросила она брата.

– Да, – ответил тот. – Мне никогда не снились такие сны. Отчего это?

– Я не знаю, но я так счастлива, – воскликнула Мина и уткнула голову в подушки. – Эти розы были такие восхитительные!

– Розы? – поднял брови Легук. – Постой, какие розы?

– Розы из нашего сна, – подняла голову Мина. – Как ты мог их не заметить? Там было *море* роз!

– Подожди, подожди, – дрожащим голосом произнёс Легук, усаживаясь рядом с Миной. – Ты уверена, что ты видела во сне розы. Я хочу сказать – ты *абсолютно* в этом уверена?

– Ну конечно же, – ответила девушка. – Но что с тобой? Ты болен?

– Нет, нет, – ответил побледневший Легук. – А что ещё ты видела в этом сне?

– То же что и ты, – ответила Мина. – Розы, море, небо. Остров мастеров и... Антуана.

Легук встал и в большом волнении прошёлся по комнате, а затем вновь сел к своей сестре на кровать.

– Ты понимаешь, что это значит, сестрёнка, а, понимаешь? – прошептал он и в его глазах мелькнули слёзы радости.

– Да что такое, объясни мне, наконец! – встревожилась Мина.

– А то, милая моя Мина, – выпалил Легук, вскочив на ноги и пускаясь в пляс по комнате, – что я видел другой сон, понимаешь, совершенно другой сон! Не такой как ты! Теперь у каждого из нас свой собственный сон!

– Ура-а-а!

Так заканчивается история, о путешествии трёх друзей на корабле «Никак» в поисках Бронзовой башне. Могу только добавить, что все участники той захватывающей экспедиции действительно нашли то, что искали. Менее чем через год новенький дирижабль уверенно поднялся в небо над островом Мастеров и в этот день Амбибола кричал и радо-

вался точно ребёнок. Он назвал его «Спрут» и совершал на нём полёты вокруг острова Мастеров, готовясь создать новый, второе больший дирижабль, чтобы пересечь на нём океан.

Но ещё раньше, на острове одновременно сыграли сразу две свадьбы, гостями на которой были не только все местные жители, но и люди-дельфины, столы для которых накрыли прямо в воде, на широкой песчаной отмели. Как вы уже поняли, молодожёнами были наши близнецы и когда вынесли свадебный торт – тоже один на двоих – все ахнули, каким большим и красивым он был, точь в точь как сияющая на солнце Бронзовая башня.

Папа чему-то улыбнулся и открыл глаза. Ребята сидели напротив него в молчании. Степашка сладко дремал под столом.

– Это всё, – сказал он. – Что вы так смотрите? Конеч.

– Я не хочу, чтобы твои истории заканчивались, – сказала Варя. – Никогда. Почему они не могут длиться вечно?

– Боюсь, моя хорошая, что тогда они потеряют всё очарование, – ответил папа. – Вот представь, что конфета, которую ты ешь, никогда бы не заканчивалась. Что бы ты тогда почувствовала?

– Счастье! – засмеялась Варя.

Папа наморщил нос.

– Э-э-э, кажется, это плохой пример... В любом случае, путешествие корабля «Никак» завершилось, но это вовсе не

значит, на это закончились приключения Легука, Мины и старины Амбиболы. На его новом дирижабле они очень отправились на поиски Воздушного замка и поверьте, что эта история была не менее захватывающая.

– Расскажи, расскажи, – закричали ребята, повиснув на папиных руках. – Расскажи нам её немедленно! – но папа замотал головой

– На сегодня достаточно. Имейте терпение, друзья мои. Настоящий путешественник должен уметь ждать, не правда ли?

Русалки

– Давайте, сталося совсем немного, – подбадривал ребят папа. – Мы отлично потрудились, ещё несколько метров и всё.

Ребята устало вздохнули и продолжили очищать старую канаву на краю участка, которая густо заросла камышом и осокой, и стала приютом для десятков лягушек и полчищ комаров. Недовольные уборкой лягушки сердито квакали и пускались в рассыпную, когда Степашка, деловито бегавший вдоль берега, пытался схватить их зубами. Он был уверен, что выполняет самую важную часть работы, – не даёт лягушкам разбежаться из пруда, и относился к ней со всей серьёзностью, так что его пару раз пришлось вынимать из мутной воды...

– Папочка, – спросила Варя, когда последний пучок осоки был срезан, и старая канавка превратилась из затхлого болота в миниатюрный прудик, – а почему лягушки прыгают за бабочками?

– Потому что их мучает зависть – буднично ответил папа, протирая очки от грязи. – Когда то давно, все звери умели летать, или, на худой конец, лазить по деревьям. Тоска по тем счастливым временам не даёт лягушкам покоя. Им всё кажется, что они снова парят в небе наравне с ласточка-

ми, но, увы – их удел жить в болоте, а потому, они пытаются схватить всё, что летает вокруг них.

– И Степашка умел летать? – недоверчиво спросила девочка, глядя на забавного скотч-терьера, который, со всей серьёзностью, продолжал охранять притихших лягушек.

– Если судить по тому, как часто он спотыкается и падает вовремя бега, то земля явно не его стихия! – засмеялся папа. – В любом случае, его предки точно умели лазить по деревьям. Именно отсюда и возникла неприязнь кошек и собак. Собаки просто разучились делать то, что могут делать кошки и им завидно. Они бы многое отдали, лишь бы суметь вскарабкаться на толстый сук и посидеть там, оглядывая окрестности и облаивая прохожих. Сказать по правде...

Папа огляделся по сторонам и низко наклонился к Вариному уху, так чтобы Степашка не расслышал его слов.

– Сказать по правде, я даже рад что они разучились... Как только представлю, что Степашка сидит на сосне и весь вечер гавкает на ворон, так мне дурно становится. И опять же, мне бы пришлось делать ему будку на крыше, а я побаиваюсь высоты... Нет, пусть уж лучше всё остаётся как есть.

– А люди, умели летать? – спросил Серёжа.

– Умели, – задумчиво ответил папа, – но не все, а только дети, которые ещё не пошли в школу. Им даже шили специальные костюмчики, чтобы те не рвались постоянно подмышками и не протирались, когда детишки отдыхали на деревьях. Счастливые были времена!

– Обед готов, – раздалось у них за спиной. – Мойте руки и садитесь за стол. А вы, мистер, – добавила мама, указывая на папу, – извольте полностью переодеться. Это же надо так вымазаться! Даже Стёпа чище...

Стёпа, услышав своё имя и волшебное слово «обед», грозно гавкнул на немного успокоившихся лягушек и поспешил на кухню. Он знал, что во время обеда, (если занять правильную позицию) происходят самые настоящие чудеса и прямо с неба, на него могла свалиться котлета, сыр или кусок сосиски.

«Всегда нужно держать всё под контролем, – думал Степашка, забираясь под стол. – Я же сторожевая собака, верно?..»

– Наливайте суп, а я пока отнесу Счастливику яблок и орехов, – сказала мама. – Только умоляю, ничего на себя не опрокиньте!

– Мы справимся, мама, – сказал Серёжа.

– Да, мамочка, – пискнула Варя. – Мы присмотрим за папой...

– И вовсе не надо за мной присматривать, – нахмурился папа. – Я виртуоз по разливанию супа!

– О, поверь, в этом я не сомневаюсь, – усмехнулась мама. – Одна беда, ты всё время разливаешь его *мимо* тарелки...

– Это неправда, – возмутился папа. – Просто супы необычайно коварны, я уже говорил вам! Никогда не знаешь, что от них можно ждать. Секунду он спокойно плещется в твоей

тарелке, но стоит тебе на мгновение отвернуться – и он уже на скатерти. Нет, друзья мои, я бы скорее повернулся спиной к рифовому тигру, чем к тарелке с рассольником!

Папа осторожно пододвинул к себе тарелку с супом, подмигнул Варе и начал есть.

– Пап, – спросил Серёжа, спустя несколько минут, – а разве есть рифовые тигры?..

– Разумеется, – ответил папа, отправляя в рот последнюю ложку щей. – Это очень редкие и необычайно коварные морские хищники. Их ещё называют подводными львами. Они размером с крупную овчарку и имеют очень крепкие когти, которыми цепляются за кораллы, когда подбираются к своей жертве. В основном они питаются рыбой и осьминогами, но известны случаи, когда тигры нападали на ныряльщиков за жемчугом и зазевавшихся туристов. Они настолько проворны, что не боятся даже акул и самое главное, также как и множество подводных обитателей, способны менять свою окраску, притворяясь камнями или обломками кораллов. Единственное, чего не переносят рифовые тигры, это щекотка. Просто поразительно, насколько эти грозные хищники чувствительны к ней. Иногда это доходит до смешного. Одни маленькие сиреневые рыбки, с мордочками похожими на грустных мопсов, буквально терроризируют несчастных тигров, когда выводят своё потомство. Пользуясь своими крошечными размерами, они окружают тигра и одновременно щекочут его с разных сторон. При всём своём про-

ворстве, тигр не в состоянии поймать маленьких хулиганов и ему приходится с хохотом удирать и искать другое место для жилья и охоты.

– А ты сам видел рифового тигра? – спросила Варя.

– Нет, – признался папа, – но его видел один мой очень хороший друг, который постоянно путешествует. Его словам вполне можно верить. Правда, некоторые мои знакомые, после его истории о хищных русалках, отчего то, стали относиться к его историям скептически, но только не я. Всегда утверждал и продолжаю утверждать, что какими бы невероятными ли неправдоподобными ни были ваши приключения, вы должны честно и без утайки поведать обо всех чудесах. Не секрет, что многие путешественники, не раз встречали на своём пути нечто такое, что никак не укладывалось в их голове. Боясь насмешек, они стыдливо умалчивали о таких эпизодах или сводили всё к шутке, боясь назвать чудесное – чудом, а волшебное – волшебством. Но мой друг не такой, нет. Он смело рассказывает о русалках, рифовых тиграх, летающих дельфинах и прочих чудесах, которые обязательно попадают на пути у тех, кто прокладывает новые пути.

Папа настолько воодушевился, что погрузил свой локоть в мясной гуляш и попытался быстро скрыть следы преступления, до прихода мамы.

– Никто ничего не видел, – сказал он ребятам, протирая рукав салфетками. – Гуляш оказался в стоворе с супом... И

почему я это не предусмотрел?..

– Папочка, – сказала Варя, – а расскажи ту историю про русалок, что рассказывал твой друг?

– Вы уверены? – серьёзным тоном спросил папа. – Просто это история не для маленьких детей, которые боятся темноты...

– Ничего я и не боюсь темноты, – воскликнула Варя. – Это только один раз было!

– Ну ладно, – ответил папа. – Тогда слушайте...

Он отложил салфетки и закатал рукав, так что жирное пятно на его локте практически скрылось из вида.

– Прежде всего, я хотел бы сказать, что мой друг вовсе не восторженный мечтатель, которому всюду вечно мерещатся феи и домовые. Напротив, это очень зрелый и уравновешенный человек, который годами развивал в себе эти качества, так как настоящему путешественнику без них никак не обойтись. Он, к примеру, переночевал более чем в 100 домах, в которых, по рассказам соседей, водились приведения и по ночам раздавались зловещие звуки. И что вы думаете? Он обнаружил приведения только в трёх из них, да и то, одно из приведений оказалось зайцем. Каждую ночь оно так тряслось от страха, что во всём доме скрипели половицы и люди решили, что там живёт монстр! Мой друг успокоил беднягу и убедил, что тому нечего бояться. Ни волков, ни лисиц, ни, тем более охотников в доме нет.

– Но кто же тогда всю ночь ходит по дому, отчего так скри-

пят половицы? – спросил моего друга заяц.

– Глупыш, – ответил он, – половицы скрипят от того, что ты трясёшься точно заяц! Вот, послушай, сейчас же всё тихо.

Трусишка прислушался и понял, что всё это время он пугал сам себя. Сгорая от стыда, он поклялся, что такого никогда больше не повторится и с тех пор живёт в лесу, а к дому приходит только иногда, в полнолуние и ищет на старых грядках морковь. Словом, мой друг, человек отнюдь не впечатлительный и уж если он говорит, что видел нечто невероятное, то так оно и есть.

Папа невинно посмотрел на маму, которая вернулась на кухню и села напротив.

– Всё нормально, – подозрительно спросила.

– Да, всё отлично, – пробормотал папа. – Я как раз начал рассказывать одну историю...

Мама скептически покачала головой, но промолчала и принялась за свою порцию картофельного пюре с гуляшом.

– Со слов моего друга, всё произошло настолько внезапно, что когда он открыл глаза, их небольшой корабль уже сильно накренился, и вода заливала его каюту. Однажды, он уже пережил ночное кораблекрушение и знал, что нельзя терять ни секунду. Он быстро накинул на себя какую-то одежду, натянул спас-жилет и стал пробираться наверх, по полузатопленным коридорам. Бушевавший снаружи шторм, сделал эту и без того непростую процедуру настоящим испытанием. Корабль вот-вот грозил перевернуться, и другой человек мог

бы запаниковать, но мой друг продолжал настойчиво и методично пробиваться на верхнюю палубу и успел как раз вовремя. Часть экипажа уже покинула судно на спасательной шлюпке, и качалось на волнах в нескольких десятках метрах от траулера. На палубе оставался только капитан и его помощник, не желавшие покидать судно до самого конца.

– Мы бросили за борт несколько спасательных кругов – прокричал на ухо моему другу капитан, потому что ветер заглушал все слова. – Прыгайте и постарайтесь разыскать один из них, а затем, плывите к шлюпке. Мы последуем за вами.

Мой друг кивнул, приметил ближайший спасательный круг на гребне волны и бросился в воду. Будучи отличным пловцом, он, несмотря на все усилия шторма, добрался до спасительного островка и уцепился за него. Обернувшись назад, он увидел, как капитан и его помощник борются с волнами, а корабль, перевернувшись вверх килем, стремительно скрывается в морской пучине. Приподнявшись на своём круге, он попытался разглядеть лодку, но её, очевидно, отнесло ветром и он, чтобы не тратить попусту силы, оставил эти попытки и принялся терпеливо ожидать конца бури.

Всю ночь его швыряло с волны на волну, и он десятки раз оказывался под водой, но каждый раз поднимался на поверхность, перенося все испытания с присущим ему спокойствием. Под утро, ему показалось, что он видит силуэт корабля и луч прожектора шарит по воде в поисках выживших, но очередная волна накрыла его, а когда он вновь появился на-

верху и отдышался, бушующее море было пустынным.

С рассветом волнение не утихло, и ветер бушевал до полудня и только ближе к закату, волнение стало стихать. Новая ночь в открытом море была тихой и ясной. Мой друг, найдя среди волн ещё один спасательный круг и обломки досок, смастерил из них маленький плот, скрепив его лоскутами одежды и, совершенно обессиленный уснул на нём и проспал до зари.

Он очнулся от ужасной жажды. Всё его лицо горело, а язык сделался сухим и жёстким. Вдобавок ко всему, день обещал быть жарким и мой друг понял, что как бы это не странно может прозвучать, но его ожидала смерть от жажды посреди моря воды. Но он не запаниковал. Он знал, что это никак не могло помочь ему, а потому, смастерив из доски некое подобие весла, он стал грести, ориентируясь по солнцу, в ту сторону, где, по его расчётам, пролегали корабельные маршруты. В полдень, когда жара и жажда стали нестерпимыми, он наткнулся на несколько плавающих в море яблок. По всей видимости, они тоже были жертвами кораблекрушения, и попали сюда из трюма его корабля, когда тот перевернулся. Никогда в жизни ему не доводилось есть таких вкусных яблок как те, что он выловил из воды в открытом море и съел вместе с огрызками и семечками, сидя на плоту под палящим солнцем тропиков. В течении дня, он нашёл ещё несколько плодов и сделал небольшой запас, но к вечеру, вновь поднялся ветер и его понесло куда-то в сторону от

всех торговых путей.

Он дрейфовал три дня, съедая по два яблока в день, а на третий, чувствуя, что силы окончательно покидают его и голова кружится всё сильнее, увидел на горизонте гряду скал и принялся грести в их сторону. Теряя сознание, он выбрался на влажные камни и, с его слов, скалы показались ему мягче любой перины, когда он растянулся на них и уснул. Однако, сон его не был долог...

Среди ночи, мой друг услышал чей-то смех и плеск воды. Решив, что ему это снится, он перевернулся на другой бок, но смех снова донесся до него и он открыл глаза. Его рот настолько пересох, что он не мог окликнуть смеющихся, и он пополз в ту сторону, не веря своей удачи, ведь он был в полной уверенности, что встретит людей...

Переползая с валуна на валун, он, в конце концов, оказался на небольшой скале, с которой открывался вид на большую лагуну, вход в которую перегораживали скалы и пробраться туда могли лишь отчаянные смельчаки на небольших лодках. К своему изумлению, он увидел нескольких русалок, которые лежали на чёрных прибрежных камнях, подставляя свои длинные тела звёздному свету, чтобы приобрести столь популярный у русалок ночной загар.

Как я уже говорил, мой друг не очень впечатлительный человек и, увидев русалок, он решил подобраться к ним ближе, чтобы как следует их рассмотреть и убедиться, что он не стал жертвой галлюцинации или розыгрыша. Медленно пе-

реползая от камня к камню, он приблизился к русалкам настолько, что смог услышать то, о чём они говорят. От услышанного, у моего друга волосы встали дыбом...

Папа протёр свои очки и продолжил, понизив голос до громкого шёпота.

– Из разговора русалок, мой друг понял, что это хищники и не просто хищники, а людоеды... Да, да, именно так он и сказал. Он услышал, как русалки обсуждали недавнее кораблекрушение и с ужасом понял, что несчастному капитану и его помощнику так и не суждено было добраться до шлюпки, а он спасся лишь потому, что русалки потеряли его след. Беспечно нежась в свете звёзд, русалки обсуждали куда же мог подеваться тот, кто прыгнул в воду первым и как его лучше найти. Они были уверены, что он не утонул и стоит только, как следует поискать в округе, как он найдётся...

Папа поёрзал на стуле и заговорил ещё тише.

– Да, друзья мои, это была воистину драматическая ночь для моего друга, но, он бы не был настоящим путешественником, если бы позволил страху полностью завладеть им. Узнав, всё что смог, так же бесшумно отполз обратно и лёг на камни.

«В любом случае. – рассудил он, после недолгого раздумья, – на земле мне ничто не угрожает. Я видел, как одна из них забиралась на камень – её пришлось здорово попотеть, а это значит, мне стоит бояться русалок только пока я в воде. Что ж, как бы то ни было, прежде всего, мне нужно набрать-

ся сил, а затем, я решу, что мне делать. В конце концов, ещё не было случая, чтобы отважный и рассудительный путешественник не смог бы выбраться из беды, какой бы ужасной она не казалась поначалу. Завтра, я что-нибудь придумаю, а пока – спать...»

Приняв такое здоровое решение, мой друг крепко уснул, предварительно спрятав среди камней свой плот, чтобы хищные русалки не смогли разглядеть его со стороны моря.

Утром, почувствовав себя значительно лучше, чувствуя себя настоящим Робинзоном, он стал исследовать клочок суши, куда его занесла судьба. К его разочарованию, остров представлял собой только лишь нагромождение голых скал, с укромной лагуной среди них. Единственной хорошей новостью, была дождевая вода, в большом количестве скопившаяся в больших углублениях скал. Утолив жажду и умывшись, мой друг окончательно пришёл в себя и стал размышлять, что ему следует предпринять. С одной стороны, логика подсказывала, что ему следует как то обозначить своё присутствие на этой скале, так как спасательные суда, наверняка были где то неподалёку и могли заметить его. С другой стороны, осторожность подсказывала, что тем самым он выдаст своё местоположение русалкам, которые рыщут неподалёку и эта перспектива не сулила ему ничего хорошего.

«Что если, я не всё знаю про них, – размышлял он. – Что если у них есть какой-то способ добраться до меня? Нет, мне не стоит торопиться и е подавать сигналы до тех пор, пока

я не буду уверен, что их точно заметят. У меня вдоволь воды, а в лагуне, пока все русалки охотятся, я наверняка смогу поймать наловить креветок и мелкой рыбёшки. Да, я так и поступлю. Я проживу здесь тихо и неприметно в течении недели, а когда русалки успокоятся, я сделаю шест из обломков доски, прикреплю на него оранжевый спасательный жилет точно флаг установлю его на самой высокой скале. Такой сигнал будет видно на многие километры...»

Как оказалось, мой друг поступил очень мудро, не поддавшись искушению немедленно подать сигнал бедствия. Во-первых, как впоследствии выяснилось, поиски происходили совершенно в другом районе, а во вторых, у русалок действительно были свои секреты, о которых, мой друг тогда мог только догадываться...

В тот день, ему действительно удалось поймать несколько креветок в лагуне, а ночью, он вновь пробрался на берег и спрятался за камнями, чтобы послушать, о чём говорят русалки.

Как и следовало ожидать, они были очень недовольны. Они точно знали, что никакие суда не заходили в их воды, а значит, беглецу некуда было деться. Даже если бы он незаметно от них утонул, его плот остался бы на поверхности, но его нигде не было.

– Нам нужно обследовать Старые рифы, – сказала одна из русалок своим скрипучим голосом, каким они разговаривают меж собой. – Он наверняка укрылся там. Больше ему некуда

даться...

– Точно, – отозвалась другая. – Завтра мы всё там исследуем и нужно расспросить больших черепах, может они видели его.

– Лучше всего расспросить чаек, – сказала третья русалка, – но чайки нас ненавидят, а жаль... Они точно знают, где прячется этот ловкач... Ну, ничего, рано или поздно мы доберёмся до него...

Русалки хрипло засмеялись и задремали на камнях, подставляя свои хвосты молодому месяцу.

Целую неделю мой друг прожил на острове. Днём, когда русалки плавали в открытом море, он ловил всякую мелкую живность в лагуне и пил дождевую воду, которая от сильной жары, постепенно приобретала противный вкус и зеленоватый оттенок, а ночью, пробираясь к «пляжу» и слушал о чём шепчутся его недруги. Увы, его надежды на то, что русалки прекратят поиски, таяли. Более того, он начал понимать, что эта лагуна является их постоянным ночным прибежищем в хорошую погоду, а где то глубоко под водой, в основании скалы, существует грот, где живёт вся стая. За долгие часы, проведённые среди камней, он многое узнал об этих странных и, по своему, элегантных существах. Он, к примеру, узнал, что они, в отличие от их сестёр – ундин, никогда не заманивают моряков и не поют грустных песен. Эти бесстрашные хищники, по большей части, питались рыбой, а когда мимо проплывали стада тюленей, то русалки нападали

и на них. Их злейшими врагами были чайки, которые криками выдавали их месторасположение и дельфины, так как они доброжелательно относились к людям. К несчастью для моего друга, ни одной стаи дельфинов не было поблизости, и он был совершенно один, в самом логове опасных морских хищниц. Но самое важное, что он узнал из разговора русалок, было то, что по их словам, совсем недалеко, находился ещё один остров, на котором росли пальмы, жили птицы, а значит, была вода. Те дождевые ниши, что он использовал для питья всё больше и больше протухали от жары, а нового дождя не предвиделось и очень скоро, мой друг снова оказался бы в тяжёлой ситуации. Решение созрело само собой. В одну из ночей, мой друг решил тихонько отплыть на своём плоту в сторону песчаного острова, пользуясь тем, что русалки дремлют на пляже. Он рассчитывал добраться туда до зари, покуда хищницы не выплыли на охоту. Ему понадобилось ещё пять ночей, чтобы слушая болтовню русалок, узнать точное направление. К этому времени, дождевая вода стала настолько зелёной и противной, что он пил её зажавшись и закрыв глаза, точно горькую микстуру.

Папа показал как его друг пил воду и Варя с Серёжей скривились, словно сами её выпили.

– Это был смелый и разумный план, и он, вполне возможно, увенчался бы успехом, если бы не одна досадная случайность. Накануне отплытия, когда мой друг укрепил свой плот и заготовил в дорогу сочных креветок, одна из чаек за-

дремала на волнах и была схвачена русалкой. Желая спасти свою жизнь, чайка пообещала рассказать русалкам нечто такое, что было бы им очень интересно, а именно, где скрывается тот человек, которого они ищут уже вторую неделю. Получив свободу, чайка открыла тайну местонахождения моего друга и русалки ринулись к острову. Они стали плавать вокруг него и насмешливо окликать моего друга, так что он, поняв, что прятаться дальше нет смысла, вышел на берег.

– Вот мы и нашли тебя, – смеялись русалки, показывая острые зубы. – Долго же ты морочил нам голову! Каков хитрец, забраться на нас остров, и спрятаться на нём, в то время как мы прочёсываем весь океан в его поисках. Хитро, хитро, ничего не скажешь, да только мы всё равно нашли тебя...

– Очень рад, что избавил вас от стольких хлопот, милые дамы, – ответил мой друг, шутливо кланяясь русалкам. – Признаться, я что-то заскучал и был бы не прочь немного поболтать с такими очаровательными существами.

– Да ты смельчак, – захихикали русалки. – Мы любим таких... Ваш капитан тоже был смельчаком...

От таких слов, признаюсь честно, мой друг пригорюнился, но не подал виду и, улыбнувшись самым любезным образом, ответил:

– Весьма польщён. Буду рад пригласить всех вас сегодня к себе в гости, на мой скромный ужин. Приходите сразу после заката, буду рад вас видеть. Стол будет накрыт вон там, за скалами. Уверен, мы чудесно проведём время и мило побе-

седуем.

– О, – засмеялись русалки, – да ты не просто смельчак, ты настоящий храбрец! Мы принимаем твоё предложение и хоть сами не сможем пожаловать к Вам в гости, мы пришлём своих слуг и посмотрим, будет ли вам также смешно когда, солнце скроется за горизонтом...

– С нетерпением буду ждать, – галантно ответил мой друг, чувствуя, как мурашки бегают по его спине. – Хорошего дня.

Ещё раз изыскано поклонившись и не отвечая более на насмешки русалок, он удалился за груды камней и стал обдумывать что ему следует предпринять.

«Итак, – размышлял он, – если я попытаюсь покинуть скалы этой ночью, когда все русалки знают, где я, это будет равносильно самоубийству. Пока я на земле, они мне не угрожают, но вот кем могут быть их слуги, о которых они говорили, это вопрос?.. Похоже, меня ждёт беспокойная ночь и мне нужно отдохнуть и быть готовым к чему угодно...»

Мой друг лёг, закрыл глаза и полностью расслабился.

– И ему не было страшно? – спросила Варя.

– Я спросил его то же самое, – улыбнулся папа, и вот что он ответил – «Понимаешь, дружище, я давно понял, что нет нужды беспокоиться о том, чего ты не в силах изменить. Если бы нервничал и беспокойно бродил бы по скалам, слушая ехидные замечания русалок, то к вечеру я был бы совершенно вымотан и едва ли справился с тем испытанием, что уготовила мне та ужасная ночь. Нет, вместо того, чтобы

понапрасну тратить свои силы, я лёг, закрыл глаза и представил себе, что я *уже* нахожусь на соседнем острове, в тени пальм, у прохладного ручейка и наслаждаюсь спелым кокосом. Таким образом, к неслыханной досаде охрипших русалок, я прекрасно отдохнул и поднялся на ноги готовым к борьбе...»

Хочу заметить, – сказал папа, – что методика моего друга показалась мне настолько простой и здравой, что я сам частенько использую её, и уверяю вас, что она даёт невероятный результат в любой сфере деятельности. Но, я отвлекаюсь...

Когда солнце коснулось горизонта и вода и небо сделались красными, мой друг, отступил вглубь скал и сжал в руке крепкую дубинку, которую изготовил из обломков досок. Он обратил внимание, что все русалки собрались с одной стороны острова и то и дело уходят под воду. Ему даже показалось, что они протяжно поют под водой, но он не рискнул приблизиться, чтобы удостовериться в этом. Когда солнце полностью исчезло и багровое небо начало темнеть, на противоположный от русалок берег выбрался первый маленький краб и побежал к моему другу. Приблизившись, он больно ущипнул его за ногу своими клешнями, и мой друг вынужден был его раздавить. Но следом за ним, из моря показался новый, а затем новый, и новый краб, а затем десятки, сотни, тысячи крабов выбралась на берег, и двинулись на моего друга. Это и были слуги русалок. Повинуясь голосам своих

хозяйек, они точно огромная шуршащая армия двинулась на моего товарища, пытаясь вытеснить его с острова и загнать в воду, где он стал бы лёгкой добычей русалок. Понятное дело, что мой друг сразу же разгадал этот план и, забравшись на большой валун, что есть силы колотил крабов, которые пытались добраться до него. Каждым ударом он сметал десятки своих врагов, но их место занимали сотни новых. Ночь опустилась на остров и мой друг вынужден был сражаться в темноте, отбиваясь на ощупь. Однако самое страшное его ожидало впереди. В самый разгар сражения, из моря появились новые крабы, но на этот раз, это были старые, древние крабы-гиганты, чьи панцири по твёрдости не уступали железу, а их клешни достигали метра в длину. Они двинулись на моего друга полукругом, громко щёлкая своими клешнями и стали оттеснять его к морю. Это был переломный момент битвы. Шаг за шагом, методично и слаженно, точно какие-то жуткие механизмы, они вынуждали моего товарища пятиться к морю, где его ожидали русалки, скаля свои острые зубы в свете поднимающегося месяца. Удары дубинки не приносили большого вреда огромным монстрам. Моему другу лишь удалось сломать одному из крабов клешню, но и его дубинка треснула, и он был вынужден отбросить её и пуститься наутёк, пытаясь выиграть время. Яркий свет месяца помогал ему бежать меж острых скал, но он же помогал и его преследователям. Мелкие крабы проворно мчались по пятам беглеца, а настигнув, подавали клешнями сигнал

монстрам, которые вновь брали моего друга в полукольцо и теснили к морю. Трижды моему другу удавалось ускользнуть из окружения, но его силы были на исходе, а крабы, словно не чувствовали усталости и продолжали атаковать. Поняв, что дальше убегать бессмысленно, мой друг поднял камень и приготовился дать последний бой, предпочитая умереть на суше, нежели в объятьях русалок. Однако, даже в этой тяжёлой ситуации, он не терял присутствие духа и именно поэтому, смог заметить то, что не видел ранее, когда месяц был ещё низко и не светил в полную силу. У огромных бронированных монстров было слабое место – глаза. Они располагались на тоненьких антеннах по бокам туловища и прятались внутрь в случае опасности. Увидев в этом шанс на спасение, мой друг (многократный чемпион города по метанию снежков), прицелился и первым же камнем подбил глаз одному из крабов. Вторым камнем он попал ему во второй глаз и ослепший краб беспомощно закрутился на месте, бестолково размахивая своими жуткими клешнями.

– Ага, – воскликнул мой друг, – ну теперь вы у меня пляшете!

Пользуясь тем, что камней у него было предостаточно, а его противники неповоротливы, в течение четверти часа ослепил трёх больших крабов и их слаженные ряды расстроились. Уцелевшие крабы теперь поминутно прятали свои глаза под градом камней, которым их осыпал мой товарищ и от этого, их атаки стали медлительными и неловкими. А

затем, случилось то, что положило битве конец. Ослепшие крабы, натолкнулись на своих сородичей и, не видя, кто перед ними, яростно набросились на них. Началась ужасная свалка, в которой все позабыли о существовании моего друга. Большие и маленькие крабы ожесточённо дрались друг с другом. По словам моего друга, это напоминало сражение закованных в доспехи рыцарей и, несмотря на усталость и измождение, он не мог не залюбоваться разворачивающейся в свете луны битвой.

Взбешённые русалки пытались образумить своих слуг и вновь направить на моего друга, но несколько удачно пущенных камней заставило их взвыть и держаться подальше от берега.

С первыми лучами солнца, уцелевшие крабы, поспешили обратно в море, оставив на острове тысячи павших сородичей, среди которых было четыре гиганта. Это была полная и решительная победа моего друга. К тому же, она принесла ему огромное количество вкуснейшего крабового мяса, которым он немедленно и насладился прямо на берегу моря, бросая насмешливые взгляды на разорённых русалок, чьи лица тоже несли на себе отметины его метких бросков.

– И что же было дальше, – спросил Серёжа. – Он же всё равно не мог выбраться с острова и вода у него закончилась.

– А дальше, друзья мои, – улыбнулся папа, – случилось то, что всегда случается с теми, кто отважен и никогда не падает духом. Как одна неудача притягивает другую, так и

одержанная победа ведёт к следующей. Десятки, сотни, тысячи морских чаек закружились над островом привлечённые огромным количеством крабов и очень скоро, остров походил на айсберг от множества белых птиц разгуливающих повсюду. Мой друг говорит, что некоторые чайки даже сядились ему на голову, и он так устал, что не сгонял их. Пиршество продолжалось весь день и было прервано корабельным гудком, от которого мой друг подскочил как ужаленный. Тысячи птиц испуганно взметнулись в воздух и закружили над островом, к которому приближался катер. Оказалось, что стаи птиц и белый остров привлёк внимание капитана проходившего мимо корабля. В лучах солнца, остров сиял будто покрытый снегом и капитану стало любопытно, что привлекло птиц на безымянную скалу. Заметив на острове человека, к нему немедленно выслали катер и очень скоро, мой друг сидел в кают-компании и отвечал на расспросы окруживших его моряков. Само собой разумеется, что они не поверили его рассказам о русалках, решив, что после стольких страданий, мой друг немного тронулся умом. Впрочем, он особо и не настаивал на обследовании острова или поимке одной из хищных русалок. По его мнению, несмотря на все неприятности, что он пережил, русалки не заслуживали дурного обращения. Они были и остаются частью нашего общего мира, как акулы или львы, а потому, человеку просто следует относиться к ним с осторожностью и уважением, ведь они обитали на этой планете задолго до на-

шего с вами появления.

Корабль лёг на свой курс и мой друг, бросил с кормы прощальный взгляд на свой островок, который сделался для него родным. Солнце ярко искрилось в волнах, а в сиреновой глубине, изредка мелькали чьи-то длинные, проворные тени, желавшие убедиться, что люди навсегда покидают их владения.

Папа встал из-за стола и принялся собирать тарелки.

– Ну, как вам история, – спросил он. – Понравилось?

– Да, – ответили ребята. – Только нам теперь немного страшно идти купаться... Вдруг в пруду русалки?

– Даже если они там и есть, – засмеялся папа, – то вам не стоит волноваться. Пресноводные русалки совершенно безобидны и крайне пугливы. Встретить их большая удача, к тому же, Варвара так визжит, что могла бы напугать даже морскую хищницу...

– И ничего я не визжу! – надулась Варя. – Просто мальчишки брызгаются!

– Ну хорошо, хорошо, – согласился папа. – Я просто хочу сказать, что на пруду так шумно, что там наверняка никто не живёт кроме глухих карасей и перепуганных лягушек. Кстати, может нам и правда стоит сходить и искупаться?

– Да, да, идём! – обрадовались ребята.

– Отлично, – сказал папа. – Ты с нами, дорогая?

– Да, – ответила мама. – Только сначала, давай ка я замочу твою рубашку, которую ты перепачкал...

– Но как ты догадалась, – сконфуженно пробормотал папа. – Пятна же не видно!

– Зато на столе лежит целая груда грязных салфеток, – сказала мама, – и вдобавок, мистер, вы засучили только один рукав!

Заклятье

С самого утра папа был в отличном расположении духа. Работа над его новой книгой продвигалась весьма успешно, а потому, когда пришло время пить кофе и все расселись за столом, он болтал без умолку и как всегда в таких случаях строил грандиозные планы, которым, никогда не суждено было сбыться.

– Плот, это отличная идея, – сказал он, добавляя сахар и сливки в кофе. – Мы установим на нём палатку, несколько стульев и с комфортом будем путешествовать по реке. А, как вам эта идея? Вы только представьте, свежий воздух, живописные берега, ясное небо над головой и при этом, заметьте, в отличие от байдарок, никому не нужно грести. Течение само сделает всю работу. Нужно только немного двигать рулём: влево, вправо, влево, вправо...

Папа показал, как нужно двигать руль, опрокинул сахарницу и сконфуженно замолчал на мгновение, но затем его лицо озарила новая гениальная идея.

– А ещё лучше, построить двухэтажный плот, на манер пассажирского лайнера, – воскликнул он. – Точно! Внизу будет располагаться кухня, рулевая рубка, склад припасов и т.п. А на верхней палубе можно будет установить лёгкий переносной стол, несколько плетёных стульев и путешество-

вать 1 классом. Мы даже можем взять с собой самовар и тогда издали, наш плот будет походить на настоящий пароход. Я сооружу подобие гудка, чтобы приветствовать встречные теплоходы, а Варя нарисует нам флаг. Да-а-а, это будет незабываемое путешествие...

Папа сделал глоток кофе и мама, пользуясь секундной паузой, невзначай заметила:

– Скажи, дорогой, а нельзя ли перед началом строительства твоего чудесного двухпалубного плота, починить нашу калитку?.. Она ужасно скрипит и плохо закрывается.

Папа с самым серьёзным видом принялся изучать кофейную гущу в своей чашке и деланно хмурится.

– Это не так-то просто, – наконец вымолвил он. – И дело тут вовсе не в моей рассеянности, как ты могла подумать...

– А в чём же? – лучезарно улыбнулась мама, отодвигая от Вари корзинку с пастилой, в которую девочка безостановочно запускала руки.

– Всё дело в заклятье, – ответил папа и состроил печальную гримасу.

– Прости? – вскинула брови мама. – В заклятье?

– Именно так, – кивнул папа. – В заклятье.

– Ага, – в тон папе ответила мама. – И кто же наложил на нашу калитку это ужасное заклятье, которое мешает её починить?

– Трудно сказать наверняка, – деловито начал папа. – Возможно, это были лесные духи, которые не выносят когда где-

то что-то закрыто. Возможно, садовые гномы, которым показалось, что мы недостаточно внимательны к ним, а возможно какой-нибудь путешествующий чародей, из тех, что любят притворяться серыми котами и разгуливать в сумерках по улицам, заглядывая в открытые окна и слушая, о чём там говорят люди. Кто-то из них...

– И как же нам теперь быть? – привычная к подобным фокусам осторожно спросила мама. – Есть, какое то средство, чтобы снять это заклятье, от которого наша бедная калитка стонет, будто у неё ревматизм?

Папа задумчиво почесал лоб и обратился к ребятам:

– Варя, Серёжа, что-то я запомнил, есть ли какое-то универсальное средство, которое снимает заклятье с дверей? Мне что-то ничего в голову не приходит, кроме обряда очищения огнём, но маме вряд ли он понравится...

– Мне он уже не нравится, – нервно хихикнула мама.

– Тут надо подумать, – ответил Серёжа, имитируя папину манеру говорить и чесать нос. – Случай непростой... Варвара, что вы думаете на этот счёт?

– У меня есть некоторые соображения, – важно ответила Варя, так что мама прыснула со смеху.

Ребята пошептались с видом профессоров у постели тяжелобольного, и хором изрекли свой вердикт:

– Черничный пирог с шоколадной глазурью!

– И это поможет? – усмехнулась мама.

– Да! – ответили ребята.

– Действительно, – пробормотал папа, пряча лукавую улыбку, – черничный пирог с шоколадной глазурью отлично снимает заклятья подобного рода... Это знали ещё в Древнем Египте... Кстати, это средство особенно эффективно, если добавить к нему немного сливочного мороженого...

– Всё с вами ясно, – рассмеялась мама. – Будет вам пирог, но смотрите, чтобы калитка работала как часы!

– Ну, если ты хочешь, чтобы она тикала и показывала время, то нам потребуется немного больше... – начал папа, но мама ущипнула его за локоть.

– Хватит. Налей мне лучше ещё немного кофе.

– С удовольствием, – ответил папа, – а заодно, я могу рассказать вам презабавную историю об заклятье, которое жутко досаждало одному уважаемому торговцу тканями.

Папа наполнил мамину чашку, тщательно протёр свои очки, водрузил их на кончик носа и начал свой рассказ.

– Масуд начал помогать отцу торговать тканями ещё ребёнком и к 25 годам усвоил немало важных уроков. Он мог с закрытыми глазами различать все сорта ткани, которые в великом множестве свешивались с потолка отцовской лавки и в точности рассказать покупателю откуда они прибыли, кем произведены и чем отличаются друг от друга. Он научился быть вежливым, терпеливым, настойчивым и внимательным. Он умел с первого взгляда понять, собирается ли человек что-то покупать или он заглянул к ним под крышу просто от праздного любопытства. Масуд узнал, как разжечь

в человеке интерес, как убедить осторожного клиента, как разжечь алчный блеск в глазах заморского купца и главное, он выработал у себя доверительную улыбку, которая давала понять каждому покупателю, что он особенный. Словом Масуд достиг практически всех вершин в искусстве торговли и завещая ему свою лавку отец сказал ему:

– Я спокоен за тебя, Масуд. Ты отлично со всем справишься. Будь честным и усердным, не ленись и не никогда не позволяй золоту вытекать из твоего кошелька быстрее, чем оно наполняет его. Но будь осторожен Масуд, ибо каждый, даже самый опытный торговец, может иногда совершить досадную ошибку, о которой потом горько пожалеет. Никогда не смотри свысока на тех, кто кажется бедным. Будь одинаково обходителен и внимателен со всеми, кто переступит порог твоей лавки и тогда, у тебя всё будет хорошо.

Масуд пообещал отцу исполнить все его заветы и сдержал своё слово. К 45 годам он был одним из самых богатых и влиятельных торговцев в городе. У него было более десятка лавок и свои караваны, но он никогда не брезговал вновь встать за прилавок и помочь покупателю выбрать несколько метров дешёвой ткани. Масуд был счастлив и уверен в своём будущем, но однажды с ним случилась беда...

С самого утра его обуревали мелкие неприятности. Для начала, всю ночь его одолевала бессонница, и он встал с кровати с головной болью. За завтраком он узнал, что его караван с китайским шёлком который он очень ждал, опаздыва-

ет и ему придётся отменить выгодную сделку. В довершение всех бед, на него дулась жена, за то что он был невнимателен с ней последние дни, а дети вели себя неподобающим образом. Словом, когда Масуд он заглянул в одну из своих лавок – ту самую, с которой когда-то всё начиналось, настроение у него было скверным. Запах и шорох тканей всегда действовал на него успокаивающе и потому, он отпустил продавца, сказав, что сам займёт его место на некоторое время и принялся отмерять ткань покупателям. Он не заметил того момента, когда в его лавке оказалась та старуха в чёрном рубище, а когда увидел, то она сразу же ему не понравилась. Припадая на одну ногу, она медленно расхаживала по лавке, придиричиво разглядывая ткани, и так смотрела на покупателей, что вскоре никого кроме неё и Масуда внутри не осталось. Старуха перещупала и перенюхала всё, что было в лавке, но видимо не нашла то, что ей требовалось и обратилась к Масуду.

– Торговец, – проскрежетала она, глядя куда-то вдаль, – мне нужен лунный шёлк, что соткан из первых лучей луны в зимнее полнолуние, где он?..

– Лунный шёлк? – удивился Масуд. – Я всю жизнь торгую тканями, но никогда не слышал о таком. Вы уверены, что он существует.

– Хм... – презрительно хмыкнула старуха, и Масуд с отвращением заметил, что под рубищем у старухи бегают тараканы. – Тогда подай мне сотню метров Каменного атласа,

да смотри, чтобы он был крепок как скала, и гладок точно лёд...

– Боюсь, что и этого у меня нет, – ответил Масуд, сдерживая раздражение.

– Хм... – снова хмыкнула старуха, по-прежнему глядя поверх головы Масуда. – В таком случае покажи мне свою лучшую Огненную парчу и не вздумай подсунуть ту, что уже остыла...

– Говорю вам, у меня нет ничего подобного, – ответил Масуд, теряя самообладание, так как ему показалось, что несколько тараканов прыгнули со старухи и спрятались под тюками. – Может вам стоит поискать где-нибудь в другом месте?..

– Ты что же это, прогоняешь меня? – спросила старуха странным голосом и впервые посмотрела в лицо Масуда. Торговец отпрянул, так как глаза у старухи были холодные и неподвижные, точно на него смотрела змея.

– У меня нет ничего, что тебе нужно, старуха, – сухо бросил он, злясь на себя за трусость. – Убирайся вон и не забудь прихватить с собой своих мерзких тараканов. Вон, или я позову стражу!

– Что ж... – ответила старуха. – Я уйду, и со мной уйдут мои детки, но с этой минуты больше никто не переступит порог твоих лавок, Масуд, никто... Прощай.

Старуха проковыляла к выходу, пробормотала что-то в дверях, сдула нечто невидимое со своей сморщенной ладо-

ни и исчезла среди пёстрой толпы. Масуд вытер со лба пот и присел на стул.

«Вот ведь незадача, – подумал он. – Я ещё никогда никого не выгонял из своей лавки. Что за день такой... Впрочем, наверняка это какая-то сумасшедшая нищенка. Наверняка ничего страшного не случится...»

Однако Масуд ошибся, потому что с того дня ни один человек во всём городе больше не купил у него ни единого кусочка ткани. Сначала Масуд смеялся, решив, что это совпадение. Затем он недоумевал и наконец, на исходе десятого дня пришёл в бешенство.

– Ах ты, старая карга!– кричал он, бегая по базару. – Я найду тебя! Непременно найду! Это ты во всём виновата! Ты и только ты! А ну покажись!

Но старухи и след простыл, как и всех его покупателей. Вскоре, Масуду пришлось закрыть свои лавки, кроме самой первой, отцовской, но и она не приносила ровно никакого дохода. Напрасно исхудавший и постаревший Масуд проводил в ней день за днём. Напрасно зазывал он покупателей, обещая сказочные цены. Напрасно вывешивал свои лучшие шелка у дверей и предлагал их за гроши – никто не переступал его порога и, в конце концов, Масуд пришёл в такое отчаянье, что ему стал оказаться, что старуха прячется в его лавке и хихикает за его спиной. С саблей в руках он бегал по магазину и протыкал роскошный шелк, рубил прекрасный бархат, кромсал тончайшую парчу и рвал изысканный

батист. Он махал саблей направо и налево и почти обезумел, когда внезапно, услышал звон дверного колокольчика, возвещавшего о том, что кто-то вошёл внутрь. Как есть с саблей в руках и обрывками ткани в волосах, Масуд вышел к прилавку и увидел энергичного пухлого коротышку в синем тюрбане.

– Чего тебе? – бросил Масуд, так как давно забыл, как нужно разговаривать с покупателями.

– Я бы хотел купить у вас немного сукна, – невнятно ответил гость, так как рот его был до отказа набит сладкой халвой с рынка. – Что вы можете мне предложить?

– Вы хотите, купит у меня сукно? – остолбенел Масуд, роняя саблю.

– Ну да, – глухо ответил гость. – Это же лавка тканей Масуда, верно?

– Я не верю своим ушам, – сказал Масуд. – Вот уже год как ни одна живая душа не переступала этот порог, после того, как та мерзкая чёрная старуха с тараканами покинула его.

– Колдунья мне не указ, – ответил странный гость и стал неспешно прохаживаться меж тканями.

– Какая колдунья? – насторожился Масуд. – О чём вы говорите? Это была обычная сумасшедшая, которая каким-то образом...

– ... подговорила весь город ничего больше у вас не покупать? – закончил за Масуда гость. – вы это хотите сказать? И вы этому верите?

– Но...

– Продайте мне лучше сукно, а потом, быть может, я кое-что расскажу вам о колдуньях.

Как не был удивлён и заинтригован Масуд, многолетняя привычка возобладала в нём, и он бросился показывать гостю свои лучшие ткани и подробно рассказывать о них. Гость оказался большим знатоком и после долгого, тщательного осмотра купил несколько метров восхитительного индийского кашемира.

– Сколько я вам должен, Масуд, – спросил гость, отправляя в рот очередную пригоршню халвы, которую он выуживал из большой, висящей через плечо сумки.

– Берите его и ещё всё, что вам угодно совершенно бесплатно, только скажите, что мне делать? – взмолился Масуд. – Я разорён! Я в отчаянье! Что случилось? Почему все перестали заходить ко мне?

– Благодарю за щедрый подарок, – ответил гость, складывая кашемир. – Я постараюсь вам помочь. Идёмте, я кое-что вам покажу...

Они вышли на улицу, где гость указал Масуду на его лавку и спросил:

– Что вы видите?

– Я вижу улицу, – сказал Масуд. – Я вижу свою лавку... Я вижу сияющую вывеску и яркие ткани...

– А теперь посмотрите, что видят другие, – улыбнулся гость, протягивая Масуду кусочек синего стекла. – Взгляни-

те на свою лавку сквозь это...

Масуд поднёс осколок к своим глазам и в ужасе отпрянул:

– Не может этого быть?!

– Может, может, – кивнул гость. – Вас посетила колдунья и, судя по всему, она осталась весьма недовольна этим визитом...

Трясущейся рукой Масуд вновь поднёс стекло к глазу и опять увидел жуткую картину: вся его лавка кишела тараканами, вывеска была залеплена грязью, а вместо чудесных дорогих тканей с витрины свисали какие-то мерзкие, гнилые лохмотья.

– А ещё, всё это крайне неприятно пахнет, – с ухмылкой добавил гость. – Можете поверить мне на слово...

– Какой кошмар, – выдавил из себя Масуд. – Не удивительно, что все сторонятся моей лавки, точно чумы...

– Бывает и хуже, – рассмеялся незнакомец.

– Но что произошло? – простонал Масуд. – Почему все видят не того, что есть на самом деле?

– Потому что ведьма наложила на твою лавку заклятье, друг мой, – сказал коротышка, не прекращая есть халву. – А затем и на все остальные лавки тоже. Должно быть, весь день трудилась, бедняжка... Чем ты ей так насолил?

Масуд пересказал его разговор со старухой, и незнакомец пожал плечами.

– Всё ясно. Ты её выгнал, а ведьмы этого ох как не любят, вот она и отомстила тебе. Да-а-а, плохи твои дела, Масуд,

плохи... С ведьмами лучше не связываться. Очень уж они обидчивые.

– Как же мне быть? – чуть не плача спросил Масуд. – Может, есть какой-то способ избавиться от заклятья?

– Избавиться от такого заклятья проще простого, – усмехнулся незнакомец, – да что толку? Снимешь это, так ведьма поставит новое, а потом ещё и ещё. Ей это раз плюнуть. Нет, Масуд, пока ты с ней не помиришься, всё будет без толку. Даже не стоит начинать.

– Но как же я с ней помирюсь? С тех пор я её ни разу не видел. Должно быть, она давно покинула наш город.

– Как бы не так, Масуд, – ответил коротышка. – Она наверняка где-то неподалёку, просто ты не можешь её узнать. В тот день она отчего-то явилась к тебе в своём истинном обличье, а сейчас, наверняка скрывается под маской какой-нибудь милой девушки. Ведьмы просто обожают так делать. Впрочем, они могут обернуться кем угодно на своё усмотрение. Знавал я ведьму, которая часто принимала вид самовара: больно уж её нравилось, когда её топили сосновыми шишками и пили из неё чай...

– Как же мне её узнать?

– А ты пройдишь по базару в это воскресенье и посмотри на всех продавцов сквозь это синее стекло, глядишь и найдёшь свою знакомую. Особенно будь внимателен у рядов со сладостями. Ведьмы страсть как любят сладкое. От того у них все зубы и гнилые.

– И что мне ей сказать, если я её найду? – спросил Масуд

– Для начала, просто вежливо с ней поздоровайся, – ответил незнакомец. – А заодно, купи мне 10 килограмм халвы с кунжутом. Очень она мне пришлась по вкусу...

С этими словами незнакомец вежливо поклонился Масуду и удалился, не сказав ни как его зовут, ни где его искать.

«Почему бы и нет?» решил Масуд после коротких раздумий и отправился в ближайший воскресный день гулять по городскому рынку и разглядывать всех через синее стёклышко. Люди смотрели на него с удивлением и показывали пальцем, но Масуд был настроен решительно и продолжал поиски. Три раза он обошёл весь рынок и трижды рассмотрел всех продавцов, но нигде не увидел подмены. Под вечер, когда толпа начала таять, он заметил небольшой лоток с халвой, за которым сидел костлявый старик и вспомнил, что ему нужно купить 10 килограмм этой сладости. Старик подал ему халву, и насмешливо улыбнулся:

– Приятного аппетита, Масуд...

Голос старика показался Масуду знакомым. Отойдя в сторонку, он украдкой посмотрел на него через своё стеклышко и ахнул – это была ведьма! Гнев ударил в голову торговцу, и он уже хотел было наброситься на неё с кулаками, но вовремя одумался.

«Ты уже совершил одну ошибку, Масуд, и горько об этом жалеешь, – сказал он себе. – Не совершай ещё одну, ибо она может оказаться роковой. Вспомни, чему тебя учил отец.

Будь учтив и обходителен. Покажи, на что ты способен...»

Масуд поправил одежду, пригладил волосы и, вновь приблизившись к лотку с халвой широко улыбнулся.

– Простите мою рассеянность, – сказал он. – Я не сразу узнал вас. Моё почтение, госпожа колдунья. Как поживаете?

У старика отпала челюсть от удивления, и Масуд явственно увидел в глубине его рта недоумевающего таракана.

– Рад был снова вас встретить, – продолжил Масуд, переборов отвращение. – Хорошего вам дня.

– И вам... – глухо квакнул старик.

Масуд любезно поклонился и направился домой, не зная снится ли ему всё это или нет.

На следующее утро в его лавке опять звякнул колокольчик, и коротышка в чалме опять предстал перед ним.

– Ну, как всё прошло? – поинтересовался он. – Нашли ведьму?

– Да, – ответил Масуд. – Она торгует халвой в обличье старика.

– Забавно, – ответил незнакомец. – Похоже, она такая старая, что уже не может превратиться ни в кого молодого. Но это неважно. Вы купили мне халвы?

– Вот она.

– Превосходно, – обрадовался коротышка. – Только ведьмы умеют делать настоящую халву! Они добавляют туда... Впрочем, вам лучше этого не знать.

Гость отломил большой кусок халвы, засунул его в рот и

блаженно зажмурился.

– И что мне делать дальше? – робко поинтересовался Масуд, спустя несколько минут, так как незнакомец, кажется, и не думал открывать глаза, и продолжают разговор.

– Дальше? – переполошился гость. – Печь торт конечно! Вот рецепт.

Коротышка порылся в карманах и протянул Масуду большой лист бумаги, мелко исписанный с обеих сторон.

– Только ничего не перепутайте, – напутствовал он. – Это очень важно. Вы всё должны сделать своими собственными руками, а иначе, будет только хуже. Торт должен быть готов к завтрашнему вечеру. Так что поторопитесь. И смотрите, чтобы корочка не подгорела, а то она откусит вам голову... Шучу. Всего хорошего.

Незнакомец хихикнул, цокнул языком и удалился, оставив Масуда с длиннющим рецептом в руках.

– Как же я всё это приготовлю? – ужаснулся он, прочитав указания. – Тут одних только ингредиентов целая сотня! Да, зря я тогда прогнал эту ведьму, зря...

Однако, деваться было некуда и Масуд решительно взялся за дело. Он сходил на рынок, купил все необходимые продукты, заперся один на кухне, повязал фартук, нахлобучил на голову колпак и приступил к готовке. Он не выходил оттуда более суток, и едва не падал от усталости к исходу следующего дня, но торт был готов и, по мнению Масуда, удался на славу.

– Пусть только попробует его забраковать... – бормотал он, везя торт на тележке к рынку. – Я ей надену его на голову, а потом надаю таких тумачков, что она меня навек запомнит...

Размечтавшись о тумачках, которыми он наградит ведьму, Масуд не заметил на дороге глубокую выбоину, въехал в неё одним колесом, так что тележка наклонилась, торт съехал в сторону и упал боком в грязь...

От ужаса, Масуда прошиб холодный пот. Он спешно поднял торт и попытался счистить с него налипшую грязь, но у него плохо получилось.

– Всё кончено, – воскликнул он. – Какой же я растяпа! Эх...

Масуд ещё раз осмотрел мятый торт, горько вздохнул и вздохнул.

«Всё равно терять мне уже нечего, – решил он. – Куплю немного мороженого на входе и замажу им грязь и будь что будет...»

Так он и сделал, а потом покатил свою тележку напрямик к старику с халвой.

– Добрейший вечер, – сказал Масуд. – Чудесная погода, не правда ли? Я сегодня испёк для вас небольшой торт и хотел вас угостить. Вы не возражаете?

Масуд подтолкнул тележку вплотную к старику и заметил, как заблестели у того глаза.

– Даже и не знаю... – проскрипел старик, подозрительно

глядя на Масуда. – Это так неожиданно...

– Прошу вас, угощайтесь и не держите на меня зла. Приятного аппетита.

Старик икнул и неожиданно схватил торт своей костлявой рукой. Он оторвал от него большущий кусок прямо в том месте, где под слоем мороженого была грязь, и проворно засунул его в свой лягушачий рот. Масуд зажмурился и втянул голову в плечи, ожидая неведь чего, но, торт явно пришёлся ведьме по вкусу.

– С мороженым... – прошипела она. – Как вкусно... А что ещё ты туда добавил? Такой странный вкус...

– Это секретный ингредиент, – нашёлся Масуд. – Смесь... цветов.

– Превосходно... – ответила ведьма, вновь и вновь запуская руки в торт и уплетая его с невиданной скоростью. – Ну, говори, чего хочешь? Да поторапливайся...

– О, всего то самую малость, – ответил Масуд. – Я бы хотел чтобы вы простили мою неучтивость в тот день и больше на меня не злились... И, само собой разумеется, вы всегда можете заходить в любую из моих лавок, когда вам будет угодно.

Старик прищурился, а затем хмыкнул:

– Ладно, так уж и быть, я прощаю тебя... Но с этого момента, каждый год, до самой смерти, ты будешь приносить мне такой замечательный торт.

– Хорошо, хорошо, конечно! – обрадовался Масуд. – Я

согласен!

– Отлично, – ответила ведьма, слизывая остатки торта с тележки. – И вот ещё что, в следующий раз не жалеё своего секретного ингредиента, он мне страсть как понравился...

Старик вытер рот рукавом и принялся убирать свой товар, а Масуд, ещё раз пожелав всего наилучшего, помчался в лавку, боясь, как бы ведьма не передумала. Там его уже поджидал незнакомец.

– Ну, что, понравился старушке торт? – спросил он.

– Она была в восторге! – ответил Масуд. – Особенно ей пришёлся по вкусу мой секретный ингредиент.

Масуд рассказал коротышке про грязь и мороженое и тот покатился со смеху.

– Да, дружище, повезло тебе, ничего не скажешь, – сказал он, вволю насмеявшись и утирая слёзы. – Что ж, теперь дело за малым, снять заклятье.

– Что для этого нужно? – спросил Масуд, думая, что ему опять придётся бежать на базар. – Я готов.

– Успокойся, – снова рассмеялся коротышка. – Никуда ходить не нужно. Тут хватит одной горсти халвы или любой другой сладости...

Незнакомец подошёл к лавке, повернулся к ней спиной, бросил по три щепотки халвы через каждое плечо, а затем повернулся и сдул остатки сладостей на дверь.

– Вот и всё, – сказал он. – Можешь идти и снимать заклятье с остальных своих. Я тебе больше не нужен.

– Так просто?! – не поверил Масуд.

– Посмотри сам, если не веришь, – пожал плечами коротышка. – Волшебное стекло всё ещё у тебя.

Масуд глянул в стекло и вскрикнул от радости – в синем свете его лавка выглядела точно также как и наяву. Заклятье было снято.

– Ура! – закричал Масуд и в порыве чувств, схватил коротышку и что есть сил, сжал его. – Спасибо! Я спасён! Как я могу отблагодарить вас?

– Не нужно награды, – ответил незнакомец. – Ну, разве что немного халвы. Но не слишком много, а то я лопну...

– И это всё? – опешил Масуд. – Разве вы не хотите чего-то большего?

– Конечно, хочу, улыбнулся коротышка в синей чалме, – но то, что я ищу, находится далеко отсюда, Масуд, очень далеко. Прощай, торговец тканями, я и так слишком задержался в вашем чудесном городе, мне пора в путь.

– Назови мне хотя бы своё имя, – попросил Масуд.

– Моё имя... – задумался незнакомец. – Знаешь, у меня их так много, что я уже сам запутался. Просто запомни пухлого коротышку в синем тюрбане и этого будет достаточно.

Незнакомец покинул город следующим утром, унося с собой изрядный запас сладостей, которыми его снабдил Масуд и волшебное синее стекло.

– Оно тебе больше не понадобится, – сказал коротышка Масуду, когда тот попросил его оставить стекло у себя. –

Просто будь внимателен ко всем без исключения и тогда никакие ведьмы тебе не страшны. И обязательно держи в своей лавке что-нибудь сладенькое. Это избавит тебя от массы проблем...

Дела Масуда быстро пошли в гору. Покупатели со всех концов страны спешили к нему, чтобы купить лучший шёлк, бархат или батист. Масуд был вежлив со всеми и каждому предлагал кусочек какой-нибудь восточной сладости, которые всегда держал за прилавком. Одного только не могли понять городские жители, отчего это всеми уважаемый и необычайно богатый Масуд каждый год, день в день, готовит своими руками огромный торт из 100 ингредиентов и собственноручно везёт его какому-то ветхому старику, что торгует халвой на краю базара. А ещё, отчего это он, каждый раз, немного не доходя до рынка, со смехом опрокидывает этот великолепный торт прямиком в грязь, а затем мажет его мороженым.

Папа тихонько рассмеялся и добавил:

– Кстати, вы обращали внимание, что в некоторых заведениях до сих пор можно встретить вазочки с бесплатными конфетами? Они стоят там неспроста, потому что сладкое, лучшая защита от нечистой силы!

– Хорошая история, – сказала мама, выходя из-за стола. – Так, вы тут разбирайтесь с грязной посудой, а я пойду готовить торт.

Она отошла немного, а потом замедлила шаг, обернулась

и с невинным видом спросила:

– Я вот только не поняла, мне нужно ронять ваш торт в грязь или всё таки не стоит?..

– С этим мы разберёмся, – заверил её папа. – Ты его просто приготовь, а уж с ведьмой мы сами как-нибудь сумеем договориться....